

Международная гильдия писателей

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

XXI ВЕК

© Альманах «21 век. Литературное наследие».
Сборник стихов и прозы современных писателей.
Выходит при содействии Международной гильдии писателей
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
<http://ingild.com>

Германия: Stella 2025; 206 стр.

Все права защищены.

© Дизайн: В. Цветков.

Книга «21 век. Литературное наследие» – своеобразная капсула времени. Да, она обращена к потомкам, но в немалой степени и к сегодняшнему поколению. Без нас и наших усилий на благо мира и цивилизации не будет и будущего. То, что мы оставим после себя и с чем придется столкнуться нашим же детям, внукам и правнукам: с позитивом или негативом, со светлой радостью или глобальным несчастьем – зависит только от нас. Давайте же постараемся быть разумными, справедливыми, думающими о завтрашнем дне и благе для человечества!

© Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-396-3

Verlag «STELLA»
Deutschland
2025

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

XXI ВЕК

Люди будущих поколений!

Обращаюсь к вам из своего 2025 года XXI столетия. В наше время человечество достигло высокого развития науки и технического прогресса. Люди моего поколения ещё помнят, как в жизнь входили электрический свет и радио, первые телевизоры и магнитофоны... Нынче многие освоили компьютеры, без них трудно представить современную деятельность. Средством общения и информации стали смартфоны, айфоны, ноутбуки. Большим достижением нашего времени является возможность путешествовать по планете Земля. Появились понятие «человек планеты» и идеология мирового гражданства, ставящая интересы всего человечества выше интересов отдельной нации и государства и рассматривающая человека как свободного жителя Земли. Космополит считает своей родиной всю планету, а не отдельную обособленную территорию, не признаёт национального самосознания, политических, культурных границ... Вероятно, сторонников таких взглядов со временем будет всё больше. Время и пульс жизни требуют от современного человека знания иностранных языков, среди которых лидирует английский. Международные языки являются средством общения, культурного обмена, дают возможность расширять знания о других странах. Это объединяет людей доброй воли. Изобретённые искусственные языки не удовлетворяют требованиям полноценного общения. Новое время рождает поколение полиглотов. Это хорошо! «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек», – сказал когда-то А. П. Чехов.

Особое место в жизни человека занимает искусство с его познавательным, воспитательным и эстетическим влиянием. К сожалению, не все творения несут такие позитивные установки. Может быть, это одна из множества причин пагубного воздействия и, как следствие, трагических явлений в современном мире. Вседозволен-

ность, которую считают проявлением свободы личности, часто не учитывает свободу рядом живущих и забирает не только их свободу, но и жизнь. К великому сожалению, мы живём в эпоху войн, которые попирают все божьи заповеди и законы морали, несут неисчислимыя бедствия, разрушают веру в добро и справедливость. Вспомнилось высказывание Ф. М. Достоевского: «Счастье всего мира не стоит одной слезы на щеке невинного ребёнка». Сколько детских слёз пролилось и продолжает литься из глаз украинских детей, которые видели сгоревший дом и убитую мать. Хочется верить, что не уродства, извращения и власть силы, а, как мечтал автор книги «Преступление и наказание», «красота спасёт мир». Хочется не пожелать, а потребовать от будущего поколения объективно проанализировать и признать ошибки «отцов» и «отечества», изменить своё мировоззрение в пользу гуманизма, добра и мира.

Наша планета нуждается в бережном и заботливом отношении. На Земле столько неизученного, непознанного, неоткрытого. Изучайте, познавайте, открывайте и берегите наш общий дом! Как в любом доме, над планетой должна быть надёжная крыша, в ней должно быть уютно, чисто и красиво. Об этом направил своё пожелание потомкам и Антон Чехов: «Если каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что может, как прекрасна была бы земля наша!» И жить земляне обязаны в любви и согласии. Это зависит от каждого. Лозунгом должна стать внутренняя формула: «Если не я, то кто же?» У каждого народа есть свои праведники и подвижники. Именно их пример поможет открыть альтруизм и новые прогрессивные шаги в будущее.

Большую роль в созидании коллективного разума играет малая ячейка общества – семья. Воспитание в семье закладывает фундамент потомков. Родители – цепочка в родословной, дети – её продолжение. Знать своих предков, учиться на их достойных примерах, избегать необдуманных и ошибочных поступков – это значит идти вперёд, готовить себя к лучшей, более совершенной, гармо-

ничной и духовной жизни. Именно к духовно богатой. Бывает, что материальное благополучие не соседствует с духовностью.

Важную роль в жизни людей играют знания. Они расширяют кругозор, обогащают мировоззрение, помогают решать проблемы, делать верные выводы и улучшать свою жизнь, а также дают силы для борьбы с несправедливостью, насилием, коррупцией, бедностью и многими другими неприятными моментами в жизни общества. Образование – тот инструмент, который сможет развивать мир, потому что без идей нет творчества, нет развития нации и всего человечества. Хорошее образование даёт возможность проявить свои природные способности и выбрать по душе профессию. Образованный человек чаще развивает свои морально-нравственные качества по сравнению с необразованным. Разносторонние знания наполняют жизнь человека и расцвечивают её во все цвета радуги. Верится, что будущее за профессионалами, высоконравственными, миролюбивыми и творческими людьми. К этому нужно стремиться, передавая своим детям все лучшие качества, воспитанные в себе. Главное – сохранить в себе Человека в любых условиях, беречь в себе человеческое, помнить, что звание «царь природы» подразумевает совершенство и ответственность за всё, что происходит в окружающем мире.

Надежда Фурзенко
писатель, журналист, член МПП

Надежда Фурзенко

Континуум

Лето – продолжение весны.
Между ними чёткой нет границы.
И приходят в межсезонье сны –
Яблони в цвету и медуницы.

Дарит лес зелёный свой покой –
Будь то день весенний или летний.
Весь наполнен силой колдовской,
Напоён он тайнами столетий.

Всходы майские взрастит июнь.
Цвет весенний будет плодоносить.
А шальная мартовская юнь
В зрелый август все мечты уносит.

И, не прерываясь, жизнь идёт.
Ряд волшебных изменений длится.
Отражаясь в нас, весна цветёт.
Летний тёплый свет в душе струится.

Законы Вечности

Сквозь лунную грусть пробивается день,
В расщелину облака – солнечный луч.
Янтарными пальцами ловит он темь.
Но та ускользает, ведь морок летуч.
И прячется тень от дневного луча
Под крону ореха, за штору окна...
Так прячется – в радостный день и печаль,
Считая минуты, как станет она
Хозяйкой над миром летать и вносить
Бессонницу, мысли тяжёлые – в ночь,
Тревогу – в счастливые мирные сны...
Но снова рассветом прогонится прочь!

***

Стихи – моё спасение, уход от суеты,
от грусти в дни осенние, несбывшейся мечты.
Стихи – моё звучание. В безмолвной тишине,
наперекор отчаянью, их звук летит извне.

Стихи – след откровения того, что есть во мне;
и тайна сокровения, укрытая во мгле.
Стихи – души томление, желанный огонёк,
волнение, сомнение, надежды островок.

Стихи – моё творение, любимое дитя;
весеннее рождение осеннего листа.
Стихи как обещание бессмертия строки,
свет солнца в утро раннее у вечности реки.

***

В октябре оглянусь я на лето.
Замелькают прошедшие дни –
От зелёного до фиолета
Переливы цветные видны.
Солнцелико и многоголосо,
Всеобильно на ласку, тепло,
Лучезарно и светловолосо,
В сарафане цветастом... ушло!
И в себе унесло вдохновенье,
Что рождал огнедышащий шар,
Вечеров освежающих звенья
И рассветов особенный шарм.
Процвело, прозвенело, пропело,
Пролетело... назад не вернуть.
«До свиданья!» – шепнуть мне успело –
И ушло, сентябрю подмигнув.
В октябре оглянулась на лето...

Рондель

Простившись в мае, шаг за шагом
Весна идёт к нам целый год,
А в нас живёт весенний код
С неизъяснимым майским шармом.

Сезоны чинно катят шаром
Своею выпуклой дугой –
Простившись в мае, шаг за шагом
Весна идёт к нам целый год.

И вёсен годы сокращая,
(Неотвратим у жизни ход)
Звучит в нас мартовский аккорд.
Весны приход предощушаем,
Простившись в мае, шаг за шагом...

***

Я – дрозд. Меня не сразу ты заметишь.
Весь в чёрном, в зелени густой не виден.
О солнце, божество! Как нежно светишь
И ласкою снимаешь все обиды.
Встречая миг желанного рассвета,
Любимую мелодию из сердца,
Подобно флейте, отпускаю с ветром.
В том диком мире, где гуляет серость,
Мои «так-так», «гипс-гипс» – пустые звуки,
Но сад цветущий слышит звуков мысли:
Цветок и лист уловят крик разлуки –
Взлетает аромат надежд – и мы с ним!

***

Далёкое вдруг станет близким, а близкое уходит вдаль.
Увидишь яркое безликим, откроешь в незаметном дар.
Бывают в жизни перемены, когда людей не узнаёшь.
Вдруг открываются измены, «правдиво» выступает ложь.
И не в чести дела святые, их ось меняет полюса,
не в моде истины простые, и скучно алым парусам.
Вдруг задаёшь себе вопросы: родное чуждо почему?
И что нашёл, и что отбросил, когда сменил свой свет на тьму?
Далёкое не станет близким, и близкое уходит вдаль.
Молчат слова у обелисков, и только в сердце стук-удар...

Душевное

Души спокойной свет оконный
затмила лунная тоска:
забытого несчастья звоны
вновь – перебором – у виска...
Ладонь висок седой погладит.
К чему те струны теребить?..
Пусть звучит мажорным ладом
души серебряная нить.

Татьяна Бугаец

Есть только миг

В юности мне нравились песни на стихи замечательного советского и российского поэта-песенника Леонида Дербенёва. «Призрачно всё в этом мире бушующем. Есть только миг – за него и держись! Есть только миг между прошлым и будущим: именно он называется жизнью», – думаю, многим моим ровесникам знакомы эти слова из песни «Есть только миг».

Как известно, миг – это короткий промежуток времени, равный одной сотой секунды. Не зря такое название дают реактивным истребителям, способным в кратчайшие сроки достигать своей цели. Кто-то может не согласиться, что земная жизнь также подобна мгновению – яркому мигу, вспыхнувшему в вечности, как искра от костра. Однако пожилые люди утверждают, что это именно так.

Будучи студенткой, я снимала комнату у восьмидесятишестилетней женщины. Никогда не забуду, как после одной беседы со своей подругой, она, положив трубку старинного дискового телефона, произнесла с ностальгией:

– Какая же Оленька молодая...

В моем воображении забрезжил образ женщины лет пятидесяти.

– И сколько же лет вашей подруге? – уточнила я не без доли любопытства.

Она абсолютно серьезно ответила:

– Семьдесят шесть. – А потом задумчиво добавила: – Как быстро летит время...

В тот момент я, семнадцатилетняя девушка, подумала: «Мне до старости – как до Луны пешком». Сейчас же, находясь на пороге шестого десятка, я ободряю себя словами той пожилой женщины, радуясь, что всё в жизни относительно, и что в семьдесят шесть можно быть молодым в чьих-то глазах. Однако, как говорил премудрый царь Соломон, всему своё время: «время жить, и время уми-

рать». Увы, невозможно поймать время за «хвост», как птицу, и остановить его. Оно действительно «летит», а вернее – мы летим во времени.

В древнеславянском языке есть выражение: «мнится бысть – и несть». Иными словами, кажется, будто что-то есть, и вдруг – этого нет. Это ёмкое изречение можно отнести к земной жизни: изменчивой, непредсказуемой, способной прерваться самым неожиданным образом. «Да, человек смертен. Но это было бы ещё полбеды. «Плохо то, что он иногда внезапно смертен...» – говорил персонаж известного романа «Мастер и Маргарита». Участвовавшие природные катаклизмы, эпидемии, войны, болезни вполне удостоверяют нас в этом понимании.

В великой Книге говорится: «Что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий». Пар – это утренний туман, который ночью ложится на поля, реки, луга, а утром исчезает, будто его и не было. То, что нам кажется таким значимым, сравнивается с утренним туманом.

Когда приходится присутствовать на чьих-то похоронах, невольно смотрю на надгробные плиты и вижу две даты: рождения и смерти, а между ними маленькую чёрточку, символически обозначающую прожитые годы. Что вмещает этот период времени для конкретного человека, прах которого покоится в земле?

Когда-то мои глаза «резанула» прочитанная фраза: «Самое богатое место в мире – это кладбище». «Как? – воскликнула я мысленно. – Что за чушь?» И тут же дочитала ответ: «Потому что там похоронены несбывшиеся надежды, загубленные таланты и нереализованные мечты». И я невольно согласилась с этим необычным утверждением, поскольку знаю множество людей, праздно и бесцельно проводящих свою земную жизнь.

«Зачем я живу? Кто я, куда иду? Каково мое предназначение?» Полагаю, нам следует ставить перед собой эти сложные вопросы и искать на них ответы. Ведь никто не знает, какой будет вторая дата на

его надгробной плите. Нам дан короткий промежуток между «родился» и «умер», чтобы избежать горького разочарования поэта, написавшего: «Жизнь моя! иль ты приснилась мне?» В этой краткой фразе звучит опустошённость, безысходность. Счастлив ли был человек, написавший её? Это большой вопрос.

С течением жизни, размышляя о счастье, я пришла к пониманию, что счастлив тот, кто покидает этот мир, образно говоря: «пустым». «Как это?» – спросите вы. Это значит, что человек вычерпал весь свой потенциал, реализовал себя в благих делах и поступках.

«Построить дом, вырастить сына и посадить дерево», – это прекрасно, но есть ещё нечто, что мы можем сделать для других людей, оставив более длинный добрый след в сложной мозаике этого мира. Ведь не зря говорят, что наше – это не то, что мы взяли, а то, что мы отдали. Многим претит такое понимание отношений с окружающим нас миром. Люди думают, что, отдавая, они только теряют, и что никто им этого не возместит. Что касается меня, то я верю и убедилась на жизненном опыте в том, что не только рука, но и душа дающего не оскудевает. Давая от сердца, мы ничего не теряем, а лишь приобретаем. При этом внутренние приобретения оказываются гораздо ценнее внешних.

Рано или поздно каждому человеку придётся расстаться со своим телом – «обветшавшим костюмом», содержащим душу. Что под ним останется? Не знаю, как вас, дорогие читатели, но меня этот вопрос не оставляет равнодушной.

Жизнь – это миг, но миг бесценный, неповторимый. Он наполнен созерцанием, исканиями, умозаключениями. «Удивительное рядом», – писал поэт. Стоит лишь «распахнуть очи» своего сердца, как увидишь многое, о чём ранее не задумывался.

Так, в окружающей нас природе мы можем наблюдать прообраз земной жизни. Весной распускаются нежные, прекрасные цветы. Летом они благоухают, входят во всю красу, чаруя взгляд. Однако уже к осени дивные растения начинают опускать головки-бутоны

и медленно увядать, теряя белую красоту. Зимой же они и вовсе засыхают.

Так и люди, несмотря на большие достижения современной медицины, рано или поздно «увядают» и подходят к концу своих дней. Не напрасно псалмопевец сравнивает жизнь человеческую с травой, которая «утром вырастает, утром цветёт и зеленеет, постепенно подсекается и засыхает». Но наше преимущество перед растениями заключается в том, что цикл цветения и засыхания в природе длится год, а человеку дано много сезонов для «цветения» и «плодоношения» – ровно то количество лет, которое ему отмерено. Потщимся же, чтобы жизнь наша не оказалась бесплодной. Ибо придёт время, как писал премудрый царь Соломон, когда всё изменится.

«Задрожат стерегущие дом», то есть в старости начнут дрожать руки. «И согнутся мужи силы», – речь идёт о ногах, которых в молодости мы не замечаем, и с лёгкостью можем забежать на любой этаж. В преклонном возрасте ноги согнутся, и человек уже не будет столь проворен. «И перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось» – это о зубах, друзья. Кто-то возразит: «В наше время можно поставить зубные импланты». Да, это так. Но импланты – это не более, чем протезы, свидетельствующие о нашем увядании. Кроме того, далеко не каждый может позволить себе данную «фроскошь» в наши дни. «И помрачатся смотрящие в окно» – здесь речь идёт о глазах. Лазерная коррекция зрения делает чудеса, но, увы, не существует панацеи от глаукомы, катаракты и многих других болезней, которые омрачают старость. Лишь в преклонных годах многие люди осознают, какое это благо – видеть свет. «И зацветёт миндаль», то есть волосы станут седыми.

Когда мне было пять лет, я, лёжа на печке, спросила свою бабушку: «Ба, а ты боишься смерти?» Она ответила: «Да». В то время она представлялась мне старой женщиной, а сейчас понимаю, что ныне лишь немногим младше её, а в моих волосах уже «цветёт

миндаль». В современном мире существует множество тонирующих красок для волос, а профессиональные стилисты могут сделать маскировку седины, но это делает нас моложе лишь внешне.

«Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – во семьдесят», – говорит великая Книга. Все мы в пути, и каждый стоит в очереди, ведущей в мир иной. В обычной очереди мы рады опередить, и лишь в очереди в вечность все рады уступить место другому.

Мы можем скептически относиться к идее о существовании иного мира и иной жизни, и в этом нет ничего удивительного. Вероятно, находясь в материнской утробе, младенец тоже думает, что его жизнь – это только страдания во тьме, а приближающиеся роды – ничто иное, как дорога в небытие. Но в итоге чаще оказывается по-другому: младенец попадает в удивительный новый мир, чувствует чьи-то заботливые руки и видит лицо радостной матери или акушеров.

Так почему же мы думаем, что наше рождение не может повториться, только уже на более высоком уровне? Можем ли мы родиться в более совершенном мире, куда придём в бестелесном виде?

В древнеславянском языке есть также фраза: «мнится несть – и бысть». То есть, кажется, будто чего-то нет, и вдруг – оно есть! Что, если мир иной действительно существует, а на земле мы лишь готовимся к грядущей жизни, куда придём только своей душой?

Многим людям сложно в это поверить. Но ведь, если мы во что-то не верим, это не значит, что этого нет. Скорее, это значит, что мы ещё не способны это вместить, подобно младенцу, для которого поначалу единственное место нахождения – это лоно своей матери. А если мир иной всё же существует, там вряд ли есть банковские счета и кредитные карты, титулы и должности. Можно предположить, что там обитают лишь души с накопленным в течение земной жизни убогим «скарбом» или драгоценным сокровищем.

Татьяна Бугаец

Та пожилая женщина, которая сдавала мне комнату, однажды сказала: «Я проживаю каждый день с большим трепетом, как ещё одну маленькую жизнь, дорожа временем, которое осталось». А мы?

Пока мы в пути, давайте ценить каждый миг, дорожа оставшимся временем. Давайте проживать каждый день, как маленькую жизнь, не забывая наполнять свои души сокровищем. Ведь оно может нам ещё понадобиться в вечности!

Валентина Бендерская

Полиптих

1.

Спящий ребёнок царит
тёплым сияньем ланит –
это ли не Климт*,
выбивающий войны клин,
это ли не Серебрякова**,
сбрасывающая догм оковы,
это ли не Рубенс***,
полотном заслоняющий ужас
увечий детей от войны?.. –
Не смягчает глобальной вины
Мира за смерть невинных
елёй на картинах старинных.

.....
* Картина Густава Климта «Даная».

** Картина Зинаиды Серебряковой «Спящая девочка на красном одеяле».

*** Картина Питера Пауля Рубенса «Два спящих ребёнка».

2.

...А в гари, как футбольный мяч,
металось солнце,
не останавливая матч...
Активный стронций
вскипит в костях, как в проводах,
в крови гремучей –
не затихает лязг в рядах
войны ползучей,
не утихает вечный стон
ушедших в землю,
и нерасстрелянный патрон
ждёт свою жертву...
Война... Война! Она жива в сознание диком.
Как страшен мир, запечатлённый Мунка «Криком».
«Апофеоз войны»* трагически печален, –
как не кричит с картин об этом Верещагин.

.....
* «Апофеоз войны» – картина Василия Верещагина. На раме сделана надпись: «Посвящается всем великим завоевателям – прошедшим, настоящим и будущим».

3.

Цветение сирени –
как израильские сирены
воздушной тревоги
и ноги,
бегущие в прорву быстрее времени,
перед глазами племени
варваров –
ползучих авторов
переделов наделов,
погромов, разломов,
гремучих атак
синеющих врак!!!
Слёзы проливала природа,
а непогода
харкала кровавой листвой,
когда в каждый постой
ворвалась резня младенцев по велению Урода* ... –
...А ведь это октябрь двадцать третьего года!

.....
* Избиение младенцев – эпизод новозаветной истории: царь Ирод приказал убить всех вифлеемских детей в возрасте до двух лет, надеясь, что в их числе окажется и загадочный «будущий царь».

4.

...И казалось, на свете так будет всегда:
будет муха жужжать, утопая в варенье,
конь пастись на лугу, и овечьи стада
перезвоном считать бесконечности время.
И казалось, что больше не будет войны,
человек осознал своё Божье начало
и бесценность души, и единство страны
непреложно, грядущее мир обещало.
Солнце режет лучом и жнивье, и покос,
как изогнутым к небу мечом самурая.
Безмятежный полёт мотыльков и стрекоз
отменён над руинами мёртвого рая...

5.

На нотном стане облаков
скрипичный ключ рисует солнце.
И радуга опальных слов,
бравата вольности лесов
и пенье стреляных скворцов
врачуют раны сердца.
А ветер скручивает пыль
в басовый ключ и громогласно
на море баламутит штиль,
с листвой кадрируя кадрили,
и звуков вихря Грозный стиль
в трубе выводит страстно.
Вся эта музыка звучит
под управленьем тайной речи
Твоей, божественный пиит,
и голос твой мне говорит,
что войны, исчерпав лимит,
все временны. Мир вечен!

Приговор

1.

Был страшный ветер, и гроза
три дня и ночи бушевала,
как будто было с ними «за»
девятого исчадьё вала.
Цветы, которые вчера
тянулись к солнцу (образ счастья),
растерзаны, в углу двора
лежат с обломками ненастья.
Средь них я вижу наяву
обрывки чувства-пустоцвета,
их лепестков разрыв по шву –
так не познавших радость лета.
Им не подняться из руин,
им приговор подписан свыше...
Кто ты, безбожный властелин,
чьей грозной силой буря дышит?
Вдруг захотелось рисовать.
И этот куст, побитый градом,
я занесу в свою тетрадь,
чтоб там он цвёл бессмертным садом,
и остриём карандаша
вдохну жизнь в груды сердолика,
как в обескровленность – душа,
рываясь в мир младенца криком!!!

2.

Прикрепила Весна цветы
на зелёной тунике куста.
Сочной краской Лады-красы*
дикой розы налились уста.
Ты, Весна моя, вечная песнь,
от рожденья до смерти – любовь.
Упадая в объятия сень,
в ней Тебе признаюсь вновь и вновь.
Обезлюдить Твои терема
и Твоё всем начало начал
обескровить не сможет Зима,
сколько б филин в ночи не кричал.

.....
* Лада – богиня весны и любви в славянской мифологии.

Леонид Колганов

Птенец дракона

Птенец дракона выпал из гнезда.
Но кто же знал, что он птенец дракона?..
На небе не вошла Полярная Звезда,
Как не вошла она во время Оно!
Но знаю точно – мальчик среди нас
И может очень быстро опериться.
Он ждёт, когда наступит его час,
Чтоб в печень Мира огненно вкогтиться!
И затаён в нём зла Великий Код,
Хоть с виду он обыкновенный мальчик,
Так, может быть, и маленький Пол Пот
Не вызывал ни в ком предчувствий мрачных?!
Его от нас пока скрывает мгла,
Он – как змеёныш – среди руин Союза,
В него всадили код сплошного зла,
Как код добра введён был в Иисуса!
Птенец дракона ходит среди нас,
И до поры он – мальчик-биоробот,
Но ждёт сигнал: в какой взметнуться час!
И слышу я его грядущий клёкот!

Тени рукопашной

Памяти 3 октября 1993 года

И снова брат в штыки идёт на брата,
И продолжается Гражданская война,
И нет на ней, как прежде, виноватых,
На всех, как встарь, лежит одна вина!
Разверзлась Бездна чёрная меж нами,
И мы, – ничто на Свете не щадя,
Завалим её мёртвыми телами,
Друг с другом врукопашную идя!
Земля накроет тёмным нас тулупом,
И мы поляжем средь сырой земли,
Чтоб наши дети – да по нашим трупам
Трагическую Бездну перешли!
Великой правдой и Великой ложью
Её удобрим в свой последний час,
И будет мост из падших тел проложен
Для тех, кто будет поумнее нас!
И будет новый день для них не страшен,
Не нужным станет никакой герой,
И только тени тёмной рукопашной
Скользить меж ними будут в час ночной!
То – в чёрных зеркалах, покрытых пылью,
Блуждаем мы дорогой теневой,
Где наши тени в темени могильной
По-прежнему ведут вслепую бой!

Братский бой

О, кто подскажет верный путь,
Коль узел так запутан,
Когда кругом сплошная муть,
И все мы на распутье
Застыли, как богатыри,
Зашли в тупик дороги?!
Орём на Бога: «Говори,
Куда направить дроги?!»
Окостенели мы давно
На жизни полустанке
И размышляем, как Махно:
Куда рванут тачанки?
А, в сущности, нам всё равно:
Чтоб не стоять напрасно,
Рванём – болот отбросив дно –
На белых и на красных!
И сабли, вспыхнув на заре,
Груз сбросят омертвелый!..
Висеть тогда на фонаре
Всей своре оголтелой!
Живая смерть нам не в укор –
Листвой зелёной виснем!
Несёт тачанка на простор
Из этой мёртвой жизни!
Нас нет, как листьев в декабре,
Давно дошли до «вышки»!
Но почему вновь на заре
Скрестились сабель вспышки?

Тревожно я смотрю окрест:
Война не отшумела,
И снова, как горящий крест,
В ночи скрестились стрелы!
И не видать конца войны...
Покуда только словом
Стоим вновь с разной стороны
На поле Куликовом!
Стоим, как Дмитрий и Олег*,
Мы супротив друг друга,
И слышен только скрип телег
Да братская поруга!
Опять мы боремся с собой,
И рвутся братства жилы,
И снова ждут нас братский бой
И братские могилы!

.....
* Во время Куликовской битвы на стороне Мамаю стоял рязанский князь Олег.

Александр Василенко

XX век. Вторая половина

Как мы выживали

Я пишу воспоминания. Пишу для внуков, родившихся в Германии, для потомков, которых уже не застану. Материал получается большой. Для сборника я взял одну главу моих воспоминаний: рассказ о нашем питании, начиная с 1960 года, в котором я пошел в школу и умер мой отец.

Родился я в 1952 году, через шесть лет после самой жестокой Второй мировой войны, на окраине маленького уральского городка Аша в семье потомков бывших крестьян-переселенцев из Харьковской губернии. Родители еще в 30-е годы сбежали из деревни, так как поняли, что приусадебное хозяйство можно вести и в городе, а работа на заводе или фабрике оплачивается реальными рублями, а не пустыми палочками-трудоднями в записной книжке колхозного бригадира.

Итак, год 1960-ый. В этот год 17-го сентября в ашинской городской больнице в возрасте 46 лет умер наш отец. Смерть отца заставила мать начать новую жизнь, полную трудностей: ей предстояло одной поднимать двоих детей без поддержки, хотя и постоянно больного, но все же мужчины.

Отца я помню очень плохо, в детской памяти осталось только то, что это был исключительно добрый, заботливый и умелый человек. За свою совсем недолгую жизнь он успел отслужить действительную службу, пройти финскую войну, а в Великую Отечественную в боях под Москвой был тяжело ранен, что послужило толчком к развитию фатальных болезней и его преждевременной кончине.

Да, потеряв отца, мы стали маргинальной семьей. Конечно, большинство одноклассников из нашего класса жили небогато, были даже и победнее нас. Но практически у всех родители где-то работали.

Моя же мать решила, что теперь будет жить на пенсию для сирот и вести приусадебное хозяйство. Основой хозяйства была корова – послушная и неприхотливая. Хотя удои и были небольшими, но все же каждый день можно было продавать целую трехлитровую банку молока, а то и две, что приносило матери почти 30 рублей в месяц! Иногда она продавала яйца, сало и зелень с огорода. По ее расчетам, это было выгоднее, так как зарплата уборщицы в те времена была всего 36-40 рублей. Да и ей, выросшей в деревне, казалось, что земля и скотина надежнее какой-то казенной зарплаты. Не доверяла она государству.

Если судить чисто по доходам, то после смерти отца мы стали очень даже бедными. (Не скажу – нищими, так как это слово несет огромный заряд отрицательной энергии). Но если сравнивать с примерами из литературы, в которых описывались жизнь и питание самых бедных слоев населения в 60-х–70-х годах XX века, то, по моим воспоминаниям, у нас все было не так уж и плохо.

Возьму пример из жизни. Наша одинокая соседка тётя Женя работала на заводе, а ее приусадебное хозяйство ограничивалось посадкой картошки. Однажды соседка похвалилась моей матери, как она и ее напарницы ухитряются дотянуть до получки. В период безденежья они брали в столовой только чай, который стоил тогда две копейки, садились компанией за стол, на котором в те времена стояла тарелка с горкой ломтей бесплатного хлеба, и уминали его с чаем. А дома, кроме картошки, ничего не было. Но и семьи, где были живы оба родителя, нельзя было считать благополучными, если пил отец. И совсем экстремальный случай – это когда пили оба: и муж, и жена. Лично я знал две таких семьи, живущих совсем неподалеку от нас.

Напомню, что жили мы на Урале на широте 54°59'50`` северного полушария. В те времена только очень зажиточные семьи имели холодильник, поэтому у большинства летнее питание очень сильно отличалось от зимнего. Жизнь на окраине маленького городка

позволяла вдове с двумя детьми держать корову, поросенка и десяток кур. У нас был большой приусадебный участок (около 10 соток), а для коровы животовариществом выделялся покос.

После смерти отца мать выхлопотала сиротскую пенсию в 42 рубля и 50 копеек. Поскольку на еду предполагалось не более рубля в день, то в магазине мы покупали исключительно хлеб, сахар и соль. Изредка чай, булочки, подсолнечное масло и конфеты «подушечки» в пудре из какао.

На завтрак мать иногда варила манную кашу или «затирушку». Тесто для этого блюда она тщательно перетирала руками, добавляя в него яйцо и варя всё это на молоке. Или просто пили чай с хлебом и вареньем. (Однажды мой сотрудник – земляк съязвил, что в Аше русские кинут в кипяток варенье, поболтают ложкой и называют это чаем! Так в нашем обиходе и возникло выражение: «попить ашинского чайку».)

Почти каждое воскресенье утром мать пекла блины, хотя лучше было бы это блюдо назвать омлетом, так как яиц в тесте было очень много.

На обед в летнее время главным блюдом, а зачастую и единственным, был суп. Мать сильно не заморачивалась, и суп состоял из воды, картошки, какой-нибудь крупы и зажарки (лука на сале). Летом для разнообразия в супы клались нижние листья свеклы или капуста. Иногда вместо крупы туда шла всё та же «затируха».

Ну и как же без окрошки? Делать её мы начинали уже в марте. Из всего набора, необходимого для этого волшебного блюда, в данное время года в наличии были только зеленый лук, выращенный на окне, картошка и сваренное вкрутую яйцо. Как ранней весной, так и летом – основой для окрошки редко служил квас, чаще сыворотка из под простокваши.

Традиционно один раз весной мать варила суп из крапивы – как память о лихих военных годах, когда, кроме этого супа, ей нечего было предложить старшим детям. Изредка в доме были грибы, и

если это были вешенки, то их жарили с картошкой, а так же клали в стандартный летний суп.

В ноябре приглашали дядю Леню резать поросенка. О том, что можно делать самим колбасу, никто из моей родни и знакомых не догадывался. Мать как попало промывала кишки и вешала их на стенку в холодных сенях. Отныне ночами там собиралась банда окрестных котов, которые каким-то образом дотягивались до этой висящей гадости и грызли её, время от времени устраивая драки. Это была естественная защита от мышей и крыс. Наверное, выдержать вопли беснующихся котов они были не в силах.

Итак, отныне до самой поздней весны у нас было много жирной свинины. Теперь варилось что-то похожее на борщ с большим куском мяса, либо по настроению делались пельмени, драники с мясом, голубцы, котлеты и беляши. (Манты, чебуреки, а так же начиненные фаршем блины делать мать не умела). Все это готовилось очень часто: особенно во время каникул – по поводу и без. Так как поначалу мясорубки у нас не было, то мороженое мясо мелко рубилось в специальном узком корытце специальной же тяпкой, в ручке которой был залит свинец. Это была наша с братом работа. Впрочем, лепка пельменей тоже не обходилась без нас.

Однажды к нам в гости из Уфы приехала младшая сестра матери, для нас тетя Вера. Тетка к тому времени дослужилась до начальника проекта, муж её тоже зарабатывал очень хорошо, и положение их семьи казалось мне верхом благополучия. Мы быстро соорудили для гостыи пельмени, и тетя Вера сказала, что таких вкусных она никогда не едала. И это, решила она, именно из-за того, что наш фарш рубленый.

Ужин отличался от завтрака лишь тем, что затирушка не варилась, а к чаю, кроме хлеба с вареньем, добавлялась картошка в мундире из той, что варилась для поросенка, и кусочек сала с чесноком или без. Сало я не любил, и поэтому вместо него иногда получал вареное яйцо, соленый огурец или то, что оставалось от обеда.

Летом, в связи с отсутствием мяса и низкой калорийностью пищи, часто хотелось чем-нибудь перекусить. Я и мой брат вместо воды часто пили молоко, и это определенно давало какую-то сытость. Иногда мы отрезали хороший кусок белого хлеба, который обмакивался одной стороной в молоко, а затем в сахар. Подобный кусок был стандартным лакомством практически всех детей на нашей улице – своеобразным пирожным того времени. Кроме этого, летом можно было пойти в огород, вырвать с грядки морковку или брюкву, помыть её в бочке с дождевой водой, почистить складным ножиком и съесть. Также во второй половине лета я «пасся» в огороде на той его части, где росла картошка, а на меже росли горох или бобы.

С середины лета и ближе к осени питание становилось разнообразнее: поспевала смородина, крыжовник, к брюкве и морковке добавлялись огурцы. День, когда наконец-то можно было сорвать первый огурец, был для нас настоящим праздником. Когда мы разрезали его на две части и срез натирали солью, от него исходил такой умопомрачительный запах! Ну и падающие с яблонь червивые плоды: они были достаточно сладкие и, вырезав червивое место, их вполне можно было употреблять в пищу.

Из дикорастущего подножного корма, кроме грибов, кислятки (*Aconogonon alpinum*) и ягод малины и земляники, дети ели и очень экзотические вещи: ягоды паслена, черёмухи, стебли хвоща, примулы (*Prímula denticulata*), пикана (*Archangelica officinalis*), дикарки (*Búnias orientális*), липовые почки, плоды просвирника (*Málva pusílla*).

Про кислятку (*Aconogonon alpinum*) я расскажу поподробнее. Где-то в конце апреля–начале мая на горных склонах появлялись побеги *Aconogonon alpinum*, или горца альпийского, которые мы называли кисляткой. Это было универсальное растение. Всё – начиная от корней до самой верхушки – шло в пищу. Из кислятки варили суп, пекли пирожки и ели просто так с солью или сахаром. Ходили

за ней на Аджигардак или на Снеговые горы, и это было довольно-таки далеко. Я обычно ходил с соседскими девчонками – теми, с которыми вырос. Организовывала и возглавляла поход либо молодая женщина, либо девушка из старших классов. Сзади всех шли мелкие девчонки и я вместо «мужика». Брат ходил с парнями и приносил много больше, чем я. Его добычу мы сортировали, связывали в пучки, которые затем мать продавала на базаре.

Потом подходило время сбора дикорастущей земляники. И практически тем же составом мы отправлялись за ней. Либо на Лысую гору, либо в так называемый 110-ый квартал. Это было еще то испытание: жара, ягоду есть было нельзя, иначе ничего не наберешь. А самое мучительное – это комары, слепни и золотоглазые мушки, которые кусались особенно больно.

Летом же мать или старшая сестра Вера, которая уже жила отдельно, устраивали поездки на узкоколейном «паровозике» за клубникой, малиной или грибами вешенками, которые у нас назывались вязовиками. Ягод нарывали по целому ведру, а грибов – по большому мешку.

Начиная с июня наша речка Сим мелела, и на перекате под мостом постоянно толпились стайки уклеек. Иногда мой брат Володя, но чаще я сам, обтягивал стеклянную банку в четверть литра марлей, в которой вырезал круглое отверстие, делал из хлеба шарик и отправлялся на перекат ловить рыбу. Хлебная приманка клалась в банку и та ставилась в воду, подальше от берега. Подождав какое-то время, осторожно, стараясь не делать всплесков, я подбирался к банке и выхватывал ее из воды. Примерно до половины залезших туда рыбешек убегало, а пойманные отправлялись в бидончик. Я менял приманку и ставил банку уже в другом месте. Наловленные уклеи были даже помельче, чем шпроты, дома они чистились и вместе с головой укладывались аккуратно на дно сковородки, а сверху заливались яйцом или двумя. Это было божевственное блюдо, ни в каком ресторане вам не подадут такого! К

блюдам, которые вам не подадут ни в каком ресторане я бы причислил и лесную землянику в молоко. Его тоже не отведают ни один завсегдатай ресторана, а вот маленький ребенок с окраины – вполне.

Наша начальная школа находилась рядом с продовольственным магазином, поэтому на переменах школьники бегали туда и покупали либо прессованный параллелепипед фруктового чая за 14 копеек либо прессованный кубик какао с молоком за 6 копеек. Позднее, когда эти «лакомства» исчезли, стали покупать прессованную плитку фруктово-ягодного киселя. Все это дети с удовольствием грызли.

На большой перемене в школе продавались жареные пирожки с картошкой или капустой за 4 копейки, с повидлом за 5 копеек и с ливером – не помню уже за сколько. Я очень редко покупал «лакомства», а пирожки вообще не брал. Иногда позволял себе микроскопическую булочку за 2 копейки. Наверное, не потому, что мать не могла выделять нам с братом по 5 копеек на школьные завтраки, а просто, глядя, как мать с трудом пыталась свести концы с концами, я ответственно отказывался от всех «лишних» трат на себя.

В школе был родительский комитет, и однажды на его заседании детям из бедных семей было решено выделять по стакану молока. С этим было много мороки. Кто-то из комитета должен был ждать у моста через реку молоковоз, перегружать флягу на санки и тащить их в гору к школе. Потом разливать молоко по стаканам, раздавать школьникам, затем мыть их, а так же флягу – и это каждый день.

Я тоже попал в этот список и недоумевал – зачем мне это молоко? Оно только булькало в пустом желудке. Как-никак у нас была корова и повторюсь – дома мы пили молоко вместо воды. Забота – это, конечно, хорошо, – думал тогдашний я, – но лучше бы давали булочку за 2 копейки.

Напоследок упомяну о советской «жевательной резинке» – гудроне. Добывали его на стройке, щедро раздавали друзьям и стара-

тельно жевали. Бабушка-соседка пыталась приучить нас к сделанной ею жвачке из пихтовой смолы с известью, но какая-то тетка сказала, что эта бабка добавляет туда козлий помет, и мы, конечно, поостереглись что-либо брать у неё.

Вот так мы выживали. Как видим, питание в те времена было простое и небогатое, может быть, поэтому толстых детей во времена моего детства практически не было.

Елена Ханина

Голос разума

Голос разума давно людей не тревожит.
И каждый живет на этой земле как может.
Мы растворились в айпадах или айфонах.
И глаза не замечают проем оконный.
Что там за жизнь вне фейсбука, Ютуба, Гугла?..
Речка, костер, горячие черные угли...
Некогда спорить, глаза поднимать на лица.
Слово, хотя не горит, но может искриться.
Его обозначат роликом на Ютубе.
Крутят кассету в элитном закрытом клубе.
Слово любое имеет сотни оттенков,
Спускается обезьяной с высокой ветки.
И держит за галстук нувориша, вельможу.
Просит помочь – получает плевков прохожих.
Его в подвале зальют горячим бетоном,
Выползет слово и вновь на стекле оконном.
На языке хеттов напишут – ПРОЩЕНИЕ.
Но не поймут, не уловят его значения.
Сто поколений пройдут по земле, как дождик.
Его расшифруют намного-намного позже.

Время спрессовано

Время спрессовано, время срисовано,
калька прошедших годов.
Время утрачено, время проплачено,
думай о нем в унисон.
Время скукожилось, вырвалось, ожило,
смотрит на новых людей.
Время задумалось, медленно сузилось,
время седлало коней.
Вырваться, выскользнуть, выйти и высказать
все, что желал сохранить.
Время железное, прямо над бездною
хочет в нирвану уплыть.
Время бескрайнее с хитростью, тайною
нам ли тебя разгадать?
Ты мне подарено красками марева,
дней и секунд моих рать.

Наш мир

Наш мир, основанный на зле,
хотели часто переделать,
отнять и поделить наделы.
Писали оды и новеллы,
искали истину в вине,
в трактатах, философских спорах
то Фрейд, то Плиний, то Рамбам.
Пророки приходили к нам,
вгрызались в Библию, Коран
и в мудрость, спрятанную в Торе.
Так жили много тысяч лет.
Рождались шахи, падишахи,
кончали жизнь свою на плахе
цари, придворные, монахи.
Предательство и злой навет...
И вот уже век двадцать первый
взирает в прошлые века.
Все ищет правду, берега
ушли, как прошлое, в бега,
а у Вселенной сдали нервы,
желает показать нам всем –
апокалипсис за калиткой,
наш мир, мерцающий и зыбкий.
Он – плохо пахнувший и липкий –
вдруг вырвался из тесных стен.

Из тесных стен душевной лени,
из добрых сказок про людей,
где искушает хитрый змей,
где нет побед и поражений.
Наш мир, основанный на зле,
другим не будет до скончания.
А мы пришли на отпевание.
Скрипит надсадно мироздание,
надежда ждет на самом дне.

Одумайтесь

Одумайтесь, живущие сейчас.
Вы озабочены покупкой виллы,
Лепешки, пиво, водка и текила...
А утром обожатели ИГИЛА
В четыре выйдут дружно на намаз.

Одумайтесь. Минута, десять дней,
Секунда, что растаяла снежинкой.
У пирога черничная начинка.
Читают приговор нам без запинки.
Рычит, разбушевавшись суховей...

Одумайтесь! Так много красоты
В букашке и воробышке на ветке.
Рассвет встаёт с небесной табуретки.
Ночь, паучок плетет до неба сетку.
И говорят бездомные коты.

Одумайтесь – покупка ЛАМБАРЖЕ,
Хрустальных люстр, высокого забора
Важнее встреч друзей, похода в горы,
Чай на костре, влюбленность, разговоры...
И дирижабль завис на вираже.

Одумайся! Пусть тикают часы.
Нам не известна дата погребения.
Искрится солнце, каждое мгновение
Дарило счастье сотням поколений.
Бушуют волны цвета бирюзы.

Татьяна Бадакова Мой Пушкин

Пушкин – наше всё.

Аполлон Григорьев

Пушкин... Он такой необъятный, всенародный, всеми любимый... Он – навсегда!

Это поэзия, в которой «есть воплощение простоты, благородства, свободы, здоровья, ума, такта, меры, вкуса», – такое воспитывающее значение поэзия Пушкина имела для русского писателя Ивана Бунина.

Как и все дети, маленькой девочкой я любила сказки. Едва научившись читать, погружалась в удивительные приключения царевича Гвидона, меня увлекал за собой Золотой петушок, завораживали и Кот-учёный, и ступа с Бабою-Ягой. Я не задумывалась об авторе и не знала тогда, что Он – наш великий поэт. Эти книги были моими друзьями.

Пушкин приходит в жизнь человека с раннего детства, вернее, не приходит, он находится в нашей жизни как родной и близкий человек, например, бабушка. Ведь ребёнок ещё не осознаёт – кто такая бабушка, откуда. Просто он знает, что она всегда рядом.

Взрослея, человек на каждом этапе жизни встречается с Пушкинным, и это действительно так. Ведь только настоящий друг может глубоко понять душевные переживания влюблённой девушки:

«...Я к вам пишу – чего же боле?

Что я могу ещё сказать?»

А какой женщине и поныне не хочется слышать сердечные признания:

«Я помню чудное мгновенье,

Передо мной явилась ты,

Как мимолётное виденье,

Как гений чистой красоты...»?

Сокровенные для меня обращения «любезная калмычка» и «друг степей калмык» – это национальная гордость нашего народа и взаимная любовь к Александру Сергеевичу Пушкину. Народ в целом, каждая семья и отдельный человек в Калмыкии горячо любят Пушкина. В нашей республике трудно найти поэта, который не откликнулся бы собственными стихами на пушкинские «калмыцкие нежности».

Думая о Пушкине, непременно хочется признаться ему в любви и поблагодарить:

*Зазвучат наши степи ковыльные, вторя
красоте твоих рифм, достигших небес.
Табуны лошадей в гривах вольную волю
принесут, столь желанную, Гений, тебе.
От любезной калмычки – улыбку нежную,
взор сегодня её уже вовсе не дик.
Благо дарят потомки, душой безбрежную,
на века воспетые – «друг степей калмык».**

Говорят, что у каждого человека и у каждого поколения свой Пушкин. Вот как писал русский писатель Иван Бунин о гении Пушкина, который был для него кумиром, ориентиром в творчестве и символом России:

«Каково было вообще его воздействие на вас?» Да как же это учесть, как рассказать? Когда он вошёл в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил её небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной – и так, особенно – с самого начала моей жизни. Имя его я слышал с младенчества, узнал его не от учителя, не в школе, а в той среде, из которой я вышел, тогда говорили о нём, повторяли его стихи постоянно. Говорили и у нас – отец, мать, братья...

А потом – первые блаженные дни юношества, первые любовные и поэтические мечты, первые сознательные восторги от чтения тех

.....
* Татьяна Бадакова. Шестое июня.

очаровательных томиков, которые я брал ведь не из «публичной библиотеки», а из дедовских шкапов и среди которых надо всем царили – «Сочинения А. Пушкина». И вся моя молодость прошла с ним».

А мне не даёт покоя вопрос: «Где же он, мой Пушкин? Где его душевные откровения, такие близкие и родные, мои?» И – о, чудо! Среди бесчисленных завораживающих строк я нашла:

*«Мороз и солнце – день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный?
Пора, красавица, проснись,
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры
Звездою севера явись!»*

Только сейчас становится понятно, почему часто приходят мне на ум эти строки. Они – мои. Я люблю просыпаться с радостным настроением, приветствуя солнце. Оно даёт надежду, что новый день будет чудесным.

«Пора, красавица, проснись...» – так всегда говорила мне мама по утрам, входя в мою спальню и открывая шторы. Тогда солнце, словно спортсмен на старте, томившееся в ожидании своего часа, врвалось в маленькую комнату ярким светом, и «...вся комната янтарным блеском озарена...». А я, потягиваясь, открывала «сомкнуты негой взоры» и видела улыбающуюся маму у окна в солнечном сиянии. На всем белом свете ни один шедевр мира не может сравниться с волшебной картиной моего утра! До сих пор от воспоминаний по телу разливается тот добрый свет от мамы и солнца.

«Пора, красавица, проснись...» – наперебой, разливаясь весёлой трелью, пели в раскрытое окно студенческого общежития воробьи и синички. В ответ им – моя улыбка и радость начала дня.

«Пора, красавица, проснись...» – по утрам говорит мне мой друг-супруг вот уже сорок пять (сапфировых) лет. И пусть иногда с укором, чаще с юмором, но всё равно с теплом.

Я понимаю, что мой день не может быть испорчен ничем, если он начинается с таких прекрасных пушкинских слов. И находятся у меня силы и стремления «навстречу... Авроры» явиться всегда «звездой». Воистину, гений-пророк!

«Пора, красавица, проснись...» – сегодня говорю я своей любимой внучке и знаю, что её день будет непременно солнечным.

Научил жить «во имя»

Семидесятые годы прошлого столетия.

Апрель.

Всё сегодня подчинено доброй встрече – расцветающая и щебечущая весна, тщательно подобранный наряд, чудесное настроение и лёгкое волнение.

Совсем ещё юная студентка спешит на свидание с Поэтом.

Она взволнована, а сердце её ликует уже с утра. Прочитав сообщение на Доске объявлений в студенческом городке, её лирическая душа затрепетала, как от встречи с любимым.

«Какой он – знаменитый поэт?»

«О чём поведает? Что прочтёт?»

«И что же услышит она?»

Её интересовало всё, даже как он будет выглядеть, какой у него голос. На самом ли деле он очень необычно читает свои стихи? Нараспев, словно древний джангарчи*.

Зал полон.

Открывается дверь, и в аудиторию входит... не человек, а человечище. Статный, степенный, широкоплечий калмык. Показалось: облачи его в доспехи, и превратится он в богатыря из её детских книжек. Но война очень и очень мирного: на лице улыбка, тёплый

.....

* Сказитель, исполнитель калмыцкого эпоса «Джангар».

взгляд его карих с прищуром глаз излучает свет. И весь его облик – сплошное олицетворение чуда. Необычная причёска с развевающимися кудрявыми, зачёсанными назад волосами, высокий лоб и голос...

Когда он заговорил, пред ней предстал сказочник-пророк с ласкающим слух голосом. Он не говорил, он пел.

*Дела, гревевшие в веках,
Не сгнули безвестно,
Не превратились в тусклый прах,
Не погрузились в бездну.
В нас всех – грядущего зерно:
Нет почвы плодородней...
«Вчера» и «Завтра» сплетено
Одним узлом «Сегодня».*

Да-да, именно так он читал, проговаривая каждую букву, как она есть, не «СеВодня», а «СеГодня». В особенности подчёркивая согласные. В них он видел, наверное, силу слова и стиха.

Поэт завладел вниманием всех присутствующих. Глаза и уши больше не видели и не слышали ничего вокруг. Истинная магия Творца!

*Никто не помнит своего рожденья,
Никто не вспомнит свой последний час.
Два рубежа, две грани, два мгновенья
Неведомы ни одному из нас.
И всё пространство, весь кипучий бег
Ночей и дней меж рубежами теми,
Всё, что философ именует «время»,
Что жизнью называет человек.*

Честность каждого его слова чувствовалась сразу и поэтому притягивала.

*Друзья похвалят, не переча,
Осудят подруги, сердясь.*

Зато с читателями встреча

Чиста от злобы и прикрас.

Читал он много, с упоением.

А люди слушали, затаив дыхание, стараясь запомнить и вобрать в себя философию умудрённого жизнью человека.

Я помню прошлое. Я помню

Свой голод. Больше я не мог.

И русская старушка, помню,

Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила

В моём кармане свой ломоть.

И быстро прочь засеменила,

Шепнув: «Спаси тебя Господь!»

Хотелось мне, её не зная,

Воскликнуть: «Бабушка родная!»

Хотелось петь, кричать «ура!»,

Рукой в кармане ощущая

Существование добра.

– А где же любовь, чистая и нежная?

И, словно услышав её, Поэт тут же откликнулся:

Жду тебя...

Жгучий ветер, протяжно трубя, обжигает лицо.

Жду тебя...

Снег позёмкой шуршит, под ногами скрипя,

Жду тебя...

А мороз, белым просом слепя, на ресницах застыл.

Жду тебя...

И бросает меня не от холода в дрожь,

А от мысли, что ты не придёшь!

И чем дольше длилась встреча, тем больше заполнялась душа Девушки богатством, что дарил ей Поэт. Всё шире становилось

пространство, отдалялись горизонты. Ей предоставилась площадка для взлёта и возможность увидеть высокое.

Когда он закончил читать, посыпались вопросы. Отвечал он охотно, также философски мудро, но в то же время простыми словами.

Главный ответ на главный вопрос вечера и всей человеческой сущности «В чём смысл жизни?» – эта юная душа запомнила навсегда: «Чтобы жить и творить, необходимо иметь „Во имя“».

Так и старается она жить: во имя добра, во имя благополучия родных и близких, во имя счастья, во имя мира.

Спасибо, великий Поэт!

Поэт – Давид Никитич Кугультинов*.

Студентка – Татьяна Бадакова.

Письмо маме в 43-й год

Снова декабрь...

Сегодня, как и семьдесят шесть лет назад, наша степь прекрасна в своём величии и удивительной первозданности. Природа, будто девушка на выданье, в предчувствии зимы.

А тогда...

Разве могли даже небеса почувствовать, что наступает не просто зима?!

Тебе девятнадцать лет – так и есть, девушка на выданье: красива, статна, скромна, как подобает молодой калмычке.

Я знаю, ты любишь наряжаться. Из тогдашнего скудного своего гардероба ты всегда можешь найти приятную шёлковую косыночку и так красиво повязать на шее, словно видела такое в столичных журналах мод. Но всё это проделывается тайком, вдали от глаз.

.....

* Давид Никитич Кугультинов – народный поэт Калмыкии.

Потому что тебе недосуг. Ты с детства живёшь у дяди, родителей своих не помнишь. На твоём попечении пятеро малолетних племянников да ещё обязанности по дому. Дядя всегда на работе, а его жена больна.

Так что – какие наряды!

Юная душа всё же просится погулять, зовёт в степь. Здесь ты находишь успокоение, можешь помолиться высокому синему небу, тебя обласкает игривый степной ветер, и только здесь ты по-настоящему счастлива. И вовсе не нужны никакие дали с распрекрасными горами, морями и лесами.

И ты веришь, что встретится в родном краю твоя любовь, у тебя родятся чудненькие детишки, которые будут забавно лепетать на калмыцком языке и бегать голопузыми в степи. Так ты видишь своё женское счастье.

Но...

28 декабря 1943 года!

Раннее-раннее утро, оно всегда такое безмятежное, только не сегодня. Когда ты вышла справляться по хозяйству, вдруг услышала незнакомый уху гул и заметила, как тревожно ведут себя животные. Корова, хорошо знающая твои руки, стала вырываться, собаки всего села одна за другой лаяли, не переставая, лошади ржали, а некоторые, выбежав из стойла, мчались в степь без оглядки.

А гул всё нарастал...

Он стал набатом, предвестником огромного горя, которого не могла тогда предположить эта черноглазая девушка, да и не только она.

С приближением странного для небольшого степного села шума большегрузных тяжёлых военных машин (а это были именно они, американские «Студебеккеры») тревога усиливалась.

Уже в первых дворах раздавался плач проснувшихся детей, стоны и мольбы стариков и старух, причитания испуганных и ничего не понимающих женщин, жалобный, берущий за душу рёв домашней скотины.

И страшные, разрывающие воздух чеканные слова читающего Указ Президиума Верховного Совета и Постановление СНК № 1432/425сс от 28 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР...», «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР» привели всех в замешательство.

И даже после услышанного люди, в основном неграмотные старики, женщины и дети, не могли поверить, как их любимый вождь, дорогой товарищ Сталин позволил издать такой указ?!..

Нет! Это ошибка!

Калмыки – буддисты по своей религии и по своему жизненному убеждению – никогда не готовы к злым поступкам и умыслам. Вот и подумалось тогда всем, что вскоре всё выяснится и разрешится.

Но... грубые окрики и отнюдь не дружелюбное поведение солдат, ограниченное время на сборы в никуда, без объяснений, тревожная, непонятная обстановка – вселили ужас в людей.

И вот тогда, вопреки судьбе, сжавшись в один огромный национальный кулак, собрав все силы и волю степняка, мой калмыцкий народ стойчески продержался полных тринадцать (13!) лет незаконной сибирской ссылки.

...

Мама! Я сегодня пытаюсь представить твоё состояние в то декабрьское роковое утро... Ты, как и все окружающие, ничего не могла понять, но инстинкт самосохранения заставил, ни о чём не думая, начать собирать какие-то попадающиеся на глаза вещи, детей и больную тётю. В столь молодом возрасте ты вынуждена была думать о сохранении жизней своих родных. Дядя, как и большинство мужчин в то время, в разгар войны, был на фронте.

Сердце сжималось от страха и нагрянувшей беды. Первые твои седины и морщины появились именно в тот день. Уже невозможно было в тебе узнать весёлую энергичную девушку: потухший взгляд, серое лицо и напряжённая спина.

Но ты даже и предвидеть не могла, что всё страшное произойдёт позже, и тогда же появятся вопросы без ответов: «За что?», «Почему?».

А сейчас ты лихорадочно мечешься по дому, времени в обрез, два солдата с автоматами у двери, проснулись малыши, они ещё не накормлены. Нужно уложить в мешки хотя бы какую-то одежду, еду, припасы. Мысли вразброс, всё валится из рук. Ты пытаешься спросить у военных – куда вас повезут, надолго ли? Но в ответ только брань.

Конечно, в тот момент ты ещё не знаешь, что в холодном, насквозь продуваемом «телячьем» вагоне, в который вас погрузят, в самый лютый декабрьский мороз ты потеряешь тётю, которая не выдержит такой муки.

Когда тебя в дороге настигнет тиф и беспомощность, ты не сможешь углядеть за детьми и не будешь знать об их дальнейшей судьбе многие годы.

Ты спустя лишь время узнаешь о своём ангеле-хранителе в лице одной прекрасной, доброй, тоже ставшей одинокой женщины – тёти Сюли. Это она не отдала тебя солдатам в одну из ежеутренних проверок на наличие умерших в вагоне, чтобы выбросить «труп» на каком-нибудь неизвестном полустанке длинной сибирской железной дороги.

А сколько было таких – молодых и старых, детей и их родителей-степняков, не выдержавших крепких сибирских морозов без подобающей одежды и обуви, непрекращающегося голода, тяжёлого рабского труда в годы невыносимой, нечеловеческой депортации!

Сухая статистика называет цифру, равную половине (ПОЛОВИНЕ!) численности всего народа.

Тот страх в глазах, испуг в сердце и ужас ещё где-то глубоко внутри! Чем такое измерить?!

Выросло уже три поколения калмыков, реабилитированных, бессмысленных, свободных, но всё же мелькнёт мысль: «А вдруг?..», засвербит появившееся неведомо откуда чувство обиды и ущербности.

Не хочу!

Громко заявляю тем, кто жаждет возродить идеалы сталинизма:
ОСТАНОВИТЕСЬ!

Милая моя, в девятнадцать лет в один миг ставшая зрелой женщиной, в девятнадцать лет валившая лес в холодной сибирской тайге, в девятнадцать лет потерявшая всех родных, сильная моя, любимая моя,
СПАСИБО ЗА ЖИЗНЬ!

Твоя дочь Татьяна, ещё в утробе ставшая
«врагом народа», родившаяся в таёжном городе
Ханты-Мансийске за три года до твоей реабилитации

Декабрь 2019 год

Сад моего детства

Весной всегда вспоминается наш вишнёвый сад в Башанте*.

Сад моего детства.

Он был очень большой, а может быть, казался таковым мне, маленькой кудрявенькой девочке. Я не помню, когда и как сажали вишни, но хорошо помню, как за ними ухаживали: опрыскивали, подбеливали стволы, убирали мусор. В основном всем этим занималась моя бабушка Сюля.

...

Мысленно возвращаюсь в то время, когда всё было легко и просто. Именно – легко.

От этой лёгкости в голове мелькали только светлые и лучистые мысли, и я порхала, как бабочка, которых тогда почему-то было гораздо больше, чем сейчас. А смех мой летал по саду вместе с бабочками.

.....
* Башанта – пос. на западе Калмыкии, ныне г. Городовиковск.

Я любила мой сад всегда, в любое время года, но весной, когда он стоял в цвету, был восторг!

Мне думалось, что каждый цветочек пахнет по-особому, хотелось прикоснуться ко всем.

Я перебегала от одной вишни к другой, улыбкой приветствуя их. От тёплого дуновения ветерка нежный аромат цветов шлейфом тянулся за мной. В тот момент я представляла себя настоящей феей из волшебной сказки.

А сад... Мой мудрый вишнёвый сад, как бы потакая моим фантазиям, великодушно дарил мне неземную красоту. Наверное, он гордился своей щедростью, тем, как радовал меня. Я хохотала, и сад улыбался всеми своими ветвями, всеми цветами.

Мы были счастливы!

Сентябрь

Это сентябринки.

Да, именно они.

Однажды весной бережно принесённые мамой в мешочке с землёй и с любовью посаженные ею в нашем палисаднике.

Помню, она приговаривала тогда: «Вот зацветут сентябринки, значит, тебе пора в школу...»

«В школу?»

Удивлению моему не было конца. Как же этот махонький зелёный комочек может знать, когда наступит такое важное для меня событие? Я пойду в первый класс!

Всё лето у меня прошло в ожидании.

Каждое утро я бежала в палисадник, чтобы посмотреть – не появились ли цветочки. Но наш кустик рос по своим небесным зако-

нам. По-видимому, он не спешил, набираясь сил и давая мне, малышке, насладиться теплом и безмятежным детством.

Цветение – самая яркая, самая удивительная пора у всего живого. Для этого крепнет мускулатура, наливаются живительным соком все органы, созревают мысли и сознание, чтобы в один чудесный миг явить миру всё то, для чего шло время томительного ожидания. И от того, как ухожен и чем вскормлен организм, будет зависеть и его расцвет.

Вечерами мы с мамой поливали наши сентябринки. Куст стал вытягиваться к солнцу, зеленел, становился выше и пышнее. Однажды я увидела маленькие мохнатенькие бутончики.

Первого сентября мама наряжала свою доченьку. А она, уже почти ученица, сияла и сверкала, как её чёрные лакированные туфельки и важный портфель. Школьное коричневое платье, белоснежный фартук, кружевные манжеты и воротничок – чудо чудное! На непослушных кудрявых волосах красовался огромный белый бант.

В суете своего первого школьного утра я чуть было не забыла про сентябринки. А когда выбежала во двор, то увидела ярко-фиолетовое облако на нашем кустике. Цветочки были маленькие и нежные. Но их было очень много. Настоящее сиреневое кружево. Милые скромные цветы... Они не забыли про мой праздник и пришли меня поздравить!

Помахав сентябринкам, радостная, я шла за ручку с мамой в школу.

В первый раз...

Пустота

Первое января.

Проснулась от оглушающей тишины. И такое бывает...

Куда подевались вчерашние суета, бег по магазинам, парикмахерским, петарды, салюты, волнение?

Тишина какая-то многозначительная: похоже, даёт нам возможность успокоиться и готовиться к новому марафону продолжительностью уже в триста шестьдесят четыре дня...

Интересно, тишина и пустота – это одно и то же? Первого января, похоже, да. Тишина в пространстве, пустота в голове.

Ан нет... Появилась мыслишка: «Надо чего-нибудь пожевать...»

Вот товарищ Холодильник первого января – полная противоположность моей голове. Открываю. Но от этого избытия, наоборот, есть расхотелось.

Сварю кофе.

Пока булькает кофеварка, подхожу к окну.

До чего же в этом году красива была новогодняя ночь! Выпал долгожданный снег – так вовремя. От этого всё вокруг стало чистым и сказочным.

А сегодняшним утром во дворе, будто в храме, торжественно и величественно. Захотелось войти в этот храм.

Но закипел кофе...

После выпитого в тишайшей пустоте горячего ароматного напитка стали приходить одна за другой мысли, даже целые откровения и озарения. Удивительно!

Как же нужна нам такая пустота, хотя бы один раз в году!

И здорово, что такое случается в первый день года.

Мудра Матушка-природа!

И, как тибетские ламы, ощутив пустоту,
наполнив себя ею, очистившись,
мы можем уверенно двигаться вперёд...

Душа

Медленно падает снег...

Откуда прилетело к нам это чудо: нежное, чистое, светлое?!

Чей это подарок?

За что?

Или вопреки?

Как же приятно ощутить чью-то доброту, пусть даже Незнакомого. Будто мамины заботливые руки укрывают тебя тёплым одеялом. А ты съёживаешься, прикрываешь глаза от удовольствия и всё глубже погружаешься в тепло.

«Снег кружится, летает, летает...»

А может быть, Кто-то Там решил послушать эту чудесную песенку? И она Ему так понравилась, что превратилась в живую картинку?

Или наш любимый Дед Мороз, пролетая над нами в своих чудесных санях, так спешил, так разгорячился, что ему стало жарко. И он, снимая свою тяжёлую волшебную шубу, нечаянно стряхнул с неё на нас пушистые снежинки?

Или...

А может быть...

Снег же, ни о чём не подозревая, падает нам на лица (все ведь непременно смотрят вверх), делает нас счастливее. Мы веселимся, прыгаем, хохочем, от радости у нас загораются глаза, расплываются в улыбке лица. И всё вокруг становится чище, белее, теплее (от холодного-то снега?!), душевнее.

А ещё я слышала, что Снег – это к людям вернувшаяся Душа...

Верю в это!

Елена Петрова-Бауэр

Слово к потомкам

Однажды, сидя глубокой ночью на берегу моря под звёздным небом, я подняла голову и у меня захватило дух... Конечно, я и раньше смотрела на звёзды, но тот раз был особенным, волшебным. Перед глазами пронеслись моё детство и юность, пришли воспоминания, как мои бабушка с дедушкой рассказывали об их детстве и жизни, о детстве моих родителей... И в тот момент я вдруг осознала, какие бы изменения не претерпевала наша планета – это небо, звёзды, созвездия несут в себе память всех поколений и всего существовавшего на планете Земля–Гайя. Мы приходим и уходим, а они существуют без нашего присутствия или с нашим.

Какие секреты хранят они в себе?

Ещё столько неизведанного и интересного предстоит нам открыть для себя...

Связь с прошлым и будущим, многомерием – возможно, уже скоро не будет иметь границ, и останется бесконечное «сейчас», в котором мы будем осознанной Расой Человеческой. А придём мы туда через связь со своей Божественностью, Душой, без которой нас просто бы не существовало. А это означает через ЧУВСТВОВАНИЕ окружающего Пространства, уважение себя и всего сотворённого для НАС... и благоДарности за это.

Какие бы события не происходили с планетой – наши Души совершенствуются всегда и в любых условиях, а значит, и мы продолжаем быть.

Из поконов веков поэт или иной человек искусства отличался утончённой натурой, своей способностью на импульсивные поступки, действуя по наитию Души в проявлении чувств. Но есть стихи, которые отличаются своей информативной чёткостью, как, например, у В. Маяковского, в них чувства не прослеживаются, но отражает-

ся общая картина его времени. А взять времена Ренессанса в период Возрождения – там много эротики, культура античности и интерес к человеку... Потом период эпохи Возрождения – Проторенессанс: Л. да Винчи, Микеланджело, ди Пепо и его «Мадонна с младенцем». А следующая за ними эпоха Маньеризма (переход к эпохе Барокко) – наступление кризиса личности и искривление трактовок. И если эпоха Ренессанса упорядочивала каждую вещь в интерьере, сохраняя единство (что отражается и в произведениях), то эпоха Маньеризма создавала живописный беспорядок, нагромождение вещей, подчёркивая роскошь (что тоже отражается в произведениях искусства того времени). При этом часто использовались новые, тёмные и мрачные метафоры, запутанность в реальности. А Барокко – снова внимание к деталям, но уже плюс эмоциональность, пышность и причудливость (Кальдерон, Бах, Рубенс).

А какое направление мышления и осознанности проявит ваше поколение, наше дорогое Наследие? Всё, что касается нашей эпохи: мысли, чувства и ситуация в мире, представлено в этой книге. Очень надеюсь, что вам будет интересно наше мировоззрение, или восприятие жизни в этот заданный отрезок времени. Но, опять же, не стоит забывать – мировоззрение зависит от внутреннего состояния человека, его эмоций, желаний, этики и задачи на Жизнь... Хотя общую картину о нашем поколении 20 и 21 веков, по нашим произведениям всё же можно проследить .

Желаю вам творческого вдохновения и чтобы вы никогда не пресытились жизнью, не обесценивали её. Какая бы она не была – она ваша, и никто другой её за вас НЕ проживёт. Помните, за вами тоже наблюдают ЗВЁЗДЫ...

Зацепилась за осень Душа...

Зацепилась за Осень Душа...
За жемчужную россыпь Дождей...
Журавлиную прядь косяка...
За следы на земле... от людей...
За весёлую свадьбу ветров...
зацепилась моя Душа...
За наряды звенящих лесов...
За осеннюю ночь... волшебства...
За берег... у тёмной реки,
где туманом стелилась гроза...
Невод бросили свой рыбаки...
за него зацепилась... Душа...
И уже больше чувств не скрывая,
растворясь в золотистой тиши...
Она, листья с губ ветра срывая,
отмечала свой «Праздник Души»...
И меня позвала на гулянье...
Сбросив бархата с золотом просинь...
Закружилась... как в первом свиданье...
Зацепилась Душа... за Осень...

Что наша Жизнь?

Что наша Жизнь?.. Молчания Виток...
Порою Крик... Души незаменимой...
И Памяти... безжизненный Глоток...
И Путешествия во снах... незримых...
Вся наша Жизнь... с момента Бытия
размазана по Вечности... листами...
В которых отражение себя
мы ищем... пока мы не устали...
Что наша Жизнь?.. Заплатками по телу
мы исцеляем поражения свои...
Где друг до друга никому нет дела...
Где спрячемся в свои же... миражи...
И в эту Жизнь мы набираем баллы,
которые укажут Место Бытия...
И дело остаётся лишь за малым –
не потеряться в Вечном... навсегда...
Что наша Жизнь?.. Остаточная Дрожь...
Как... по земле растёртый в пыль... листок...
И Правда суеты, и... сладостная Ложь...
И без ключа... проржавленный замо́к...

Размеренная Жизнь течёт у наших ног...

Размеренная Жизнь течёт у наших ног...
В ней никому не надо расставаться...
И не пускает Вечность дальше... за порог,
и я не в силах Ей сопротивляться...
И не тревожат Чувства запятыми дня...
И повернётся Жизнь в другое русло,
но только иссякают капли у Дождя...
И журавли спешат за горизонт... и станет пусто...
И яблони в саду рождают крик Весны,
где снег становится невидим...
И в обреченье распускаются цветы...
И уж плодов Восход... предвиден...
И снова Небо будет умирать,
когда свернётся Жизнь клубочком...
И с яблонь будут зрелость в спешке... собирать,
и я расставлю во Вселенной... точки...
Размеренная Жизнь течёт у наших ног...
И нет уж сил Ей сопротивляться...
Одних не пустит Вечность за порог,
а у других нет Времени... остаться...

**Я знаю точно,
что Ты есть...**

Я же знаю... знаю, что Ты есть...
Но о Тебе не говорят при Жизни...
Тебя зовут то просто... Смерть,
То говорят... «призвал Всевышний»...
Мы ходим... спотыкаясь о Любовь...
о Ненависть... и Страх... и Безнадёгу...
То в одиночестве, то вдруг с толпою вновь...
в Душе готовясь в «дальнюю дорогу»...
Боишься мы взглянуть Тебе в глаза...
Не ценим Жизнь... и отвергаем Вечность...
Но все мы знаем... знаем... про себя –
Тобою будет каждый... встречен...
Порой Ты очень близко... то очень далеко...
Меняешь лица... путаешь все «карты»...
Не каждому Тебя принять легко...
но Ты даёшь для Жизни... шансы...
Меня однажды по осколкам соберёшь...
И сообщишь мне таинственную... Весть...
Расправив крылья... за руку возьмёшь...
...
Я знаю точно... знаю... что Ты есть...

Бездомный пёс...

Заброшенный колодец... где двор травой зарос...
И домик без завалинки чуть накренился...
От прошлого остался теперь бездомный... пёс...
Он у забора... под лавочку забился...
Вокруг уж выросли новые дома...
И никому до одиночества нет дела...
Все говорят, что такова Судьба...
И эта мысль им душу... грела...
А пёс... людей он тех... не осуждал...
Ведь каждый выживает, как сам может...
И о милосердии не слышал... и не знал...
Он знал лишь... что вряд ли кто поможет...
Людей он повидал много... на веку...
Всё было... и доброе, и злое...
Но только равнодушие он чуял за версту...
Им город был почти... задушен...
Ему не страшно, что остался он... один –
он научился этому с годами...
А люди... глубже забивали клин,
«Судьбой» который называют... сами...
...
Заброшенный колодец... и двор травой зарос...
И домик без завалинки чуть накренился...
От прошлого остался чужой, бездомный... пёс...
Который лицемерством... не прельстился...

Как тоскливо бывает очень...

Как тоскливо бывает... очень
когда день ещё... не окончен
Разговоры о праздном... велись
развлекая чью-то... Жизнь...
Когда солнце ещё... не садилось
только тень на дорогу... ложилась
И смертельной казалась... гроза
И в крещенье дрожит... рука...
В пустоту задёргивать... шторы
на исход надеясь... на скорый
И пусть Память ничего... не теряет
но о будущем даже... не знает...
Как тоскливо бывает... очень
когда день кончается... с ночью
И один проживешь... Жизнь
где Реальностью чья-то... мысль...

Надежда Волынкина
Наше детство в посёлке
Глава-воспоминание
из повести «Мария»

На правобережье города Красноярска, вдоль Абаканской протоки Енисея, между речкой Панюковкой – правым его притоком и железнодорожным мостом, располагался посёлок с названием 1 Августа, один из городских районов, застроенный деревянными частными домами с непременноми огородами. В моей памяти Панюковка осталась зловонной, и позднее её забрали в трубу. Но, говорят, у истока вода в речке кристально чистая, а, значит, испортили речку люди...

Почему посёлок получил такое название – достоверно не известно, во всяком случае я не нашла объяснения. Скорее всего, основали его именно 1 августа, отсюда и название. Народ здесь жил разнообразный – и по национальности, и по социальному статусу. Именно здесь, в посёлке 1 Августа, я, будучи совсем маленькой, впервые узнала о существовании китайцев и корейцев, которые компактно там проживали, ухаживали за своими огородами, поражая воображение соседей богатыми урожаями, хотя земля была у всех одинаковая, а сибирский климат, часто непредсказуемый, тоже являлся общим достоянием. Кто-то тихонько подглядывал за действиями хитрых соседей, повторяя на своём огородке все открывшиеся секреты. Сами корейцы и китайцы не скрывали того, как им удаётся получать с таких же грядок гораздо больше овощей, и уж куда лучше. Да и очевидным было – сколько времени они работали на своих участках: с раннего утра и до вечера худенькие фигурки, не разгибаясь, ухаживали за землёй. По-русски многие из них говорили плохо, что меня в моём четырёхлетнем возрасте удивляло. А много лет спустя с ещё большим удивлением видела, как потомки

их, постигнувшие русский язык, становились хорошими профессионалами в разных областях деятельности, а корейские дети в школе учились на «отлично».

Енисей в жизни местного населения играл главную роль: люди брали воду в реке и для питья, и для полива огородов, баграми вылавливали плывущие брёвна и заготовливали дрова, в реке полоскали бельё, а, когда держали скот, на острове, напротив посёлка, заготовливали сено. Наличие лодки и багра в каждом доме было необходимым. В нашем палисаднике под яблонями-дичками, или, как мы их называли, ранетками, помню лежащую, перевёрнутую вверх дном лодку, а вокруг неё заросли космеей. Летом брали воду из реки, проходя по бонам, почти на середину протоки. Бона – это скреплённые между собой брёвна, похожие на плоты, образующие таким образом дорожку на самой воде. Там же был возведён и второй уровень мостков, с которого ныряли купальщики. Нижний уровень бонны уходил далеко, по моим меркам, вверх по течению. Мама, любительница плавания, убегала почти до конца бонны, прыгала в воду и, переплыв протоку, без отдыха возвращалась назад.

Детство в посёлке – это детство на реке. В любую погоду. Бабушка брала меня с собой, когда полоскала бельё. Летом, конечно, с бонны, а зимой в проруби, над которой была возведена «беседка» – своеобразная защита от осадков. Стирать бельё в реке считалось дурным тоном. Ты выстирай дома, выжми-выкрути, как следует, и лишь после этого всё чистенькое прополощи в проточной воде. И, конечно, ничто не сравнится с купанием в отгороженной частью бонны купели для детей, и для тех, кто не плавал!

Дом наш был построен в самом центре посёлка, через грунтовую дорогу от деревянной двухэтажной школы, куда я пошла в первый класс, и наискосок от трёх магазинов – хлебного, бакалеи и промтоварного. Надо ли говорить, что в этих магазинчиках, подобно южным базарам, была сосредоточена вся информационная жизнь. Все

новости получали именно там, в магазине был единственный на весь посёлок телефон, потому вызывали врачей к заболевшим именно из магазина, хотя вызовы эти были крайне редки. Зато всем сразу становилось известно – кто болен, и, по возможности соседи старались помочь – кто чем может. Моя мама, фельдшер, когда не была на работе, (а на работе она была почти всегда), ходила с набором простейших медикаментов, обрабатывая и перевязывая раны, измеряя температуру и, когда понимала, что вызов врача необходим, звонила из магазина. Благо, в магазинах были сторожа, и в срочных случаях допускали к телефону даже ночью.

В промтоварном магазине продавцом работала моя бабушка, Вера Илларионовна, и насколько я сейчас понимаю, бабушка была очень известным человеком – в посёлке её знали все! И часто мне это выходило боком – куда бы я ни забрела, тут же бабушке становилось известно, что «Ваша Надя с двумя татарочками там, там и там...». Две татарочки – это моя любимая подружка и её маленькая сестра...

Зимой прилетали красивые, удивительные птицы – свиристели! На наших ранетках в палисаднике и в огороде они клевали замороженные ягоды и тоненько протяжно пели-свистели. Однажды, наклевавшись ягод, птицы попадали с веток на заснеженную землю. Мама и бабушка, решив, что птички погибли, горько плакали, пока... пока те не очнулись и не улетели восвояси. Родные решили, что, наклевавшись замороженных ягод, птицы и сами замёрзли, а потом, когда ягоды чудесным образом оттаяли в птичьих желудочках, вновь обрели возможность жить. Хотя позднее я слышала и другую версию, версию о забродивших ягодах и об опьяневших свиристелях.

А в огороде нашем мой дедушка Миша каждую весну устраивал жилище для скворцов. Дед делал всю мужскую работу и в доме, и во дворе. Да и сам наш дом построил он, мой дед, Михаил Иванович. Скворечник на длинном шесте дедушка обновлял каж-

дую весну – или сколачивал новенький, или ремонтировал старый. А потом они прилетали! Когда я глядела на птиц снизу, то видела их чёрными, а при взгляде на важно гуляющих по огороду, можно было разглядеть удивительный окрас – цветковые переливы перьев от золотисто-зелёных до синеватых! Как они пели по утрам, и как дразнили всех кошек в округе!

Вместе с моими семилетними ровесниками я пошла в первый класс школы, к самой лучшей в мире учительнице – Анне Ивановне Лисиной! Весёлая, внимательная, терпеливая и очень добрая. После окончания уроков Анна Ивановна занималась с теми, кто недостаточно хорошо читал, и с теми – для кого русский язык не был родным. Так, откровением для меня стала ещё одна национальность – татары, в моём классе их было трое – два мальчика и девочка Алла, с которой мы подружились в самые первые школьные дни. Скромная и тихая, даже робкая, она всегда принимала мои игры, всегда поддерживала! До сей поры, вспоминая о нашей дружбе, ощущаю тепло в самом сердце. У меня было много кукол, гораздо больше, чем у любой из знакомых девчонок, – результат развода родителей, когда и мама, и папа старались перещеголять друг друга в любви ко мне. Не успел отец подарить куклу немецкую, роскошно одетую, кареглазую и черноволосую, как мама тут же принесла куклу-блондинку с голубыми глазами, а бабушка – огромного пупса... Мы и играли с этими куклами! Но у Альфии, моей Алки, была настоящая, живая сестра Роза! Когда я впервые увидела её, годовалую, поняла, что ни одна из моих кукол, ни все они вместе взятые – никогда не сравнятся с настоящей сестрой, такой маленькой и такой хорошенькой!

Что и говорить, гуляли мы все вместе, Розку везде тащили с собой. Катались на санках с горки, просто играли во дворе у нас или у них. Часто к нам присоединялись одноклассники, но основной состав – это мы втроём. Когда посёлок наш начали постепенно сно-

силь, мы облазили все выселенные домишки, именно там моя бабушка нас находила и с длинной хворостиной в руке выгоняла отсюда всех троих.

Семья моей подруги проживала в одном из двух домиков, стоявших на общем участке. Во втором жили дедушка и бабушка, родители отца. Иногда нам позволяли играть у них. Это было что-то из разряда сказки и волшебства! Красиво убранные были и кухня, и комната, совсем небольшие по размерам. На этажерке в комнате постоянно цвела, как я теперь узнала, фуксия – тёмно-красные, немного с лиловым оттенком цветы завораживали. Мы с подружкой слегка нажимали пальцами на нераскрытые бутоны, и они с лёгким щелчком открывались! И это ещё не всё! Из ящичка комода подружка моя доставала удивительные «бусики» из разнообразных косточек – финиковых, гладко обточенных персиковых, и, как мне казалось – вишнёвых. Недавно Алла мне объяснила, что эти чётки не из вишнёвых косточек, а из плодов растения коикс, в русском звучании – слёзы Богородицы. Вот только жаль было, что «бусики» эти были совсем маленькие – на шею, через голову никак не надевались!

В доме Аллы всё было необычно – родители говорили по-татарски, Алла отвечала иногда по-татарски, иногда по-русски. В то время даже я стала понимать отдельные фразы, которые слышала в этой семье. Жаль, что со временем почти все они забылись...

Главным же моим потрясением и открытием стало событие, когда однажды я, считающая себя везде «своей», не найдя моих подружек дома, забежала в дом их бабушки и дедушки. Моего появления никто ожидал, и я, открыв дверь, застыла на пороге. Перед глазами предстала картина: бабушка с Розой на руках сидела рядом со столом, Алла с учебником пряталась на печке, при моём появлении отодвинула занавеску. Я тогда подумала – она прячется от Розы, чтобы выучить заданный урок. Но самым главным моим

потрясением стал дедушка, девчонки называли его «бабай», а он был совсем нестрашный! Так вот, дедушка-бабай сидел за низким столиком, на низкой скамейке и читал, покачивая головой, диковинную книгу – все буквы в ней были написаны, словно узоры, невообразимо красивые, и совсем непонятные мне, бегло читающей с пяти лет!

Бабушка, «нанайка», просто приложила палец к губам, чтобы от меня, шумной и громкой девочки, вот этих самых «шумов и громов» не исходило!

Когда дома я поведала о своём открытии, мама объяснила мне, что читал дедушка моих подружек очень важную, старинную книгу, что буквы эти многие называют арабской вязью. И что «бусики» из косточек никакие не бусики, а чётки (по-татарски дисбе), при помощи которых мусульмане молятся и считают – сколько раз повторена молитва. И что непростой у Алки дедушка! И это в эпоху тотального атеизма! Моя бабушка тут же потребовала – никогда без приглашения и разрешения не заходить в дом подружкиных деда и бабушки! «Незачем людей от дел отвлекать!» – таков был вердикт. Лишь спустя пятьдесят лет Альфия поведала, что дедушка их был муллой всего Правого берега нашего города!

А наша деревянная школа сгорела, никто не пострадал, но, узнав о пожаре, все, кого я знала, плакали. Повзрослевшая Роза, которой не довелось там учиться, однажды удивилась: «Как это плакали? Мне знакомы только те, кто мечтал, чтобы школа сгорела!» Конечно, Роза шутила. Но тут речь шла о другой школе; а вместо сгоревшей под тем же номером шесть построили новую – на другом месте, с новой, популярной в 60-е годы планировкой. Учились там другие ученики, и то была уже совсем иная школа...

Детство наше продолжилось в новых домах, посёлок шёл под снос и застройку новыми пятиэтажками. В мою родную деревянную школу номер шесть я проходила ещё и первый месяц второго

НАДЕЖДА ВОЛЫНКИНА

класса, потом меня перевели в другую, поближе к нашему новому дому, которую я так и не полюбила, хотя проучилась в ней семь лет. А после школьного пожара окончательно завершил своё существование посёлок имени 1 Августа. На смену старому всегда приходит новое. Так и должно быть.

Ольга Труба

Разговор с Ангелом-хранителем

- А что, у Бога есть дорога?
- Дорога есть. Я покажу! Дорога есть, тропинок много. Ты походи! Я погляжу...
- Тропинок много, но когда же дойти до цели смогу я?
- Дойти – не цель, сама дорога есть цель. Вот и шагай!

Мама, erzähl mal!

Однажды, много лет назад, в подарок на день рождения старшая дочь подарила Ольге книгу голландского автора Элмы ван Влит под названием «Мама, расскажи!» в переводе на немецкий язык. «Мама, заполни эту книгу и верни назад, чтобы у меня осталось что-то после тебя!»

Это была не просто книга. Это был альбом воспоминаний с вопросами и свободными местами не только для ответов, но и для фотографий, рисунков или вырезок из газет и журналов. Автор задумала эту книгу, когда 23 октября 2001 года услышала от врачей в больнице, что её маме осталось жить недолго. В предисловии к книге Элма пишет: ей не давали покоя мысли, что её мама не сможет больше быть рядом в самые важные моменты её жизни; не увидит дочь в свадебном платье, как будут выглядеть внуки... Но самое страшное – она больше не сможет спросить маму о чём-то из её прошлого. Ведь мы начинаем ценить что-то лишь тогда, когда это теряем! Книга Элмы ван Влит переведена на множество языков мира и сразу стала бестселлером.

Ольга начала читать вопросы о своём детстве, о родителях, об их родителях, о взрослении, о первой любви, о беременности и рождении детей, о любимых блюдах и напитках, о странах, которые успела посетить, о хобби и о взглядах на жизнь, о вещах, имеющих осо-

бое значение, о том, какой была раньше и какой стала теперь, – и растерялась...

«Была у тебя любимая мягкая игрушка или что-то, что было всегда рядом с тобой?»

«Есть какие-нибудь детские стихи или песни, которые ты очень любишь?»

«Твои любимые сказки?»

«Твоя любимая книга в детском возрасте?»

«Любимые книги сейчас?»

Если на вопросы: «Твой любимый день недели и почему именно он?» и «Есть ли что-то, ради чего тебя можно разбудить среди ночи?» она могла сразу написать ответ, то вопрос: «Можешь назвать какую-то ситуацию в школьные годы, над которой ты смеялась до слёз?» остался без ответа: она не смогла вспомнить вообще ничего смешного из своих школьных лет!

«Какими родителями были твои родители? Были они современными или старомодными?»

«Какие самые лучшие воспоминания остались у тебя о твоей маме?»

«А какие – о папе?»

«Какие самые важные советы в жизни дали тебе твои родители?»

«Было что-то, что вы делали вместе, всей семьёй?»

«Что означало для тебя раньше словосочетание „мой дом“ и что ты подразумеваешь под ним сейчас?»

«С кем из школьных друзей ты была бы сейчас очень рада повстречаться?»

«Что ты переживала в переходном возрасте? Была примерной девочкой или бунтаркой?»

«Какая музыка звучала во времена твоей молодости?»

Книга из 140 страниц всколыхнула всё её подсознание.

На вопрос: «Что может тебя рассмешить?» Ольга ответила – «Что-то спонтанное. Хорошая шутка. Честно говоря, уже очень давно не смеялась от всего сердца».

Вопрос: «Что бы ты сделала самое первое, если бы тебе предоставилась возможность один день править миром?» Ответ: «Остановила бы все войны!»

Вопрос: «Ты стала тем человеком, каким всегда хотела быть?» Ответ: «Я никогда не думала, что так далеко продвинулась в таких вещах, как „бойкая и смелая“».

Вопрос: «Считаешь важным то, как ты выглядишь? Много внимания уделяешь своей внешности?» Ответ: «Считаю важным, но много внимания не уделяю. Покупаю крема для лица и красивые платья, если у меня есть на это деньги. Если нет, то пойдёт и так».

Вопрос: «Твоё любимое блюдо и как ты его готовишь?».....

Через полгода Ольга вернула книгу дочери.

– Но здесь так много пробелов! – возмутилась Анна.

– На некоторые вопросы я не знаю, что ответить!

– Вернёшь, когда всё заполнишь! Подумай, повспоминай!..

И Ольга начала жить осознанно. Вспоминать и замечать всё вокруг. Как если бы когда-нибудь ей пришлось отвечать на вопросы: «А что это было? А как это было? А что ты чувствовала тогда?»

Старый учитель

– Здравствуйте, господин Хартман! – радостно приветствовала очередного покупателя сидящая за кассой Ольга.

Седой мужчина густо покраснел. Стоящая рядом с ним девочка-подросток поджала губы и с разочарованием посмотрела на деда.

– Ой, извините, пожалуйста, – Ольга прижала ладони к вспыхнувшим щекам. – Господин....

– Майлингер, – напомнил ей свою фамилию старый учитель городской средней школы, несколько лет назад вышедший на пенсию.

– 1,99, – назвала ему цену Ольга. – А я уже две книги написала!

– Да, я написал уже две книги, – гордо поднял голову бывший учитель. – Про Рождество и про...

Из-за шума в супермаркете, от пиканья касс и разговоров покупателей ситуация походила на игру в «глухой телефон». Про его вторую книгу она ничего не знала и о чём она – не расслышала.

– Да нет, – уже громче сказала Ольга, – я хотела сказать, что тоже написала две книги!

Учитель, уже собравшийся уходить, на миг задержался. Удивлённо вскинул брови.

– На русском языке!

– Но я не могу это прочитать, – развёл он руками.

– А вашу книжку я подарила Анне! – привстав со своего кресла, крикнула ему вдогонку.

Внучка стояла напротив кассы и переводила любопытный взгляд с деда на продавщицу. Учитель улыбнулся и помахал на прощанье.

Выйдя на пенсию, господин Майлингер начал писать книгу об обычаях и традициях своего народа, касающихся светлого праздника Рождества Христова. Потратил на это целый год. Как писал в своём предисловии, делал он это для своих внуков, чтобы те не забыли, как творили поколения берхтесгаденцев до них. Поместил в книгу слова и ноты песен, которые пелись под Рождество. Описал какие мастерились игрушки на ёлку: из соломы и дерева. Как вырезали страшные маски и наряжались в горных духов (в солому и звериные шкуры) и за двадцать дней до Рождества бегали по городу рядом с «младшим братом» Христа, святым Николаем, и девочкой-ангелочком, заходили по приглашению в дома, в которых росли малыши. Задача Николая и девочки – узнать, о каких подарках на Рождество мечтают дети.

А зачем нужны рядом с ними духи-крампусы? Чтобы наказать за плохое поведение? Не каждый местный житель знал об этом наверняка, не говоря уж о «понаехавших». Старый учитель объяснял эти обычаи в картинках и цветных фотографиях. Какие специально к

этому светлому зимнему празднику пекли печенья – Plätzchen? В форме звёздочек, с добавлением всевозможных ароматных пряностей, варенья из разных фруктов и орехов. В книге были помещены подробные рецепты и фотографии изделий, сотворённых руками фрау Майлингер, жены старого учителя – учительницы домоводства.

– Ну почему ты не такая, как твоя сестра? – часто упрекала фрау Майлингер Ольгину младшенькую. – Анна и училась хорошо, и рисует прекрасно, и готовить умеет, и троих сестёр вынянчила. А ты ничего не умеешь!

И правда – почему? Может быть, потому, что Анне приходилось много помогать своей матери по хозяйству? Или потому, что старшая дочь застала в Казахстане ещё советскую начальную школу, где детей в первом классе сначала учили с правильным наклоном выводить палочки и кружочки («ставили руку»), а потом уже писать слова? Не так, как в школах Германии: сразу печатными (иногда очень корявыми) буквами.

«Кобыла»

– Мама, а что означает по-русски «кобыла»? – спросила младшая дочь из семьи переселенцев.

– Кобыла? – переспросила мать. – Это Stutte (штутте), лошадь!

Дочь пожалала плечами и опустила глаза: «При чём тут лошадь?»

– А почему ты спрашиваешь?

– Папа сказал мне сейчас, чтобы сделала «кобыла», а я не знаю, что это такое...

– Ах, так это он тебе «как было» сказал! Чтобы ты назад всё вернула, как раньше было!

Сергей Лушников Жизнь прекрасна!

Жизнь прекрасна! Когда голоса разума и сердца сливаются в единое песнопение. Когда вы чувствуете божество, коему преклоняетесь, когда ваши желания текут помимо воли к ней, ЕДИНСТВЕННОЙ или к нему, ЕДИНСТВЕННОМУ.

И ваша покорность не будет рабской – она становится естественной необходимостью – так же, как есть, пить, спать, дышать, наконец. Она поднимается выше их на многие ступеньки, на вершину пьедестала чувств, она становится потребностью любить избранного, который, может быть с другими, не совсем понятными привычками и по-другому воспитанный человек, с его интересами и смыслом жизни, который отличается от вашего.

Если же любовь будет вызывать у вас со временем недоумение или раздражение, если сила нового чувства, приобретенного вами, окажется слабее, чем многочисленные мелочи жизни, несоответствие образа и его действий, то оно померкнет, или, хуже того, превратится в ненависть, и тогда жизнь влюбленных станет адом, который не пожелаешь и врагу.

Но, если пара влюбленных, преодолевая недомолвки и все трудности, становится выше их, и с вершины чувств, куда занесла их судьба, они могут вместе посмеяться над своими проблемами... Если двоим под силу преодолеть внешнее проявление несовместимости, соединить в себе два лоскута одеяла их душ, присовокупив телесные наслаждения – как вознаграждение за их чувства, то вместе они поднимутся над толпой. И с высоты ПОЛЕТА ДУШ они смогут ощутить никчемность неразумного Я в своих действиях, и им становится весело от того, что не запутались в жизненных мелочах и сохранили свое священное чувство – Любовь.

Исключительная благодать

Роман Григорьевич, научный сотрудник института генетики, был странным человеком. Хотя никто из окружающих об этом и подумать не мог. Худой, высокий, с узким лицом, маленькой головой, на которую свободно помещалась шапка 54-го размера. В общении он был весел и сыпал шутками, словно дымовой завесой отгораживаясь ими от реального мира. В работе был хорошим исследователем, успешно выполнял задания по теме «Перспективные модели сортов картофеля в Западной Сибири и генетические модели их реализации». Выводил неторопливо сорта, в основном скороспелые, так необходимые для короткого лета в Сибири, писал статьи, отчёты, акты выполненных работ, защитил кандидатскую диссертацию. Всё делал, как большинство учёных нашей страны. А был он страшен в любви к кладбищам. Нет, не подумайте, что он любил ходить на похороны, провожать людей в последний путь, сидеть на поминках, просто его тянуло одного ходить по кладбищам...

Он с неохотой посещал огромные городские кладбища, но любил гулять по небольшим, уютным, ухоженным и мечтал побывать на всемирно известных. Мало было специалистов, которые были бы равны ему в знании этих мест. Роман Григорьевич Землянов ездил в разные города страны в научные командировки и каждый раз ставил своей целью посещение мест последнего приюта людей. Он не мог объяснить эту тягу. Может, это началось тогда, когда он из Норильска приехал учиться в город Т. и как-то случайно зашёл на ближайшее кладбище, когда гулял по окрестному лесу в августе. В ограде одной могилки он увидел много рясной малины, крупной, сочной, которой не было на Крайнем Севере. Попробовал одну ягоду, а потом стал есть горстями, пока малина не закончилась и ему стало плохо: голова пошла кругом, тошнота и прочие недомогания. Он опустился на землю и увидел, что надпись на надгробье стерлась. Роман тупо смотрел на памятник и думал, за что его так нака-

зывает Творец? Но, оглядевшись вокруг, словно ища глазами Боженьку, поразился тому обстоятельству, что вокруг больше нигде не было столько малины, как в той оградке. Он стал прибираться холмик могилки, очистил от травы, потом выдрал сорняки в самой оградке, а потом стал очищать надпись, смочив носовой платок водой и посыпав его песком. И только тогда смог прочитать, что покоится здесь Роман Григорьевич и годы жизни: 1906–1966. Фамилию так и не разобрал, но совпадение его собственных имени и отчества посчитал знаком. Каким и для чего – не понял. Ещё долго сидел он возле могилки и размышлял – кем же был этот человек...

Потом встал, обошёл вокруг другие захоронения, но такой малины нигде не нашёл, остановившись на мысли, что Роман Григорьевич, наверное, был хорошим человеком, коли столько малины растёт только у него. И потом – пока кладбище не снесли – он каждый год ходил и ухаживал за этой могилой, но малину больше не ел...

После этого он побывал на всех погостах города, но на больших кладбищах чувствовал себя, как в коммунальной квартире, когда личного пространства почти не существует, и ты находишься в прицеле множества глаз, слёз и мыслей. Потом стал посещать деревенские, поселковые захоронения, там ему нравилось больше: могилы располагались среди больших деревьев, где мало народа и вкусный воздух, и пели красивые песни птички. Он останавливался у заброшенных могил и вычищал старую траву, поправлял кресты, оградки, в общем, что-то пытался сделать для уюта покоящихся уже вечно.

Эта странность Романа стоила ему первого брака, который рассыпался и исчез, как пепел в земле. Он женился рано на молодой аспирантке Верочке, красивой брюнетке, на которую засматривались все мужчины. Как она умела ходить, нет, она не шла, она плыла медленно, словно пава, с томным взором, переставляя стройные ножки и покачивая бёдрами! И неудивительно, что Роман втюрился сразу, и любовь, подкреплённая мощным тестостероном, дала пло-

ды. Перед этим он заработал приличные деньги в стройотряде – целую тысячу рублей! По тем временам большая сумма. И повёз Верочку в Ленинград. Здесь он решил посетить Пискарёвское кладбище, Александро-Печерскую лавру, съездить в Комарово и на Волковское. Но началось всё с неприятностей.

Они поселились в квартире ветерана войны, которому было почти восемьдесят лет. Их привела туда женщина, встретившая молодых возле гостиницы, где не оказалось мест, и они пошли с ней на квартиру. Отдали ветерану деньги за десять дней вперёд, а сами пошли гулять по городу. В первый день Роман уговорил Верочку съездить на Пискарёвку. Но с ней он не смог прочувствовать трагедию здешних обитателей, Верочка спешила, не давала ему раствориться хотя бы на время среди тех сотен тысяч душ, что покоились здесь... Ещё успели прогуляться по Невскому проспекту и вернуться домой.

В квартире, на кухне, хозяин пил водку. Он кричал, продолжая воевать с фашистами. Они хотели прошмыгнуть в свою комнату, но их остановила тирада отборного мата. Похоже, он их принял за фашистов. Верочка что-то возразила, но только усугубила положение: угрозы, оскорбления продолжались всю ночь. Роман не знал, что делать. Остановить хозяина он не мог, хотя пытался уговаривать, но тот только сильнее распалялся. Чего только они не наслушались?! Но поднять руку на ветерана войны он не мог, а куда идти ночью, да ещё с чемоданом? Так и провели ночь, только утром ушли. Верочка сердилась, почти кричала – какой ты мужик, тряпка! Не смог успокоить старика?!

А Роман, и правда, не мог, с детства боготворил фронтовиков, поэтому молчал и хотел одного – уйти на какое-нибудь укромное тихое кладбище. И они в этот день разделились, Верочка рванула в Эрмитаж, а он поехал в Комарово и там возле могилы Анны Ахматовой среди высоких сосен успокаивал свою душу. И слышались ему слова поэтессы:

Так отлетают темные души...
 – Я буду бредить, а ты не слушай.
 Зашел ты нечаянно, ненароком –
 Ты никаким ведь не связан сроком,
 Побудь же со мною теперь подольше.
 Помнишь, мы были с тобою в Польше?
 Первое утро в Варшаве... Кто ты?
 Ты уж другой или третий? – «Сотый!»
 – А голос совсем такой, как прежде.
 Знаешь, я годы жила в надежде,
 Что ты вернешься, и вот – не рада.
 Мне ничего на земле не надо...

Он вспоминал стихи одинокой души, стараясь прочувствовать самые главные, бередящие душу слова.

Вечером супруги молчали, чему Роман был даже рад. Утром они разъехались по разным местам: она в Петергоф, а он поехал в Александро-Печерскую лавру. Роман сначала ходил по самому старому кладбищу – Лазаревскому, разрешение на строительство которого давал лично Петр I. Красивые мощные некрополи подчеркивали значимость покоящихся здесь людей. И действительно, имена впечатляли: архитекторы Росси, Кварнеги, учёные Ломоносов, Эйлер. Потом посетил Тихвинское кладбище, где обрели последний приют Михаил Иванович Глинка, Фёдор Михайлович Достоевский, Архип Иванович Куинджи. Он прикасался к холодным плитам и вспоминал каждого из этих великих людей, разговаривал, спорил с Достоевским, видел солнечные картины Куинджи или шикарные жёлтые здания архитектора Росси. Зашёл на Казачье кладбище, названное в честь погибших казаков, разгонявших в 1917 году демонстрантов, на котором впоследствии стали хоронить и деятелей советского периода, в частности – подавлявших Кронштадтский мятеж, именно поэтому кладбище ещё называли Коммунистическим. Вот так враги при жизни после кончины покоились в одном месте, рядышком с друг другом, мирно и спокойно...

С Верочкой они разошлись вовсе, вскоре по приезде в свой город. Больше он не решался на женитьбу. Зато нашёл маму.

Вырос Роман в детдоме и всю жизнь искал её. Он уже давно знал, что она где-то есть, но из-за смены фамилии и места жительства ему не удавалось найти свою женщину. И вот в 42 года он нашёл её – маленькую, сухонькую старушку. Он пришёл к ней домой. Она сначала долго не открывала, не понимая – кто он и что ему надо. Роман был с цветами, конфетами, тортом и шампанским. Она стояла перед ним – маленькая, как старенькая дюймовочка, и рассматривала незнакомого мужчину. «Я Рома, ваш... сын...» – медленно проговорил он. Немая сцена длилась недолго, она признала его: «Ромочка, ты?!» И шагнула вперед, протянув руки, потом остановилась, разглядывая родимое пятно с левой стороны виска, потом обняла и заплакала. Роман тоже плакал, он обрёл семью. Они стояли, обнявшись, и плакали, словно мать провожала сына на войну.

Они сидели за столом, пили шампанское, чай. Мама успокоилась быстрее сына, рассказала ту давнюю историю, когда потеряла мужа, дом сторел, и, так как она не работала, то пришлось сдать обоих детей в приют. Так Роман узнал, что у него ещё есть старший брат Анатолий. Но мама не знала – где брат. Он всё время хотел задать ей вопрос: почему она не искала их или искала, но просто не могла найти? Но язык не повернулся.

Он стал ходить к ней по праздникам, поздравлял, подкидывал денег, но материнской близости и любви не ощущал. Его мама была окружена подругами, писала стихи о природе, в них не было трагедии, много читала, а его жизнью особо не интересовалась.

Материнскую любовь он чувствовал только от воспитательницы детдома Фёклы Ивановны: от взглядов, слов, поглаживаний по голове до конфет, которые она клала ему под подушку. Не имея своих детей, она любила его, самого худенького и маленького, и не давала в обиду сверстникам, за что детдомовцы дали ему кличку «маменькин сынок», хотя со временем он научился за себя постоять.

Но он искал свою маму...

Хотя в отличие от многих детдомовцев ему повезло больше.

Фёкла Ивановна, когда Роману исполнилось 15 лет, нашла приёмных родителей, работников Норильского ГОКа. И хотя особой любви от них он не испытал, все же они дали ему путёвку в новую жизнь, отправив учиться в институт уже через пару лет. А через год случилась трагедия – приёмные родители погибли в автомобильной аварии... Он сидел на кладбище возле их могил и не мог понять – почему у него всё время отнимают близких людей.

...Прошло немало времени с тех пор, Роман продолжал посещать кладбища, после Московской олимпиады приехал на Ваганьковское к Владимиру Семёновичу Высоцкому, отстояв приличную очередь, ощущая великую любовь народа к великому поэту и артисту. И стоя у памятника, вспоминал строки:

А на кладбище все спокойненько:

Ни врагов, ни друзей не видеть.

Все культурненько, все пристойненько,

Исключительная благодать....

Уж кто-кто, а Владимир Семёнович сумел выразить суть слов поэта Михаила Ножкина.

Роман, так и не получив душевной теплоты от родной матери, стал искать брата, как будто хотел найти частичку семейного счастья. Брата нашел, но... в тюрьме. Он встретился с Анатолием. Тот оказался очень похожим на него, только у того было много морщин, жёсткий взгляд и синева наколок на кистях рук. У Анатолия это была уже третья ходка за неумышленное убийство, первые две – за грабежи.

Роман не удивился, многие воспитанники детских домов попадали в места не столь отдалённые. С бывшими воспитанниками иногда встречался, помогал немного, но ни с кем не водил дружбу, знал, что себе дороже. «Лучше отгородиться, как оградкой могила от могилы», – твёрдо укоренилось в нём это мрачное правило.

Анатолий не высказал ни радости, ни каких-то других эмоций, но попросил брата принести ему чай, курево и сало. А когда узнал, что жива мать, то обозвал её курвой. Расстались прохладно, Роман же стал думать о том, что, может, зря он затеял эти поиски. Но передачи стал приносить брату регулярно, как будто ходил на могилу к человеку, которого никто не любил при жизни, и который сам никого никогда не любил ...

Однако сказались то ли общие корни, то ли усталость одинокой души, то ли привык, но со временем уже стал носить передачи почти с удовольствием. А вскоре в стране началась перестройка, быстро и резко перешедшая в переделку всего, что было со знаком плюс, на минус. Появилась безграничная свобода, которая долетела и до Анатолия. И брат появился в квартире Романа – в большой трехкомнатной, которую он обменял за жилье в Норильске после смерти приёмных родителей. И с братом ворвалась другая – шумная жизнь. Паханы, девки, попойки и деньги – брательник с друзьями «работали» рэкетирами.

Роман пытался говорить с Анатолием, но того несла жизнь в другую сторону. Надо сказать, что и в жизни Романа произошли изменения. В институте сорта картофеля уже никого не интересовали, денег не платили, давали в основном подачки, половину помещений заняли коммерсанты, и теперь Анатолий кормил Романа. Но Роман понимал, что эта «малина» долго продолжаться не может, тем более уже и милиция стала наведаться к нему в квартиру. И вот однажды поздно вечером они крупно поспорили, Роман угрозил Анатолию выселением. Тот был пьян и ударил брата, а Роман ответил, сказавшись детдомовская привычка. Они дрались молча, остервенело, потом боролись, в итоге Роман чуть не свернул брату шею. Тот уже хрипел, когда Роман расцепил руки...

Анатолий долго сидел на полу, потом встал, подал руку брату: «Мир... Не ожидал от тебя такой прыти». Роман молчал. Они сели за стол, выпили с подачи Анатолия за дружбу, а потом долго, по-

чти до 5 утра разговаривали. Роман уговаривал брата начать какое-нибудь дело, доказывая, что рэкет недолговечен и опасен, рано или поздно всё закончится плохо. Анатолий соглашался, но что делать – не знал. В своём сегодняшнем деле он дока: всё налажено, и деньги текут ручьями. Роману пришла в голову интересная мысль, и он предложил организовать фирму по изготовлению надгробных памятников, вспомнив роман Ремарка: люди же умирают всегда, и несмотря на разруху, их все равно будут хоронить. Анатолий заинтересовался, а вскоре начал действовать. Через неделю выкупил небольшое здание, утряс организационные вопросы, а Роман договорился с фирмой из Хакасии насчёт поставок мрамора. Так возникла фирма «Белый ангел». А через год на ней уже изготавливали и памятники, и цветы, и венки, она стала довольно известной на рынке похоронных услуг. А когда Роман предложил оказывать услуги по организации похорон, дела пошли совсем хорошо.

Анатолия через два года было не узнать – в шикарном финском костюме, на БМВ, переехал жить в свой дом. И с тех пор братья почти не ссорились, Роман стал главным консультантом брата со своей долей в бизнесе. Он уговорил брата съездить к матери. И вот они уже втроём, семьёй, сидели за столом. Маме Анатолий привез большой телевизор в подарок, но за столом сидел молча, наверное, вспоминал свои годы в детдоме. Со временем он оттаял, и братья вместе стали навещать матушку.

У Романа появились приличные деньги, и он поехал за мечтой: «Увидеть Париж и умереть!» Как культовый певец Моррисон, который скончался в Париже на гастролях и был похоронен на Восточном кладбище. Нет, это было не кладбище в нашем понимании, это целый город, возникший в 1804 году, где усыпальницы, как хорошие коттеджи, усыпаны скульптурами – настоящими произведениями искусства! За день он смог посмотреть лишь маленькую толику могил, но зато каких знаменитостей!

Свежие цветы постоянно украшают могилу Фредерика Шопена – композитора, написавшего «Похоронный марш», под звуки которого было погребено большинство людей на этом кладбище, да и сам автор.

Оноре де Бальзак описал это кладбище в последней части своего романа «Отец Горио». Последнее пристанище писателя тоже здесь. Здесь же похоронены Жорж Бизе, Амедео Модильяни, Эдит Пиаф, Сара Бернар, Айседора Дункан, Оскар Уайльд, даже нищий Нестор Махно. Роман долго стоял возле памятника русским солдатам, участникам движения Сопротивления во время Второй мировой войны. Потом перешёл к мемориалу казненных коммунаров в 1871 году и случайно увидел могилу Адольфа Тьера, который отдал приказ об их расстреле. Палачи и жертвы тоже лежали рядом, как и на нашем Казачьем. Вот судьба и её ирония – отметил с усмешкой Роман.

Потом была поездка на русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Некрополь расположен в 30 км от города, и ему пришлось ехать на такси. На кладбище совсем не было народа. Первым делом он нашёл памятник Ивану Бунину. Рядом с оградкой висел ящичек для пожертвований. Роман бросил туда сотню евро. Вокруг росли большие тёмные деревья, а на могиле лежали увядшие цветы. Он убрал их и положил автору цикла рассказов «Тёмные аллеи» четыре красные розы. «Как хотел умерший получить Нобелевскую премию за стихи, а ему дали за прозу», – пожалел писателя и поэта Роман.

Внезапно подул сильный ветер и закапал мелкий дождь. Он почувствовал какое-то беспокойство, словно писатель что-то хотел сообщить ему. Огляделся и увидел женщину в фирменной одежде. Она подошла к могиле и стала очищать её от травы. Потом перекопала землю и посадила цветы. Он подумал, что женщина пришла к родному человеку, но она вскоре стала убирать другую могилу, потом перешла к третьей. И здесь Романа посетила мысль: здесь есть фир-

мы, которые ухаживают за могилами, а почему бы и нам не организовать такую же и по заявкам родных обихаживала могилы умерших? Неужели это хотел сказать дух Бунина? «Надо Анатолию сказать об этом, нужное дело», – заключил Роман и быстро двинулся к памятникам белых офицеров и генералов. Их было множество, целый квартал. У многих судьбы оказались трагичными, а памятники стояли красивые и величественные, отдельные и мемориальные. Дождь стих внезапно, как и начался. Роман смотрел на целый городок белогвардейцев, тоже русских людей, покоящихся на чужбине, и прочувствовал всем сердцем трагизм их судеб. Ему казалось, что вокруг витали души и просили забрать их на родину – в Россию. Новый порыв ветра принес влагу, и та стала стекать с его лба тонкими струями на лицо, словно омывая слезами усопших.

На выходе, около ворот кладбища, в киоске Роман купил открытку 1900 года с видом Эйфелевой башни на память о посещении русского кладбища. Весь продрогший, сибиряк, сняв плащ, сел в такси и молча слушал водителя, бывшего полковника советской армии из Украины, о его хорошей жизни во Франции. А в голове роились мысли: почему так случилось, что Бунин и белогвардейцы, вынужденно покинув родину, безмерно тосковали по России, а сегодня многие уезжают из неё и ничуть не сожалеют об этом? Неужели все дело в материальном достатке? Неужели тоска тех эмигрантов была обусловлена их хорошей жизнью при царской власти? Неужели нам, сегодняшним россиянам, неподвластно сделать жизнь в своей стране благополучной для всех, ну, по крайней мере, обеспечить достойное существование? Неужели мы будем надеяться на нашу власть, а каждый себя не спросит: а что я сделал для счастья, хотя бы своего? Но и власть свою спросить – когда же государственная система станет справедливой для всех? И где эта справедливость, и существует ли она?

Мысли крутились в вихре танца, одна сменяя другую, противоречивые и неожиданные, как сама жизнь на родине. Достал открытку

и на обратной стороне прочел надпись на русском языке: «С Рождеством Христовым! Счастья и благословения! Ждем домой! Скучаем. Сазоновы». И адрес: Санкт-Петербург, Литейный проспект, 31, кв. 56. Вот это да! Интересно – кто же и кому это писал? Он перебил таксиста, поинтересовался – откуда эти открытки. Водитель пояснил, что часто после смерти человека его письма, открытки, фотографии отдают продавцам киосков при кладбищах, а они за один евро продают желающим. Кто-то ищет старые фотографии зданий, улиц, кто-то узнает друзей, даже родных и покупает.

Дождь прекратился, Роман ещё сходил к могиле Нуриева, самой оригинальной из всех. Его могилу покрывала не плита, а ковёр, яркий и неправильной формы, будто в движении танца.

Возвращаясь из Парижа, он позвонил Анатолию и поделился своей идеей о предоставлении услуг по поддержанию в порядке могил. Тот воспринял её хорошо. Ещё когда Роман сидел возле могилы Мопассана, то задумался о наследственности. Почему Мопассан стал писателем, а он нет? Как влияют гены родителей, бабушек и дедушек на способности ребёнка? Вдруг есть особый механизм передачи способностей? Если бы знать – кто из предков и как передаёт свои гены, то можно было уже ребёнку указать направление, пусть даже не одно? А если гены предков участвуют и закладывают в детях определённые способности, то надо бы узнать свою родословную. Роман посетил также могилу великого русского шахматиста Александра Алехина, сидя возле неё, он продолжал размышлять о наследственности. С не отпускающими его мыслями Роман ехал домой.

Вскоре братья открыли ещё одну фирму – по уходу за могилами. Клиентов оказалось много, очень много, особенно из тех, кто эмигрировал за рубеж. Клиентам Анатолий посылал фотографии, подтверждающие выполненные услуги. А Роман по приезде засел в архиве Сибири и Дальнего Востока и нашёл там информацию даже о своих дедах и бабушках! Поразился, что один из дедов по маме-

ной линии по имени Анатолий в Тамбовской губернии держал гранильную лавку по изготовлению памятников! С этим он примчался к брату. Сбиваясь, рассказывал о наследственности, об истории близких, показывал тому архивные материалы, а когда выговорился, замолчал.

– Да, дела, – произнес Анатолий, – по-твоему, во мне гены гробовщика, и они были уже заложены при рождении, а я не знал?

– Ну да, откуда мы можем знать. Мы тыкаемся, пробуем, и счастлив тот, кто находит свое истинное призвание, генетически заложенное.

– Нет, брат, я уже строить дома собирался, а мне, выходит, нельзя?

– Строить-то можно, наши предки тоже наверняка строили себе дома. А вот почему я в генетики попал – непонятно, ведь не было тогда такой науки?.. Но что-то в этом есть. У меня возникла мысль: мы с тобой не знаем, где покоятся наши предки, но мы можем с тобой как-то их увековечить!

– Ты что – предлагаешь памятник поставить без тел?

– Есть мысль поставить памятник Семье. Представляешь: два дедушки, две бабушки, родители и один ребёнок!

– Ты, что ли?

– Да какая разница! Пусть будешь ты, тем более ты старший. Ты посчитай – сколько родственников должно быть в этой скульптуре?!

– Семеро, – сказал Анатолий.

– Не семеро, а Семь Я, то есть шесть любящих, самых близких тебе людей, и ты седьмой, основа общества! Давай с тобой в городе поставим памятник Семье вместо Ленина, а? Получится – своим дедушкам и бабушкам поставим!

– Так это ведь больших денег стоит?

– Да бог с ними, с деньгами, давай забабачаем!

– Может, поставить церковь, отмолить мои грехи?

– Думаю, Боженька будет не против памятника тем, кто дал нам жизнь.

Долго спорили братья, и в итоге через год памятник, единственный в стране, появился в их городе прямо на площади Ленина! И всегда возле него лежали живые цветы. Даже молодожёны стали приезжать сюда, часто люди просто, без повода, приносили букеты. Роман Григорьевич наблюдал за ними. Они подходили и читали надпись: «Семья есть Семь любящих сердец!» Стояли, кто-то долго, в задумчивости, кто помоложе, тот недолго, но Роман Григорьевич знал, что придёт время и они тоже станут задерживаться подольше.

Через год умерла их мама. Слез, как ни странно, у братьев не было, но похоронили достойно. Не успели отметить сорок дней, как Роману пришла телеграмма, что его воспитательница Фёкла Ивановна в плохом состоянии, просила его приехать (всё это время Роман поддерживал с ней отношения и даже помогал деньгами).

Он не успел, плакал на могиле в одиночестве, обнимая деревянный крест. Её соседка передала Роману папку от названной мамы. Уже возвращаясь домой, в самолете он стал внимательно рассматривать содержимое папки. Там были фотографии воспитательницы и Романа, а ещё конверт из тёмной бумаги. Он вскрыл его и увидел несколько писем, написанных старославянским языком – с твердыми знаками. И на первом же конверте ему бросился в глаза адрес: Санкт-Петербург, Литейный проспект... В памяти всплыла парижская открытка, а сердце застучало как при первом свидании с женщиной. Адрес совпадал, и фамилия Фёклы оказалась Сазонова.

Роман с письмом и открыткой в руке ходил по комнате и не мог успокоиться – это судьба, но какая – он не мог понять. Поэтому решил ехать в Питер и попытаться найти хоть каких-то родственников Фёклы.

Анатолий не одобрял порыв брата, но вынужден был отступить под напором его желания. Почти месяц работы в архивах и поис-

ках то одного, то другого родственника привели Романа в квартиру к Вере Николаевне, внучке брата его второй мамы. Вера Николаевна не пустила его даже на порог, разговаривала через цепочку, но, когда увидела открытку, то назначила встречу в кафе неподалеку от дома и через полчаса пришла не одна, с подругой.

Роман ни на секунду не пожалел о своем намерении, как только увидел Веру. Невероятной красоты, статная, лет сорока, с огромными бездонными глазами и пышным бюстом, она могла заинтересовать любого мужчину. Ожидания оказались ненапрасными. Два часа беседы, и пазлы сложились, Вера признала правду, которую принес Роман в её жизнь. Она рассказала, что родителей Фёклы и её саму репрессировали из-за деда белогвардейца, кстати, похороненного на Русском кладбище во Франции. Родители погибли в тюрьме, а след Фёклы затерялся. Дед Веры же служил у красных, но погиб, поэтому и бабушке повезло – её не тронули. Надо отметить, что Вере понравился Роман, и они провели вместе целую неделю. Их чувства разыгрались было не на шутку, но Анатолий прервал начавшийся роман, дела требовали возвращения брата.

Нежные письма и телефонные звонки теперь вошли в жизнь Романа. Через четыре месяца они с Верой решили вместе прилететь в Норильск, чтобы отдать дань памяти Фёкле Ивановне. Лето в Заполярье выдалось жарким, градусник зашкаливал за тридцать. Высокие, красивые и счастливые – они стояли возле могилки доброй женщины. Неожиданно Роман присел на колено и протянул Вере красную коробочку с кольцом: «Верочка, будь моей женой!» Вера присела и поцеловала Романа вместо ответа, а огромный букет красных роз, лежавший на могиле, внезапно рассыпался, словно женская душа, упокоившаяся в земле, раздвинула его, чтобы увидеть счастье родных ей людей...

Неприкаянный

Его рванули за обе половины так резко, что он сначала и не понял, как стал не пакетом, а полиэтиленовой тряпкой. Нет, ему не было больно физически, однако душа неприятно заныла – он стал бесформенным, непроницаемым полотном. На него сели двое, парень и девушка. Влюбленная парочка целовалась, прижималась, руки ее скользили по разным частям тела противоположного по половому признаку субъекта, а уродец-пакет чувствовал новое предназначение всем своим существом.

Где-то вспорхнула птичка, испугавшаяся ритуального танца молодых людей. Зашуршал муравей, тащивший какой-то камешек. Солнце скрылось за деревьями, перестав разогревать тело полотна. Парочка еще сидела, прижимая пакет к земле, а пакету стало уже грустно. Он лежал обескровленный, обессиленный и стонал под ягодичами влюбленных. Неожиданно они поднялись и, обнявшись, ушли. А уродливый полиэтилен остался лежать под березой. По нему ползали муравьи – вечные труженики леса. Неожиданно на него легко приземлился лист. Он поворочался боку на бок под дуновением ветра, а вскоре слетел на траву. Пошел дождь, разорванному пакету стало зябко. Он покоился на земле, чувствуя себя лишним, словно сигарета на клумбе. Пакет покрылся листьями, сосновыми иголками, края его топорщились в разные стороны. Ему было холодно и одиноко.

Сергей Михайлович смотрел на сквер, лавочку, парочку и остатки пакета, нещадно курил и думал. Однако его ждало дело – товарищ попросил отправить посылку с конфетами в Уссурийск для маленькой дочки.

На улице раздался знакомый свист, он обернулся и улыбнулся – на всех парусах летел троллейбус: родной, за номером 753, на котором два года назад он ставил подвеску. Летел ровно, не качаясь,

как человек, несший на коромысле пару вёдер воды. Он любовался им до тех пор, пока его корпус не скрылся за поворотом. Сергей Михайлович свернул в проулок, где виднелось высокое крыльцо отделения почты. Напротив, возле жилого дома, стоял контейнер с мусором, все – знакомое. Он почти уже подошёл к крыльцу твердым шагом, как заметил над собой низколетящую тень. Голова привычно вжалась в плечи, он резко остановился и посмотрел вверх. Секунда, и мужчина вздохнул, кривая ухмылка отразилась на лице, то летел коршун к мусорному контейнеру, схватил на лету кость и снова взмыл ввысь. Сергей Михайлович выдохнул, плюнул и достал сигаретную пачку «Тройки». Стал вдыхать противный дым, то ропливо затягиваясь, раз за разом – так курит человек на остановке, видя подходящий транспорт. Мимо Сергея Михайловича прошмыгнул долговязый, с длинными волосами парень с рюкзаком за спиной, который зашёл на почту. Бросив окурки в урну, он вошёл следом. В очереди оказался как раз за парнем. Сергей Михайлович глубоко выдохнул: «Сегодня выполню просьбу друга – отправлю конфеты дочке. И...» Мысль оборвалась. Парень оглянулся и зло, громко выпалил: «Накурился, как лошадь, и жмешься ко мне!» Кровь прилила к голове, Сергей Михайлович сжал пальцы в кулаки – давно никто так наотмашь не бил его в душу. Он хотел сдать сдачи: «Тебя бы к нам в гости!» Но, хрустнув пальцами, не ответил, развернулся резко и буквально выскочил на улицу. В голове прыгали мысли одна хуже другой, руки потряхивало, ветер сбивал огонь зажигалки, но он все же зажёл сигарету и двинулся быстро, словно бежал, слыша крик взводного: «Мастер, родной, не останавливайся, петляй, беги к лесу!» Промчавшись метров триста, он на повороте чуть не столкнулся с инвалидом на коляске и с пластмассовым стаканом в руке, в коем, если и были, то в основном белые монеты. Субъект лет пятидесяти, черные усы топорщатся, взлохмаченная голова с блестящими глазами, смотрел он внимательно, но спокойно, свободной рукой сминал пустую пачку «Кент-компакт».

– Где потерял ноги? – спросил Сергей, резко, останавливаясь.

– Четыре года назад в автомобильной катастрофе. Не думай, я не пью, – быстро продолжил он, боясь, что прохожий уйдет, – если есть возможность, купи пачку сигарет, пожалуйста, – последнее слово он произнес тихо, словно выдавливая из себя просьбу.

Сергей не ответил, развернулся и зашагал к супермаркету. Когда был у кассы, у него промелькнуло в голове, что губа – не дура у попрошайки, сигареты курит дороже, чем его «Тройка».

Чуть погодя он уж открывал пачку – у мужика плохо работали пальцы, и спросил:

– Постоянно здесь дежуришь? Люди останавливаются?

– В основном на бегу бросают рубли, кому охота говорить с калекками? Разговаривают, как ты, единицы за неделю, да и то в основном ненормальные – то алкоголики, то больные головой. Вот ты, похоже, хороший мужик, а мне странно, что ты остановился, и уж думаю – вероятно, у тебя тоже не все хорошо.

– С головой? – неожиданно для себя Сергей улыбнулся. – Наверное, в этом ты прав. Боюсь в твоём положении оказаться... Жена, дети есть?

– Жена ушла на второй год, когда я пил беспробудно, дочка – с ней, дружки опустошили остатки средств, утащив из хаты остатки прежней роскоши. Особенно жалко коллекцию монет. Ну а сейчас нищий, никому не нужен, но, если честно, то пенсии в 22 тысячи хватает прожить, а вот поговорить охота – душевно, как человек с человеком, без жалости и притворства, но не с кем. Вот и сижу здесь, жду, когда сорвётся с дерева зелёный листик счастья. Ведь до аварии я был директором фирмы, жизнь была ключом, много ездил, за границей бывал, женщины любили меня, а теперь... мелкие монеты ловлю, корзиной для баскетбольного мяча работаю.

Сергей стоял и молчал, слушая исповедь обрубка, «трехсотого» по военной терминологии. И сделал предложение:

– Я сейчас посылку отправлю, а потом, если хочешь, пойдем в ресторан «Цезарь», посидим по-человечески?

– Там дорого, лучше уж в бар «Клеопатра», за углом.

– Договорились!

Через час они сидели в баре, Сергей на диване, а Юрий, так звали неожиданного знакомого, на коляске, сбоку от стола. На столе – графин с водкой, соленья, грузди, баварские колбаски, пара салатов. Разговор шел неспешный, говорил в основном Юрий. Сергей молчал и слушал, иногда казалось, что уносился мысленно куда-то далеко – в свое. Его фигура была будто застывшей, двигались иногда руки, а рот жевал пищу нехотя – после опрокидывания рюмки. Напротив них по-хозяйски приземлилась компания из семи крепышей – круглолицых, лысоватых, хотя и достаточно молодых, но похожих на сорокалетних. Кроме них, сзади еще сидели пожилая парочка и двое молодых людей. Компания крепких мужиков постепенно стала напрягать Сергея громкой речью, сопровождаемой непрерывной руганью. Смачные маты стали резать ухо, отчего он стал все чаще поглядывать в их сторону. Мужчина, что сидел с женщиной, молчал. А Сергею вдруг стало стыдно перед ней. Он приостановил речь Юры, встал и подошел к компании.

– Парни, можно без матов?! Женщина же сидит рядом, – тихо и спокойно произнес он.

– Мужик, мы отдыхаем. Кому не нравится, могут уходить. А ты что – матов не слышал, пора бы уже в твоём возрасте выучить мужской язык!

Сергей, казалось, окаменел, лишь лицо окрасилось багровым румянцем. Неожиданно он резко схватил со стола жирный ножик, подставил его к горлу крепыша.

– Я прошу, – медленно проговорил он, чеканя каждое слово, – прошу не выражаться. И всем сидеть тихо – больше я предупредить не буду! – Потом отпустил левое плечо парня, взял салфетку со стола и вытер нож, бросил его в центр стола и, не оглядываясь, отошел.

За столом крепышей долго было слишком тихо, как в больничной палате во время сна, а через полчаса они и вовсе ретировались.

Сергей Михайлович слушал Юру, иногда прерывал, призывая выпить. Потом они шли по улице к дому Юры, временами Сергей катил коляску, но большую часть дороги инвалид сам крутил колеса. У дома они расстались, зафиксировав прощание крепким рукопожатием. Михайлович ещё пару минут курил и смотрел, как Юра поднимается по пандусу. Уже в проёме входной двери Юра пригласил его ещё раз к себе, но тот лишь в ответ помахал рукой...

Сергей шел медленно, но оживился, заслышав грохот неуклюжего трамвая. И решил проехать по городу. Заплатив, присел на одинокое сидение и стал смотреть в окно. Знакомые силуэты домов проплывали, вызывая воспоминания. Вот кинотеатр, возле которого он назначил первое свидание Любе, симпатичной курносой студентке. Он пришел раньше времени и ждал под дождем почти 20 минут, высматривая ее по сторонам, а она появилась внезапно из проулка и опустила над ними зонт. Под ним они и поцеловались в первый раз. Он вспомнил, как перехватило дыхание, а еще бешеный стук своего сердца и ожидание реакции Любы. Он закрыл глаза, вспомнив, как она ответила поцелуем в щеку, и они долго шли молча, обходя ручейки и лужи. Так и уснул в кресле, в сладостном сне, вспоминая прошлое, которое уже не вернуть. Кондуктор Зина попробовала его разбудить на остановке, но тот словно впал в летаргический сон. Она посоветовалась с водителем Светланой, и они решили – пусть проспится и стали возить его по маршруту. На третьем круге забеспокоились – не упал бы. Всё же везде железо. Позвонили в трамвайно-троллейбусное управление, но Сергей уже свалился на повороте на пол, а там свернулся калачиком и продолжал находиться в царстве морфея.

Когда из управления приехали парни, то один из них воскликнул:

– Это же Сергей Михайлович, наш мастер! На СВО год назад ушел. Михалыч, вставайте! – начал он тормошить за плечо пассажира.

Но Михалыч не откликнулся, забылся беспробудным сном. Очнулся только после воздействия нашатырного спирта. Его подняли и посадили на кресло.

– Михалыч, это мы! Узнаешь?

Глаза его упёрлись в работников управления. И тут на лице появилась чуть заметная улыбка.

– Виталик, Миша! Вы откуда здесь?

– Так вот тебя спасать примчались! Благодарю девчат – покатали тебя бесплатно.

Они вышли на улицу вместе, проводили Сергея до общежития. Тот вошёл в свое холостяцкое жильё и, не раздеваясь, упал на старый облезлый диван. Кроме стола, трёх стульев, выдавших виды, на стенке висела в рамке фотография, на которой была изображена его семья. Веселое лицо Любаши, его сына Антона, которого и обнимали они с женой. Десять лет назад Любовь покинула его, ушла к директору большой фирмы, как сказала, ради сына. Он не сопротивлялся, хотел им счастья. А что он мог дать – хотя и работал как вол, но платили в троллейбусном депо мало, а уйти не решался – так и обменял работу на семейное счастье. С сыном поддерживал отношения до его поступления в университет в другом городе, а после общение и вовсе сошло на нет, звонки стали редкими и ничёмным.

Сергей Михайлович достал телефон, набрал номер сына, но тот не ответил. Он открыл приложение Сбербанка и перевел почти все деньги по номеру телефона сыну. Антон позвонил минут через пять.

– Отец, ты, что клад нашел? Откуда такие деньги? И зачем?!..

– Да устроился на оборонное предприятие, платят хорошо – с выработки. Расскажи, как сам-то? Не собираешься жениться? Как учеба? Ввели военную кафедру?

– С учебой отлично, жениться рано, но девушка есть. Кафедру восстановили, специализация – дроны. Интересно, – доложил сын.

– Ты на кафедре хорошо во все вникай, может, когда-нибудь пригодится, – посоветовал отец и добавил, – не дай бог.

– Я не собираюсь в армию, в магистратуру пойду.

– Дай-то бог. А деньги пригодятся. – Он хотел спросить про Любу, но не решился и услышал: «Спасибо за деньги. До встречи!» – Хорошо, удачи тебе, сынок! – Сергей долго лежал ещё на спине, а потом повернулся на левый бок и заснул.

Юра целую неделю ждал нового друга, который обещал прийти. Но Сергея не было.

– Похоже, я ошибся – нормальный он человек, не больной на голову, нашел себе подобных...

А Сергей уехал на СВО на следующий день, раньше срока, там его ждали...

Елена Тарасова-Райн

Ностальгия

Колосятся поля золотыми колосьями ржи.
Я по полю бегу, красотой восхищаюсь в тиши.
Мне колосья напомнят Любимую Русь,
По которой скучаю, ночами не сплю и молюсь.

Ностальгия бушует, покоя опять не даёт...
Сердце рвёт на изнанку и снова, и снова зовёт.
Я молюсь за Россию, за Великую Русь!
А когда я приеду, всем сердцем к России прижмусь.

Эмигранткой зовусь, Я – по имени Русь.
Прославляю Россию в стихах, не стыжусь.
Может, кто-то поддержит, а кто и осудит меня,
Только Родина-Мать у меня одна!!! Россия!

Осенний поцелуй

Я летела к тебе по ветру,
как кленовый листок дрожа.
С синевы небес опустилась,
Зная с точностью, ты – судьба!
Через облачные перины
я летела к тебе, родной.
Только б голос услышать
Тёплой осенью, золотой.
На мгновение летела смело,
И на вечность коснуться тебя.
НеСЛУЧАЙный прохожий в жизни
НеСЛУЧАЙным стал для меня.
На пути воронье встречала,
по дороге шла тяжких скорбей.
Знала с точностью то – начало
по дороге ХРИСТОВОЙ будней.
Только лучшее уготовил
Наш Отец Небесный, Господь!
За смирение, за кротость, за веру,
за надежду, любовь, за боль.
Ярким солнцем, лучом осенним
Прикасясь душой к тебе,
поцелуй оставляя осенний
на небритой твоей щеке.

Помазана

Помазана ДУХОМ Господнем,
одетая в любовь, шагала.
И чуя души слабых духом,
ЛЮБОВЬ в ладони раздавала.

Ах, эта осень! Бабье лето!
Её вела по жизни смело.
То Волю Божию исполняла –
людские души исцеляла.

Её Блаженность гармонична,
в пример святые, подвизалась.
И шлейфом ветер эстетично
дул в сторону её финала.

Леса и парки её встречали
не по одежке, по устройению,
СЛАВА БОГУ ЗА ВСЁ!
Акафист ко Господу пела в умиление.

И осень счастьем наполняла.
Дивились люди вдохновенно.
ЛЮБОВЬ в ладони раздавала,
БлагоДАРЯ! БЛАГОГовенно!

Шарфик

По петельке с молитвою
Вязала дочке шарф.
Крещенскую водицею
Кропила на устах.
Молитва чуднодейственно
Сыграет тайно роль
И оживит у ангела
Раны, даст покой.
Мольбою материнскою
Сплетала нитью густой
«Господи Иисусе Христе,
Спаси, сохрани чадо, успокой».
Телесные, душевные раны уврачуй.
ПОДАЙ в скорби нам радости,
ЛЮБОВЬЮ знаменуй!
Та ниточка по петельке
в ночной тиши плелась.
Любовью материнскою
с лампадкою зажглась.
Святые лики милостью
Смотрели на мать,
Рядом кот мурлыкал,
Рвался со спицами играть.

Можешь ревновать песня

Можешь ревновать меня к дождю!
Мы давно сроднились с ним вдвоём.
Нашей дружбе более уж двадцать лет.
Дождь признался мне в любви в обед.

Можешь ревновать меня к дождю!
Шёпот листьев, сплетни шелестят...
Мы встречаемся в ночь иль поутру,
Когда люди крепко, сладко ещё спят.

Можешь ревновать меня к дождю!
Каплей свежести меня он заманил.
Расправляя крылья ЛЕЧУ...
Дождь меня на кофе пригласил!

Можешь ревновать меня к дождю!
Его шёпот несравним ни с чем.
Шелковисто-нежное тело отдаю,
Неподвластно более никому.

Можешь ревновать меня к дождю!
Капли прохлады проникают во внутрь,
Очищением стало для души...
ЧУВСТВУЮ дождь в себе, внутри.

Можешь ревновать меня к дождю!
То ж не сказка, даже и не быль.
ТО лишь ПРАВДОЙ веет по утру,
Я ЛЕТАЛА! след остался, пыль.

Умеют любить души

Умеют любить души
Мы не умеем слышать их
Если покой нарушен
Юродливо
Ты в душу загляни!

Любовь умело разгляди!
Ювелирно отражаются они
Будь мудростью наполнен
И ты, и все твои мечты
Твори Добро! прояви
В мягкость милосердия

Душа с душой встретится
Увидишь родство своё
Шепотом шелестом широтой
И объятиями обними её!

Татьяна Богомолова

Слово к потомкам

Верю, что на просторах России ещё остались люди, которые помнят себя, замирающих в восторге от песни Леонида Утесова «Как много девушек хороших!» Миллионная страна, в то время называемая СССР, в унисон подхватывала, и мужчины наравне с женщинами подпевали песне-хиту с глубоким знанием вопроса о любви. И стержнем песни был не факт о множестве девушек у певца, а сердце, умеющее любить одну девушку, что было истинным счастьем и даже спустя многие годы! Большинству была понятна благодарность мужчины, умеющему так любить одну. Ведь и любовь в ту эпоху воспринималась правильно: она была неожиданной (хотя и ожидаемой), ею отнюдь не считалось любое шевеление органа в штанах, но лишь особое состояние полёта и какого-то фантастического всеислия мужчины именно через сердце, готовое на подвиги ради любимой девушки или женщины. И именно так и воспевалась любовь в столетиях в книгах писателей, которые единодушно были названы классиками международной литературы. Драматурги многообразно описали терпеливое томление мужчин, готовых настойчиво добиваться для супружества тех, в которых они влюбились, или полюбили.

Но в последнюю четверть века понятия большинства людей в России диаметрально изменились: и к этой песне, и к состоянию любви. Им кажется странным воспевание сердца в то время, как любит-то, дескать, совсем другой орган, да и зачем его томить – необходимость в этом совершенно отпала. Но и былого восторга не вызывает такая, быстро возникшая и непроверенная временем и делами аллегория на настоящую любовь в наше время. И незабываемым счастьем стороны интимного процесса отнюдь такие скороспешные поступки не считают. Кочевание по постелям не по сердечному зову, а по животному инстинкту привело к разочарова-

нию не только женщин, но и мужчин. Так называемая сексуальная революция растоптала Любовь истинную, упразднив её и заменив сиюминутным удовлетворением похоти со случайными людьми. А ведь был прав Эдуард Асадов, написавший в прошлом столетии стих о том, как хочется ложиться с теми, с кем хочется проснуться!

И в те, совсем ещё недалёкие от нас времена, мужчины понимали, что любовь – в сердце, что именно такая Любовь перенесёт разлуку и даже победит войну, покорит всё непокорное ради любимой, пройдёт огромные расстояния для воссоединения с семьёй и совершит другие подвиги, чтобы возлюбленная и любимая супруга по-настоящему восхищались своим героем!

О, если бы из нашего, страшного своей моральной уродливостью, времени нашёлся писатель-мужчина на героическое дело – вернуть мужчин на стезю поиска той единственной и светлой любви, с помощью которой двоим (мужчине и женщине) только и возможно перенести все невзгоды и скорби! Если бы современные писатели стали описывать мужчин, совершающих необыкновенные поступки и достигать различных высот в своей судьбе и призвании! И важно, чтобы именно мужчина стремился вернуть интерес людей нашего поколения к неисчерпаемой теме о романтической, сердечной любви! Востребованы, считаю, публицисты, которые без ложного пафоса выступят против установок скептиков, нигилистов, отрицающих наличие возвышенной любви.

Совсем незначительное проявление веры в такую любовь даже самому закоренелому скептику может подарить шанс на обретение счастья, зародившегося именно романтическим, прекрасным способом. Ощувив и насладившись этим подарком судьбы, вряд ли он пожелает оставаться в рамках понятий занудливого скептика, твердящего о гормонах и химических процессах, приводящих к любовным чувствам и эмоциям.

На самом деле настоящая любовь – великое, подаренное людям Всевышним Богом, чувство и влюблённость – явление из мира че-

го-то прекрасного, превосходного, божественно-романтического. Что даровано Всевышним, мы имеем и желаем этим обладать в чистом виде, обходясь без пояснения об этом таинственном чувстве от психологов и медиков.

Приведу понимание об этом вопросе одного современного публициста: «Ведь она подобна некоему освободителю. Порой, неожиданно возникнув, она мастерски срывает с человека мнимые личностные оковы, позволяя ему быть тем, кто он есть, отвергнув всякие условности. Окрылённый влюблённостью, человек нередко впервые открывает для самого себя свой внутренний мир. Познаёт – на что он способен. Обретает уверенность в правильном строении собственной натуры. Ощущая влюблённость, человек погружён в нечто, подобное волшебству. Он ценит каждое мгновение, потому что в эти мгновения он наслаждается сладостным нектаром неземных грёз... Именно тогда он стремится каждую свою секунду прожить, словно последнюю. При этом вся жизнь, что была ранее, со всеми её удачами и достижениями, ощущается, как нечто скучное, серое и понурое. А ощущение того, что прожитое ранее, было лишь той дорогой, что вела тебя в это великолепное состояние, становится сродни тому, что почувствуешь при обретении полного счастья и абсолютного смысла». Как меня обрадовали эти слова из уст мужчины-писателя!

Дорогие друзья! Обогадитесь новым восприятием об этом таинственном и великом чувстве или вспомните былое, когда сладко замирали в состоянии экстаза, жажды перенести все трудности ради слияния с любимыми и желания сохранить светлые чувства до конца жизни!

Люди в футлярах

Известный писатель 19-го века А. П. Чехов в рассказе «Человек в футляре» описал очень интересный тип людей своей эпохи. Одни читатели сострадали этому персонажу, другие – иронизировали. Третьи были смущены свойствами характера учителя гимназии Беликова, которые полностью или отчасти оказались присущи им.

С одной стороны, людей, закрытых в большей или меньшей степени от внешнего мира, вокруг нас немало. Им даже присвоено психологами определение «интроверт». Их замкнутость признают как характер личности, считается непреложным фактом. Учитель гимназии из рассказа А. Чехова – Иван Буркин выразил это так: «Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете немало». Несомненно, очень мало чётко выраженных интровертов в чистом виде, предпочитающих свой внутренний мир – внешнему миру подобно раку или улитке. Чаще всего, люди-интроверты учатся с детства «вытаскивать себя наружу», вникать во внешний мир и общество людей, становясь «контактными» и адекватными. Но не об этой категории всё же поведал нам в рассказе писатель Антон Павлович Чехов.

Нельзя не признать, что нечасто в обществе можно встретить людей, у которых не только одежда как будто зачехлена, но и лицо, прячущееся в воротнике и тёмных очках, как это было у учителя гимназии Беликова. Даже удивительно, как Беликов и в преподавателях-то оказался! Ведь там работа на виду у всех: под пристальным вниманием коллег и учащихся гимназии. Такие люди точно не нуждаются в обществе людей, тяготятся внешней жизнью. Беликову постоянно и хотелось окружить себя оболочкой, создать некий футляр вокруг себя, по словам автора, вложенным в уста рассказчика Буркина. Однако уж лучше бы Беликов молчал и уединялся, как поступают в основном меланхолики, живя одиноко – нико-

му не причиняют вреда. Хотя и нет от них никакой пользы, что тоже было отражено автором в конце рассказа.

Но описанный писателем 19-го века А. Чеховым человек не был молчальником-затворником: работа принуждала его к разговору, беседам. Да и интровертам-флегматикам свойственна болтливость по мере того, как они накапливают отрицательный заряд энергии внутри себя. Слушатели Буркина из его рассказа узнали, что Беликов не любил действительность, но чтил некое прошлое из древних эпох. Реальность жизни пугала этого странного человека, поэтому он был рад правилам и циркулярам, не позволяющим то или другое. Запреты были для него спасительным забором от неких врагов, а свобода и любое разрешение тяготили и страшили.

Его иллюзорная жизнь была сосредоточена на древних языках, в которые учитель гимназии прятался, как в плащ-палатку. Чрезмерная осторожность, связанная с внутренней боязливостью, сродни фобиям и маниям неврастеника. Но в отношениях с окружающими людьми Беликов не был трусом. Он был непреклонен и упрям, даже убедителен и страшен настолько, что прогибал под свои понятия мнение коллег и директора гимназии. Не удивительно, что такой пессимистичный и негативно-флегматичный в суждениях человек угнетающе действовал на собеседников, как будто подрезая им не только «крылья» свободы и вольнодумия, но и удушая любую форму радости и оптимизма.

Наверное, в дальнейшем, в наступившей эпохе переворотов, в России понадобились именно такие люди в качестве осведомителей-доносчиков, палачей и беспощадных исполнителей декретов и приказов революционной власти. Их оказалось вполне достаточно, чтобы их руками хладнокровно «покрыть землю» кровью сограждан, с помощью их флегматичной жестокости заполнить застенки тюрем и лагерных зон революционной эпохи 20-го столетия. Удивительно, но Коваленко разглядел в Беликове этот типаж, назвав

его фискалом, хотя в строгом понимании этого слова учитель гимназии Беликов такими делами не занимался.

Но злобные люди только «на публике» смелые и как будто крутые умельцы заставить людей повиноваться даже без реальных «рычагов» власти. В своём затворничестве (а они живут, как правило, одиноко) страшатся всех, прячась в «фуляры кроватей-гробов» в собственных спальнях, никому не доверяя ни сон, ни жизнь. Конечно, такого рода люди боятся связать себя узами семьи: ведь это означает перемены, но флегматики к ним не способны. Беликов был глупцом с раздутым самомнением, которому всегда присуща гордыня. Горечь, отравившая его самолюбие в позорной ситуации, пришедшей от Коваленко, раздавила и лишила способности защищать себя, отстоять честь, ведь её у таких людей и нет. Страдание лишь вскрывает внутри людей, подобных Беликову, пустоту их глупого существования, и тогда решительно не остаётся никаких зацепок за жизнь: ведь её реально и нет. Жизнь влечёт к позитиву, любви, радости, окрыляет надеждой, наделяет оптимизмом. Но злобные флегматики погибают, чаще всего, трагически и бездумно. Сама жалость Беликовых становится той «пилой», которая усердно пилит «сук» безбожного и никчемного существования, завершающегося неожиданной смертью.

Но повествование на этом не закончилось. Писатель показал на ярком примере «футлярной», эгоистичной жизни Беликова – не иные, но также подобные жизни его коллег. Не имеет значения, что они способны, в отличие от Беликова, повеселиться, улыбнуться или даже создать семью. По мысли автора рассказа, это различие – слишком малое, чтобы считать их судьбу счастливой. Через уста персонажа рассказа – Ивана Ивановича – А. Чехов возвестил: «А разве то, что мы живём в городе, в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт, разве это – не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный взор – разве это не футляр?»

Как он прав! Ведь те занятия, в которые люди прячутся вместо того, чтобы становиться активными преобразователями жизни людей вокруг них, и есть другая форма футляра. В суете никчемных целей и глупых задачек люди помещают себя в некий гроб, закопывая в оцепенение душу. Ведь, когда приходит внезапное прозрение, то и «сбегание» в алкоголь или наркотик не спасает таких людей от неудержимого гнева на себя и общество. И тогда требуется суицид – как последняя точка в своём бессилии существовать в порочном круге и нежелании начать новую, качественно другую жизнь. И в благородном порыве Иван Иванович немного пафосно, но трезво заявил: «Видеть и слышать, как лгут, и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносить обиды, унижения, не сметь открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться и всё это из-за куска хлеба, из-за тёплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена, больше так жить невозможно!»

Люди и действительно не могут жить, спрятав, загнав свою честь и достоинство «под плинтус». Человек может радостно ощущать себя на земле, только имея служение на благо человечеству, либо какой-то отдельной категории населения. Путь пустого потребительства, без высоких смыслов и задач, – дорога в тупики и лабиринты, которые заканчиваются всегда трагически. Душа каждого человека заточена Свыше на «горние» цели, и их игнорирование или совершение намеренно злых дел – непременно ввергают людей в адское пекло невыносимой боли и страданий уже при жизни.

Прекрасно, когда талантливые писатели описывают какое-то интересное явление, нелепых в своей странной жизни людей. Прочитав о них, невольно хочется вникнуть в себя, проанализировать свою жизнь, всё более ощущая нужду в Премудрости свыше, особенно – в Спасителе душ человеческих.

Люди «пера», занятые словотворчеством, бывает, бездумно тратят свою жизнь и крадут время читателей, если не нацеливают их

на размышления о быстротечности земных дней, о поиске призвания во благо человечеству, не влекут к Вечности, ожидающей каждого человека за порогом перехода в мир иной. Одарованные Свыше умением излагать фразы, словотворцы не могут позволить себе бездарно растратить время, не внеся в сознание, чувства людей Любовь, Благо, Добро. Ведь отчасти именно с их помощью можно упразднить либо уменьшить на земле ненависть, горе, злодеяния. Оставаться светом для общества и «осолять» правильно души людей – уже не выбор, но, считаю, единственное право на продолжение радостной и счастливой жизни на земле под защитой Божьих ангелов.

Людмила Ларкина Там день и ночь горит «Лампада»

В 2024 году на 5-м континенте отпраздновали 15-летие журнала летопись русских в Австралии «Австралийская лампада» и литературно-музыкального салона «Лампада». Это большое событие для печатного издания на русском языке, которое выходит в условиях иноязычной страны.

Еще 15 лет назад самыми активными читателями нашего журнала были выходцы из Харбина, прибывшие в Австралию в 1950-1960 годы из Китая после китайской культурной революции. Их

родители осели в Харбине, приехав в Поднебесную на строительство Китайско-Восточной дороги в конце XIX века, либо после гражданской войны и революции в России в начале XX-го столетия. Сегодня, к сожалению, многих из них уже нет с нами, но именно им я особенно благодарна, что 15 лет назад они активно поддержали идею создания журнала и стали его постоянными подписчиками. Их внуки и правнуки, представители 4-го, 5-го поколений, в силу ассимиляции, уже не читают на русском языке, а иногда и не говорят. Вновь прибывающие эмигранты в Австралию, родившиеся после распада СССР, которым сегодня около 30 лет, чаще находят свои интересы для чтения в интернетных ресурсах и редко интересуются историей русских, прибывших на 5-й континент. Сегодня, в основном, читают наш журнал выходцы из Советского Союза, которые с детства были равнодушны к чтению, которые часами стояли в очередях за книгами, как в библиотеках, так и магазинах. Они и здесь, находясь за тысячи километров от своей Родины, не равнодушны к книгам и журналам, которые издаются на русском языке. Им я хочу выразить особую благодарность за поддержку, интерес к журналу и к моему литературному творчеству. Особая благодарность настоятелю Свято-Николаевского собора в Брисбене протоиерею Гавриилу Макарову за духовную поддержку журнала. 15 лет назад, в 2009 году, отец Гавриил благословил издание журнала «Австралийская лампада», в котором до сегодняшнего дня описываются судьбы русскоязычных эмигрантов, как предыдущих поколений, так и сегодняшнего дня. Хочу также поблагодарить свою семью – мужа и сына, Максима и Илью Ларкиных за то, что они все эти годы поддерживают меня, как морально, так и финансово. Журнал «Австралийская лампада» издается на средства моей семьи и это мы считаем своей миссией, своим духовным и финансовым вкладом в сохранение российской истории и русского языка на 5-м континенте. Печатные номера журнала «Австралийская лампада» поступают в библиотеки Австралии, России, в архивы, в научно-исследовательские институты, где изучается история Русского

Зарубежья. Сегодня журнал, публикующий летопись русских в Австралии, вызывает интерес у российских ученых и исследователей. Через журнал для них открывается окно на события русской Австралии.

«Души, тоскующей отрада...»

Переехав жить за границу, все мы тоскуем по Родине. Где бы мы ни были, каким бы творчеством ни занимались, оно всегда перекликается с образом тех мест, где наши корни – «Души, тоскующей отрада...» назвал эти чувства Александр Сергеевич Пушкин. Эпиграфом к деятельности журнала стали именно эти пушкинские строки из поэмы «Бахчисарайский фонтан»: «Там день и ночь горит ЛАМПАДА пред ликом Девы Пресвятой. Души, тоскующей отрада...»

*Моя лампадочка сияет
Мне путеводною звездой.
В далёком, австралийском крае
Была чтоб Родина со мной.*

*Ловлю я млечное дыхание
В сиянии солнечного дня,
Обиды всех былых стенаний
Пускай уходят от меня.*

*Лампадка мне тоску излечит,
Растопит в людях боль и лёд.
Пусть в тихий австралийский вечер
Душа о Родине поёт.*

*Гори, гори моя лампадка,
Утешь мольбы, тоску гоня.
Сушу слезу свою украдкой
У твоего опять огня.*

*Душа наполнена любовью,
Горит Божественной свечой.
Тебе лишь душу я открою,
Хранитель Ангел Дорогой.*

*Моя лампадочка сияет
Мне путеводною звездой.
В далёком, австралийском крае
Была чтоб Родина со мной.*

Кто-то до конца своих дней не может справиться с этим чувством тоски по Родине, и все свои неудачи в новой стране списывает на то, что он не может забыть свою родину, и потому все здесь не мило, и потому ничего у него здесь не клеится, и слышишь от такого человека ежедневно все те же слова: «А вот там у нас я был тем-то... а здесь – все не так и не то...» В результате человек окончательно теряется, не приживаясь в новой стране и потеряв навыки проживания в той стране, откуда приехал. А кто-то вообще не испытывает чувства ностальгии и с лёгкостью вычеркивает Родину из своего сердца, из памяти своих детей навсегда вычеркивает русский язык. Удивляешься факту: еще два года назад только что приехавшая семья в Австралию была русской, и все члены ее говорили на чистом русском языке, а сегодня они уже не хотят говорить на родном языке и даже скрывают, что они русские. Есть еще и третья категория российских эмигрантов, которые, приехав в Австралию, начинают тут строить свою маленькую Россию. Именно таким островком России и стал в Австралии журнал «Австралийская лампада», идея которого за 15 лет своего существования так расширилась и укрепилась делами, что теперь это не просто журнал, а творческое объединение, собравшее вокруг себе деятелей культуры, искусства, литературы, музееведения, просто ценителей прекрасного. Все эти жемчужные крупы талантов, собранных вместе, называется теперь ассоциацией творческих деятелей «Австралий-

ская лампада». В 2012 году композитор из Петербурга Ольга Богданова написала музыку на мои стихи. Так родился гимн «Австралийской лампы» под названием «Моя лампадочка сияет».

Как родилась идея создания журнала?

Мысль о создании журнала родилась сразу, как только я впервые попала в Австралию. Прибыв в столицу австралийского штата Квинсленд, в Брисбен, в 2002 году навесить 13-летнего сына-студента, я сразу обратила внимание, что нет в штате Квинсленд ни одного русского печатного издания. Я начала настойчиво искать в Брисбене русских, надеясь что-то прочесть о них в местной прессе. Кто, что ищет в солнечной, заморской стране: кто-то наряды, кто-то пляжи. Я пыталась найти хотя бы одну книжонку, газету, написанную на русском языке. Очень хотелось знать, как живут здесь наши соотечественники. Активных интернет-страниц тогда не было, и слово Фейсбук мы еще не слышали. Книгу я одну на русском языке все же нашла в русском магазине в Аделаиде, в штате Южная Австралия. Называлась книга «Ветры перемен», написанная двумя авторами из штата Квинсленд Михаилом Свиридовым и Павлом Ангелутца. Газет и журналов не было. Вот и появилась тогда мысль, что, если доведется мне жить в Австралии, то я создам журнал, который будет рассказывать о русских, проживающих на 5-м континенте.

В то время в Австралии издавался журнал «Австралиада», но о нем я узнала много позднее, уже приехав в Австралию на проживание. Познакомившись с журналом «Австралиада», который организовали представители харбинской эмиграции, я обратила внимание, что статьи там в основном о русских, проживающих в штате Новый Южный Уэльс (Сидней) и Виктория (Мельбурн), поскольку журнал создан и выходил там. О русских Квинсленда (столица Брисбен) практически ничего не писалось, если только изредка встре-

чалась небольшая заметка. Позднее и журнал «Австралиада» закрылся, проработав не мало по времени в условиях иноязычной страны – целых 15 лет. За труды им надо отдать должное – труд большой, волонтерский.

Как мы приживались в Австралии?

Первые годы жизни в Австралии давались моей семье очень трудно. Проживали мы здесь по временной визе, а значит, никакой поддержки, а наоборот: все услуги для нашей семьи были намного дороже, включая обучение сына, медицину, покупку машины в кредит и прочее. Идею с журналом я не оставляла, хотя надежды на ее осуществление с каждым днем таяли. Я уже практически перестала мечтать о создании журнала, оправдывая и уговаривая себя, что это сделать невозможно, и не по моей вине. Австралия – это совершенно другой мир, иные мысли и чувства, и я это сразу поняла. Я быстро уловила и тот факт, что здесь мы, приехавшие после распада СССР, несем на себе определенную печать под названием «советские», а есть еще другая категория русских эмигрантов – «русские китайцы», которые несколько осторожно идут на сближение с «советскими». Слово «советские» не редко некоторыми русскими эмигрантами китайской волны произносится с негативным оттенком и чаще в обзывательном контексте.

Везде есть тонкие грани, которые следует чувствовать нутром, без каких-либо объяснений. Я поняла, что надо научиться принимать действительность такой, какая она есть, и надо учиться жить в новой стране и интегрироваться не только в австралийское общество, но и в русское. Это непросто, особенно, если у тебя нет ни родственников, ни друзей. Мы постоянно слышали истории о российских эмигрантах, что у людей, у которых нет здесь родственников, возраст к 50 годам, профессия филолог или какие-то похожие из ряда совершенно не нужных в Австралии, эти люди через 10-15

лет мытарств по временным визам просто уезжают из этой страны, потеряв годы, не получив статуса постоянного жителя. Мы уехать не могли. Из-за астмы сыну рекомендовался только теплый климат. Искать другую страну с солнечным климатом? А кто сказал, что там будет лучше?

С 2003 года, с момента, как мы переехали с семьей в Австралию, прошло семь лет. Потеряв надежду натурализоваться, мы все же приняли решение уехать из Австралии. Навсегда. За семь лет у нас уже появились здесь друзья, поддерживающие нас, которые полюбили мои стихи, с которыми было жаль расставаться. Я решила провести свой первый и единственный прощальный авторский вечер, приурочив его к неделе Славянской Культуры и Письменности. Многие ценители моего творчества стали готовиться к декламации моих стихов. Настоятель Свято-Николаевского собора предоставил прицерковный зал, определив дату для прощальных поэтических чтений 31 мая 2009 года.

За две недели до моего прощального творческого вечера, в середине мая 2009 года, мы с мужем и сыном получили письмо из департамента эмиграции о том, что нам дали статус постоянных жителей Австралии.

Так совпало, что в эти дни в Брисбене открывалась после длительного закрытия церковь Благовещения, которая передавалась американской Православной Церковью под омофор Русской Православной Церкви за границей. На эти торжества, связанные с новым открытием Благовещенского прихода, прибыл в Брисбен Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион (Капрал). Прицерковный зал требовался для встречи Владыки. Я поняла, что мой поэтический вечер отменят ради более важного для церкви события, но, к моему удивлению, настоятель собора решил запланированное на этот день мое мероприятие не отменять. Во время моего творческого вечера в прицерковном зале Свято-Николаевского собора Владыка Иларион присутствовал. После поэтических чтений он высказал свое мне-

ние о важности русской литературы за рубежом и благословил на дальнейшую деятельность литературно-музыкального салона и издание журнала–летописи русских в Австралии. Так запланированный мной прощальный поэтический вечер 31 мая 2009 стал днем открытия литературно-музыкального салона «Лампада». Печатный журнал «Австралийская лампада» – летопись русских в Австралии вышел через пять месяцев после благословения Владыки, в октябре 2009 года.

Почему я решила открыть литературно-музыкальный салон раньше, чем начала издавать журнал

С получением статуса постоянных жителей Австралии, наконец-то, можно было серьезно подумать о создании журнала. Проживая в России, работая старшим научным сотрудником в ряде краеведческих, литературно-исторических музеях, я постоянно писала статьи на темы этнографии, истории, но теперь в жизнь вошла другая страна, другой континент. Как музейный работник, здесь я увидела целый пласт совершенно не изученной российской истории. Хотелось изучать, писать, творить. Об издании книг на эту тему я тогда не думала, но к созданию журнала–летописи русских в Австралии стала двигаться настойчиво. Название уже давно лежало в моем сердце, и пушкинские слова «души тоскующей отрада...» не выходили из головы – «там день и ночь горит лампада...» Журнал я назвала «Австралийская лампада».

За семь лет проживания в Австралии я поняла, что любое дело, даже самое благое, вводить здесь надо очень осторожно, изучив все аспекты человеческого общения между разными волнами русской эмиграции. Я сразу уловила дыхание общества и мысли его, что, если не стать частью этого общества и не заслужить доверие, ты никогда не возьмешь ни одно интервью у представителей старой эмиграции. Если ты в чем-то ошибешься, здесь не прощают, а

закрывают двери. Я поняла, что даже празднование дня Победы мы должны проводить очень деликатно, не переходя границы чувств, поскольку для советских людей День Победы 1945 года – это великий день славы наших отцов и дедов, для русских эмигрантов китайской волны – это день скорби, поскольку после входа Красной Армии в Манчжурию и парада 19 августа 1945 года в Харбине тысячи русских – бывших белых эмигрантов были угнаны в советские лагеря. Дети, которым сегодня около 70 лет и старше, остались сиротами. Увозили их отцов, матерей, братьев, не разбираясь, без предъявления статей обвинения, как предателей Родины. Многие из них ищут друг друга до сих пор, и боль обиды и непросщения «советским» все еще живет. Именно поэтому здесь сценарий любого мероприятия надо тщательно продумывать, знать историю и психологию не отдельного человека, а целого общества. Это бы-

ла одна из причин, почему, прежде чем начать издавать печатный журнал «Австралийская лампада», я решила открыть литературно-музыкальный салон «Лампада». Мне необходимо было углубиться в жизнь русских эмигрантов, чтобы понять – чем живут здесь соотечественники разных волн эмиграции, какие хотят слышать стихи, песни, почему до сих пор стоит невидимый барьер между «советской» и «китайской эмиграцией», и вопрос «белые и красные» более 100 лет витает в воздухе над русскими эмигрантами, проживающими на 5-м континенте.

Кто были первыми читателями журнала и гостями творческого салона

С открытием литературно-музыкального салона «Лампада» и журнала «Австралийская лампада», к своему удивлению, я поняла, что моя деятельность интересна больше представителям «китайской» волны эмиграции, чем «советской». Почему? Объяснить сразу было трудно. Может, вновь приехавшие больше тратят времени на то, чтобы выживать и быстрее интегрироваться в австралийское общество?.. Может, их больше не интересует русская культура, литература?.. Может, больше не хотят ничего слышать о России? Возможно, они больше читают новости и книги в Интернете?

Представители старших волн эмиграции не только выписывали мой журнал, но и приходили на все наши «Живые журналы» – литературно-музыкальные композиции, которые мы посвящали творчеству выдающихся писателей, поэтов, музыкантов, художников. Мы также проводили и проводим мероприятия к российским и австралийским государственным праздникам. По просьбе гостей «Лампады» китайской волны мы провели творческий вечер, посвященный Александру Вертинскому, прожившему 10 лет в Китае, Петру Лещенко – соловью русской эмиграции, Игорю Северянину, завер-

шившему свой жизненный путь тоже в эмиграции. Я поняла – какие темы близки «китайским русским», поняла их чувство ностальгии по их молодости в Китае, выросших на русской эмигрантской культуре. Предложенная мной тема 400-летия Дома Романовых оказалась близка и интересна не только китайским русским и постперестроечной эмиграции, но и австралийцам.

Со временем журнал «Австралийская лампада» и литературно-музыкальный салон стали объединяющим звеном для русских людей, выросших в разных религиозных, политических и экономических условиях. Общаясь в течение нескольких лет с русскими людьми Австралии, волей судьбы и исторических событий, получивших разное воспитание и образование, я поняла, что нам есть о чем говорить, и мы говорим до сегодняшнего дня о многих радостях и проблемах на страницах нашего журнала.

Никто не верил, что русский журнал в Брисбене будет жить

В 2009 году никто верил в успех русского журнала в Брисбене, понимая, что наряду с систематическим сбором материалов, интервью, описания событий, будет стоять еще задача – как это все оформить в журнал, на какие деньги издать эти материалы в печатном виде? Много в Брисбене было начинаний с издательством печатных изданий, но начинания быстро проваливались после выхода нескольких номеров. Сегодня журналу «Австралийская лампада» 15 лет.

Журнал наш – летопись русских в Австралии прошёл не простой путь становления. Журнал развивается, становится с каждым днём все красочнее, глубже по содержанию, обретая все новых подписчиков. С 2023 года журнал издается полноцветным, на двух язы-

ках – русском и английском. Читатели говорят и пишут, что на сегодняшний день – это лучший журнал в Австралии на русском языке.

Это сегодня, а 15 лет назад, когда для первого номера журнала были уже написаны статьи, записаны бесценные интервью, собраны фотодокументы, на пути вдруг стала проблема, которая показалась мне непреодолимой. Казалось бы, самый простой вопрос: как сверстать собранные материалы, чтобы все это стало журналом? Вопрос-то простой, но решить его оказалось не так просто и, даже мысль была: «А стоит ли начинать, коль даже верстальщика найти невозможно?» Верстальщик был очень нужен, и я начала искать его, поскольку сама этим никогда не занималась и компьютер мной был освоен только для написания статей и отправки их в издательства. Никакими другими навыками компьютерного дизайна, верстки я не владела. Даже не знала, как уменьшить фотографию до нужного размера, не говоря уже о том, как сделать обложку и сверстать журнал. Мне казалось – напишу я сейчас объявление и появится куча молодых талантливых ребят, которые захотят исполнять роль верстальщика в журнале. Дело-то какое важное! Русский журнал за границей!

Верстальщики по моему обращению в Австралии, действительно, сразу откликнулись, и даже из России, но запросили невероятные суммы за верстку, просчитав почасовую оплату. На слово «волонтер» они откровенно удивлялись и тут же прощались. Волонтеры нашлись только в возрасте после 50-и лет, но никто из них не владел навыками компьютерной верстки. Выросли мы в другое время и компьютеры видели только на картинках в журнале «Умелые руки» и «Конструктор», или в классах в виде учебных экспонатов. Молодое поколение, постперестроечное, в компьютерах разбирается, как «нечего делать», но поколение это уже другое – и некоммерческих, волонтерских взаимоотношений не признают.

Я поняла, что платить за верстку не смогу и ничего мне не оставалось делать, как пойти учиться самой и верстке, и дизайну. Учи-

лась самостоятельно, то по Интернету, то консультировалась с сыном – на тот момент ежесекундно занятым студентом. Взяла курс обучения в австралийском колледже по специальности «издатель». Окончила. Получила сертификат издателя, потом австралийского журналиста. Вообще сделала все, что было в моих силах, и в октябре 2009 года я сверстала свой первый номер журнала. Самой мне моя верстка очень даже понравилась. Сейчас, конечно, показывать этот журнал читателям я стесняюсь, хотя исследователи русского зарубежья и первый номер журнала спрашивают и, как не странно даже ценят и хранят. Содержание, конечно, ценят, но дизайнерская работа... В любом случае старательно сверстаный мой «первый блин» «Австралийской лампы» к печати был готов.

Мой «первый блин» и похоронное бюро

Журнал я сверстала сама. «Первый блин» к печати готов, а тут еще одна проблема: на печатать-то денег нет! Оказалась печать журнала на 56 страниц с цветной обложкой с четырех сторон намного дороже, чем мне посчитали, когда я обратилась в типографию впервые. За время моей учебы на издательское дело цены выросли на все. Мировой кризис сделал свое дело. Искать спонсоров? Спонсоры любят поддерживать только раскрученные издания, чтобы их реклама распространялась далеко и быстро и продвигала бы их бизнес по всем просторам планеты.

Вы думаете – кто помог напечатать первый номер журнала «Австралийская лампа»? Не поверите. Австралийское похоронное бюро. Суеверному человеку это покажется плохим знаком, а я себе сказала: «Значит, будет жить журнал мой долго, поскольку похоронное бюро на эти деньги, которые стали спонсорскими, провожает людей в вечность... Вот и мы будем стараться продлевать журналу жизнь, как можно дольше!...» Понятно, что нет ничего вечно-

го, кроме самой вечности. Так и вышел в свет первый номер журнала «Австралийская лампада» на деньги похоронного бюро. Надо сказать большое спасибо настоятелю Свято-Николаевского собора в Брисбене протоиерею Гавриилу Макарову. Это он помог мне познакомиться с директором похоронного бюро Metropolitan Funeral Service in Brisbane.

Как ты, «Австралийская лампада», живешь сегодня?

И вот мы дожили до 15-летнего юбилея, который отпраздновали 10 ноября 2024 года. Журнал выходит красивый, полноцветный, на лощеной бумаге, на двух языках. Я по-прежнему являюсь дизайнером обложки, верстальщиком, фотографом, журналистом,

автором и, конечно же, мне помогает моя семья. Оказалось, что делать все самим – это намного оперативнее и эффективнее. За эти годы у меня издано 19 книг. Три из них изданы Международной гильдией писателей, за что я искренне благодарна. Тематика моих книг: «Непридуманнные истории из жизни русских эмигрантов в Австралии». Пожилые люди китайской эмиграции, их дети звонят и приглашают на интервью, чтобы оставить о себе след на земле. Это необыкновенные жизненные истории, о которых не прочитаешь ни в каких архивах. Все их воспоминания, фотодокументы включить на страницы журнала невозможно, поэтому о некоторые подвижниках русского зарубежья я пишу отдельные книги.

Как живет литературно-музыкальный салон «Лампада»

Тот, кто бывал на наших «живых журналах» – творческих встречах с читателями журнала «Австралийская лампада», тот уже никогда не забудет то тепло, свет, радость общения, которое сосредотачивается вокруг брисбенской творческой «Лампадки». Целью литературно-музыкального салона «Лампада» и журнала «Австралийская лампада» является сохранение русского языка и многовековых культурных традиций в условиях англоязычного общества; выявление новых талантливых людей, предоставление им возможности выступления перед аудиторией. Важной целью салона является воспитание чувства любви и интереса у молодёжи к истории, культуре России через мир музыки, поэзии, живописи, прикладного искусства и других видов творчества. В литературно-музыкальном салоне «Лампада», членами которого стали многие русскоязычные квинслендцы, проходят незабываемые встречи. Тематические вечера всегда несут в себе смысловую, нравственно-образовательную нагрузку. Это зна-

комство с историей, литературой, живописью, музыкой и их творцами. Есть и ненавязчиво установленные правила этикета, которые несут в себе оттенок эстетического воспитания подрастающего поколения и понимания – что такое этикет в одежде, в поведении, в общении. Каждый участник и гость знает, что на творческие встречи салона «Лампада» нельзя приходить девушкам в джинсах, мужчинам в шортах, как здесь – в самом жарком штате Австралии – зачастую принято посещать мероприятия в неожиданном виде... под простым названием «пляжный стиль». Каждый участник встреч высоко ценит возможность стать членом «Лампады», где он может показать свой талант, новые произведения, имеет возможность выйти на сцену, музицировать, читать стихи, узнавать новости литературы, погружаться в изучение истории, организовывать персональные художественные выставки и концерты, знакомиться с другими творческим людьми и их произведениями, а значит, и создавать новые совместные творческие проекты.

За 15 лет коллективом творческого объединения «Австралийская лампада» организовано более 70-ти встреч на самые разные темы, которые никогда не повторились и всегда несли необыкновенный свет тепла, любви, внимания к людям и огонёк новых знаний. В салоне «Лампада» постоянно организуются творческие встречи, посвящённые творчеству выдающихся людей русского зарубежья, России и других стран, проводятся презентации книг, выставки картин и других произведений прикладного искусства русских эмигрантов. Салон «Лампада» собирает у своего огня современных писателей, художников, музыкантов, певцов, мастеров художественного слова и всех, кто любит прекрасное. Организация и проведение творческих вечеров, презентаций, литературных, музыкальных конкурсов, художественных выставок – является эмоциональным стимулом для новых вдохновений творческих людей.

В салоне «Лампада» за 15 лет сделали первые свои творческие шаги многие музыканты, исполнители песен, проживающие в Ав-

стралии. Даже те, кто имели у себя на Родине высокое признание, делают первые шаги в новой стране на встречах «Австралийской лампы». По-другому здесь о тебе не узнают. В клубы, на фестивали, а тем более – на большую сцену не примут, если о тебе не слышали. На улицах музицировать здесь не дают, если только в самых крайних случаях, когда заполнишь на 25 листах аппликации в городскую администрацию, и не факт, что одобряют заявку и позволяют выйти на улицу петь или музицировать. Если же вновь прибывшие в Австралию для проживания таланты выступили в салоне «Лампада», о них очень скоро узнают из наших статей в газетах, в журналах, социальных сетях «Фейсбук», «Инстаграм», «ВКонтакте», на Ютуб и др. Дальше для них в новой стране проживания открываются необъятные возможности в творчестве – масса приглашений на сцену, только успевай. Происходит это на глазах и очень быстро. Те, кто хотят преподавать музыку, вокал, танцы, так же быстро находят учеников через салон «Лампада».

Что говорят исследователи русского зарубежья об «Австралийской лампаде»

Исследователи русского зарубежья говорят: «Журнал „Австралийская лампада“ – это окно в русскую Австралию. Это единственное печатное издание, при котором систематически работает „живой журнал“ – литературно-музыкальный салон, записывая летопись не только прошлых лет, но сегодняшнего дня»

Те, кто пытался создать печатный журнал на Зеленом континенте, говорят, что издание печатного журнала в течение одного года здесь равен пяти годам. Изучая историю русских эмигрантов в Австралии и их попытки издания журналов на 5-м континенте, которые продержались не более одного года, вспоминая путь, который прошли мы с семьей с нашим журналом, я соглашаюсь с этими утверждениями. Для меня путь с журналом: 15 лет умножено на

5 и ровно 75 лет. Именно такой груз труда, а также разочарований пришлось нести, но еще больше весит награда в виде радости, удовлетворения, которые я чувствую сейчас. Это радость общения с людьми самых разных сословий: белой и современной эмиграции. Бесчисленные видеозаписи живой истории, которые не найдёшь ни в одном архиве. Вспомнить только одну встречу с последним мушкетёром, который прибыл из Китая, где был активным членом организации «Русские мушкетёры». На время моей встречи с ним и видеозаписи ему исполнилось 105 лет. Он оставался крепким, с прекрасной памятью и с массой неиссякаемых идей в голове. К сожалению, через две недели его не стало.

Много и других незабываемых встреч. Так что ещё не все написано, и журнал «Австралийская лампада» намерен продолжать все также активно работать и благополучно дожить до своего следующего юбилея – 20-летия.

Радует и то, что работу журнала и литературно-музыкального салона оценили не только в русскоязычном обществе, но и в австралийском, и в других этнических группах, которых в Австралии насчитывается более 220. Коллектив творческого объединения «Австра-

Людмила Ларкина

лийская лампада» 23 ноября 2024 года был приглашен в Парламент Австралии на праздничный ужин по случаю новогоднего бала и подведения годовых итогов, где члены «Австралийской лампы» были отмечены наградами.

Мои пожелания читателям

Журналу «Австралийская лампада» 15 лет. Иногда мне даже не верится, что мы с моей семьей смогли преодолеть все препятствия, которые стояли на нашем пути, а их было немало. Создала ли бы я снова журнал-летопись русских в Австралии, если бы знала, что ожидает меня впереди? Не знаю, но сегодня я говорю с радостью в сердце: Слава Богу за все! Будем едины! Как сказал Преподобный Сергей Радонежский: «Любовью и единением спасемся». А будущим поколениям, где бы они ни жили: в Австралии, России, Германии, в любых других странах, хочется пожелать следующее – никогда не отказывайтесь от своей мечты, даже, если в какой-то момент она покажется вам не достижимой. Не бойтесь останавливаться и начинать сначала. Никогда не слушайте советы других. То, что по силам вам, другому покажется сумасшествием. Цените свое время и время других людей. Оно бесценно. Все очень быстро проходит и, как много людей мы не успели выслушать.

Сергей Лушников

Гуманитарная помощь

Мой партнёр Виктор Фомченко со временем стал товарищем надёжным, как и его домашние стройки, выполненные его крепкими и умелыми руками. Мы совершенно разные, на первый взгляд, но общее в нас все же есть – слово, а за ним дело. И неважно – когда и при каких обстоятельствах слово произнесено.

Виктор бывал у меня дома, но редко, больше на работе, где я встречал его по полной программе. Причем часто деловые разговоры проводились не под чашку кофе, а со стаканом водки.

Виктор, огромный дядька, шумный, с длинными руками, ростом почти под два метра, с детской улыбкой – напоминал мне большого ребенка, чистого и наивного. Работал он тогда начальником снабжения цементного завода, а наша организация брала приличные объемы цемента. Взаимные поставки часто требовали риска одной из сторон, кто-то отдавал товар первым, а выполнять обязательства нужно было с обеих сторон. Договор был общий, без конкретных обязательств и цен, поэтому иногда приходилось согласовывать на словах все условия каждой сделки. Но не всё зависело от нас, часто подводили поставщики, особенно это касалось сроков, именно поэтому приходилось решать вопросы находку, но так, чтобы не страдала ни одна сторона. И нам это удавалось.

Как-то на завод срочно потребовался гипс, а поставщик требовал взамен дизтопливо. Виктор позвонил мне и попросил приехать, чтобы на месте обсудить данный вопрос. Дизтопливо было стратегическим товаром, его можно было быстро переводить в деньги, а живых денег катастрофически не хватало, но у меня имелся канал поставки стратегического товара, и Володя это знал.

Для меня было невыгодно менять дизтопливо на гипс, но отказать я не мог, тем более что начинал стройку монолитного дома, первого в их области, поэтому через несколько часов был в его род-

ном поселке. Цементный завод – градообразующее предприятие поселка. Сам поселок зимой представлял собой неприглядное зрелище, а серые тучи и грязный воздух только усиливали его. Возле завода, неподалеку, располагался микрорайон старых пятиэтажек – серых, как и весь поселок.

Уже вечер, поэтому еду в частный сектор, домой к товарищу. Деревянный одноэтажный дом с полуподвалом, где располагаются просторная кухня и большой стол, он сам распахнул мне двери. Черные взлохмаченные волосы, брошенные пятерней в правую сторону, огромные глаза светятся по-взрослому, хозяин немного навеселе. Дома гости – дочь Татьяна, красивая, дородная, молодая женщина лет тридцати, и американец Смит – большой, располневший мужчина, лет сорока, которые приехали с большими баулами гуманитарной помощи из США.

С Татьяной мы обнялись, она бывала у меня дома, и мы общались с ней по разным вопросам, в том числе и по бизнесу, так что она была примерно в курсе наших дел. Как-то в свое время я помог ей с деньгами для покупки квартиры в Москве, что укрепило наши отношения. Хотя денег своих у меня не было, но я уговорил знакомого партнёра из Москвы выручить ее. Американец был расстроен, он то клал большие руки на стол, то убирал их, пряча на сиденье стула и бормотал что-то по-английски.

– Давай выпьем, – произнес Виктор, подняв стопочку грамм на сто, – за встречу! – И другой пятерней отбросил упрямый чуб со лба.

Мы подняли рюмками.

– А что американцу не наливаем? – Я посмотрел на Смита, утонувшего взглядом в тарелке с шикарным мясом – тушёной говядиной с большим количеством лука, томленного не менее четырех часов. Однако фирменное блюдо Виктора оставалось у него нетронутым.

– Да пошел он – этот американец! Давай по второй.

– Обидится, слышит же.

– Да ничего этот янки не ферштейн, они наш язык не в состоянии выучить, или не хотят – пупы земли. Ладно, дочь, пригласи своего бойфренда, – сжалился все же он через минуту. – Расстроился парень.

Смит – более огромный детина, чем тесть, со светлыми волосами и бородой, как у Санта-Клауса, поднял голову и быстро начал говорить, беря меня за руку и обращаясь именно ко мне, похоже, он только сейчас и заметил, что я тут.

Татьяна переводит эмоционально:

– Как же так – я приехал за десять тысяч километров в Сибирь, чтобы увидеть радость в глазах ребятишек детских домов, привезя гуманитарную помощь, которую мы там собрали. И всё пропало! Вот скажи, Серж, это справедливо?!

– А в чем, собственно, дело? – спрашиваю я, обращаясь ко всем.

Татьяна, ещё больше волнуясь, выплеснула из души:

– Решила я для своей родины подарок сделать – гуманитарную помощь собрать для детских домов. Муж с радостью меня поддерживал. Привезли 15 огромных баулов, почти 400 кг одежды, игрушек. Договорились с детским садом – здесь неподалеку, привезли им два баула. Нас встретила заведующая, собрали детей, и мы почти два часа раздавали вещи, потом было чаепитие, всем было весело и радостно. У нас душа светилась – нам самим было очень приятно. А как радовались дети, когда Смит в наряде Санта-Клауса дарил детям подарки, вынимая из огромной сумки игрушки и вещи! Я, серьезно, словно на крыльях счастья летала. Через день мы поехали в другой детдом, с которым тоже была договоренность. Привезли три баула, но в помещение не успели зайти, как бежит навстречу женщина, в наспех накинутой шубе и кричит: «Не выгружайте, не будет праздника – губернатор запретил! Извините, но не могу принять!..» Мы ее пытались уговорить, чтобы хоть оставить подарки, а вручить могут и сами потихоньку. «Я бы с удовольствием, но не могу, хотя... вон смотрите – и ребятишки в окнах ждут,

уволят меня, не могу. Езжайте с богом! И помните, что в нашей области нигде не примут».

Местный губернатор – коммунист до мозга костей, слов на ветер не бросает, это я знал, хотя он не всегда был прав.

– Вот вы как считаете, прав он? – Вопрос Татьяны у меня самого уже крутился в голове.

Я почему-то явственно видел картину: девочка со слезами на глазах смотрит в окно на деда Мороза с мешком, при этом видя, как того к ней не пускают...

– А знаешь, Татьяна, он и прав, и не прав. Не прав в основном, что детей обнадежили, а получилось – обманули. Но он и прав, может быть, в том, что гордый – нечего великой России принимать подачки от бывших врагов!

– Великодержавный шовинизм дороже радости детям? – возмутилась Татьяна.

– Сложный вопрос, и загнула круто – великодержавный шовинизм. Ладно, пусть будет так! А давай я соберу сам для США гуманитарную помощь и отправлю из России? И посмотрим – есть ли в Америке шовинизм?!.. – решил я спасти «международный» конфликт. – Переведи Смигу мое предложение.

Таня стала говорить мужу, начиная со второго утверждения, что губернатора можно понять... Однако Смит не дослушал, соскочил со стула, показав свой внушительный вид во всей красе, и, громыхая ботинками 45 размера, схватил шубу в руки и исчез в сенях. Жена пыталась ухватить его, но не смогла.

Виктор засмеялся, наполняя пустые стопочки:

– Пусть проветрится, там градусов под тридцать мороза, быстро прибежит. Давай, за наше безнадежное дело! – и раздался весёлый звон.

В это время жена – приветливая, гостеприимная женщина Светлана – подкладывая нам пищу в тарелку, переговаривалась с Таней, чтобы двинуться искать ее супруга. В итоге они не выдержали и пошли на поиски. А мы завершили свои дела и решили идти в

баню, которая, оказывается, была готова. Хорошо ещё, что не так много приняли, поэтому из нее вышли совершенно трезвые и молодые.

Смита нашли, вернее – сам пришел, замерз бедняга, ухо блестело от мази, сам сидел возле печки, отогревая озябшее тело.

Виктор встретил его тирадой:

– Вернулся любимый зять! Наша Сибирь тебе не Калифорния, быстро голову остудит. Хотя, если честно, жалко их. Хотели, как лучше, получилось – как всегда.

К нашему приходу Татьяна уже объяснила ему мою мысль, поэтому я поинтересовался – могу ли я свою идею высполнить в США? Смит утвердительно ответил, но добавил, что в США трудно найти большие детские учреждения, в основном они домашние.

– Давай домашним привезём! Мне все равно, но я думаю – сам факт помощи из России испугает американскую элиту, что она не позволит даже допустить такое! Но, коли ты обещаешь, то давай лапу! – и я протянул ему руку. – Если наша сделка заключена, то я прошу извинить нашего губернатора за детей, ожидавших подарки. Хотя мог бы и свои приготовить... Здесь он явно не доработал.

Потом Смит долго рассказывал, как приехал первый раз в Москву и плакал, трогая стены Кремля, видел улыбающихся людей и не видел никаких бомбоубежищ. Он, взрослый мужик, был так забит пропагандой, у него несколько дней был шок – русские оказались не монстрами, думающими только о нападении на их великую и богатую страну.

– Они такие же люди, как американцы! – сделал Смит преждевременный вывод.

Но оказалось ещё и своё – они могли отказаться от помощи!

Гуманитарную помощь всё же удалось раздать в соседней области – ничего не пропало даром. Праздник для детей удалось реализовать, хотя и не там, где планировали. Наша сделка с Виктором завершилась успешно, а Смит, написав два раза, замолчал и в итоге пропал. Так моя гуманитарная помощь не состоялась, велико-

державным шовинизмом, похоже, обе страны страдают... А я стал видеть сон, где маленькая девочка глядит на меня из окна детского дома, а на глазах ее блестят чистые слезы...

Через шесть месяцев я выполнил свой контракт по строительству первого монолитного дома в области, и губернатор решил отблагодарить за труд, пригласив меня на торжественное мероприятие, посвященное дню строителя. Мне вручили медаль «Шахтерская слава» и конверт с денежной премией. Фуршет был обильный, так что языки развязались сверх нормы. Я поинтересовался у зам. губернатора о случае в области по поводу гуманитарной помощи из Америки.

– Да, приезжали здесь американцы в детский дом «Синяя птица», явно хотели унижить нашу страну, раздавая свое барахло! Но не на тех нарвались – наш батька шуганул их так, что и след простыл. Ещё и снимали на камеру...

Через полчаса, сославшись на длинную дорогу, я вышел на улицу, попросил водителя заехать в магазин, и мы почти полчаса загружали машину коробками конфет и мягких игрушек – денежные знаки премии превратились в добро. Через час я был в поселке у друга.

– Виктор, собирайся, ты мне нужен! – Я торопился, время уже подходило к четырем часам. – Показывай – где у вас здесь «Синяя птица».

Товарищ не заставил себя ждать, и вскоре мы были в детском доме, на воротах которого висело изображение, похожее на голубя. И ещё час мы раздавали подарки, смотрели на радостные лица детей и тонкие руки, тянущиеся к нам. На душе было весело, особенно, когда Виктор читал детские стихи или просил детей спеть песенку. После этого я уже не вспоминал девочку со слезами на глазах – видение исчезло, впрочем, больше я не видел Смита, который после этого случая в Россию не приезжал...

Татьяна прилетает, но больше по бизнесу, который ведёт здесь, она запретила мне указывать в рассказе реальные действующие лица. Почему? Я не знаю, хотя рассказ писал ей на память об отце...

Красные розы

Весенний праздник 8 Марта для многих женщин – лишняя возможность окунуться в ароматы цветов и щедрость ласковых слов. Виктор тоже дарил в этот день букеты и говорил приятные слова виновницам торжества, но относился к ритуалу, как к неизбежности, как к любви по расчету. Хотя цветы он дарил разным женщинам, часто – по велению души, по дружбе, в знак уважения или вдруг вспыхнувшей искры таинственного и волшебного чувства. И за свою жизнь он подарил десятки тысяч цветов, а вот красные розы дарил лишь несколько раз...

Первые цветы Виктор принес самому любимому на свете человеку – маме. Давно, лет тридцать назад. Это были красные саранки с закрученными лепестками, те, что росли на забайкальских сопках среди запашистых трав, где особенно благоухал чабрец.

Мама – стройная, высокая, прекраснейшая из всех женщин мира, вскинула руки вверх:

– Сынок, спасибо! – и прильнула к нему губами.

Он почувствовал ее запах, соединяющий одновременно и тепло, и счастье, и любовь.

Впоследствии он одаривал ее охапками сиреневого багульника и листвянки, букетами марьяных кореньев, полевых цветов забайкальских сопки и всегда ощущал благодарность материнских рук, губ, души. Он купался в этом чувстве, как маленький ребенок – в ванне с теплой водой. В то время в их поселке в магазинах не продавались цветы, поэтому их дарил в основном летом и осенью, когда цвели сопки.

Женщину и цветы он представлял неразрывным целым, как мать и дитя. А потребность дарить цветы женщинам – даже незнакомым – появилась благодаря одному случаю. Виктору было двадцать пять лет, и он работал инженером в институте психиатрии. Главным бухгалтером там была Мария Николаевна, грузная, пожилая жен-

щина с печальными глазами. Он заходил в бухгалтерию часто – не по делам, а просто попить чай или кофе с конфетами, которые всегда были в ее кабинете. Она относилась к нему по-матерински, сразу включала чайник, они чаевничали и разговаривали обо всем. Виктор интересовался бухгалтерией. Именно от Марии Николаевны он узнал о дебете, кредите, балансе, прибыли и даже об ажуре.

И вот однажды, когда они сидели в ее кабинете, Мария Николаевна протянула ему деньги и попросила:

– Витя, завтра у меня день рождения. Купи цветы и подари их мне, когда я приглашу девчонок! Хороший букет – на все деньги. Понимаешь, мне муж ни разу не дарил цветы, и вообще никто не дарил.

Виктор отказывался, говорил, что купит сам, но Мария Николаевна, вся покрасневшись, убедила его. Он подарил два букета: один огромный – на ее деньги, второй, скромнее – на свои последние. Это были три красные розы. И с тех пор стал чаще дарить цветы женщинам. Надо отметить, что это доставляло ему огромное удовольствие – он видел, как менялись женские лица, как появлялись на них улыбки, оживали глаза...

Одним из самых памятных букетов стал букет маме на юбилей. Он рано уехал из дома, но почти каждый год возвращался в отчий дом. Так было и в тот знаменательный день, маме исполнилось шестьдесят лет. Он прилетел в областной центр, откуда до его поселка предстояло ехать еще километров 300. Заканчивался июнь, Виктор был налегке – шорты, футболка, в сумке подарки. С тех первых букетов забайкальских сопот прошло много времени, и теперь цветы продавались везде круглый год; он купил семь красных роз в аэропорту. Но, выйдя из здания, понял, что недооценил свою малую родину – лето его встретило прохладой, вернее сказать, холодом – на улице всего градусов пять. Выругавшись, он отправился за город, туда, где начиналась хорошо известная ему трасса, ведущая в родной поселок. Но здесь его ждала неудача. Попытка

поймать авто не увенчалась успехом. Редкие машины не останавливались, пошел снег. Несмотря на практически пляжный прикид, он не обращал внимания на летевшие с неба белые хлопья, в голове крутилась только одна мысль: надо во что бы то ни стало добраться до поселка, чтобы успеть на юбилей. Со временем холод стал донимать не только его тело, но и дурную голову. С сумкой и цветами, завернутыми в бумагу, он перешел на бег. Иногда останавливался, чтобы передохнуть, но больше бежал. Километров через пятнадцать Виктору повезло – остановился «Москвич-412». Из машины вышел огромный мужик и подал руку.

– Куда бежишь, мил человек? Спортсмен, вроде, но зачем сумка и пакет?

– На юбилей к маме. В Чернышевск надо, – губы у Виктора еле шевелились.

– Нет, мы в Шилку, оттуда тебе еще сотня километров. Если хочешь, до Шилки добросим.

– Спасибо! – счастье все же бывает на свете, подумалось Виктору, и он, сев в машину, прислонился к теплому бедру дочки хозяина «Москвича», занимавшей две трети заднего сидения.

– Будем знакомы, меня Геннадием зовут. Жену Феклой кличут, а дочку Машей. Машутка, ты подвинься чуточку, а то вывалится наш спортсмен! Небось, замерз?

– Немного есть, – хорохорился Виктор.

– Ничего, с Машкой вмиг отогреешься! Прижимайся к ней как следует. А приедем домой, самогончику тяпнем, и будешь живее всех живых.

Виктор посмотрел на Машутку. Нет, он видел на полотнах кустодиевских девушек, но, чтобы так, рядом, ощущать бедро и видеть толстые губы, бесцеремонно пялившиеся на него бесцветные глаза... А оплывшие руки, казалось, раздирали рукав блузки, из которой стремилась наружу мощная грудь... Этого он представить до нынешнего момента не мог. Но зато было тепло...

– Откуда едешь? – Геннадий закурил.

– Из Москвы.

– Ух ты, столичный, знамо... И как там жизнь?

– Да как и везде: работают, рожают, любят. Но рожают меньше.

– Не скажи, вы там жируете по сравнению с нами.

– Везде работать надо, просто так денег не платят. Конечно, платят больше, но и расходы больше...

– Сам-то женат?

– Нет.

– А что так, пора уже, а то – когда детей будешь делать? Как же чушка без приплода, жизнь остановится.

– Планирую. Может, на следующий год...

– Там, небось, девки избалованные – ни готовить не умеют, ни прибраться, ни обнять как следует?

– Разные есть, но с деревенскими не сравнить.

– Вот и я про это. Бери мою Машку, не пожалеешь.

Виктору чуть плохо не стало: «Пожалеть точно не пожалею, а повеситься могу», – но вслух выдал другое, боясь оказаться на улице, тем более снег уже валил вовсю, как будто на улице зима:

– На вашей дочурке жениться – мало кто пожалеет.

– Вот и я о чем. Приданое дам пару свиней, окромя денег.

– Ты что, Гена, морочишь голову человеку, – открыла рот Фекла, – нельзя так нахрапом. Посидеть надо, познакомиться, узнать...

– А я о чем! О том же! Приедем, посидим, выпьем, сватов пригласим, – шуточки обрастали реальностью.

С одной стороны – Виктору хотелось рассмеяться, представляя себя с Машкой на московском корпоративе или со свиньями в квартире, но с другой – он должен подарить цветы матери, а ради этого готов был даже поддержать беседу. Он посмотрел на часы, они показывали двенадцать дня – теоретически до пяти вечера оставалось время, если добраться до Шилки в обед.

– Куда мы со свиньями в столице, – ляпнул он, почти соглашаясь с предложением Геннадия.

– Не волнуйся, я все продумал. Продадим здесь. Если согласен, и бычка еще продадим, и сало посылать будем, верно, мать? Что молчишь?

– Я, как ты, Гена, надо, значит – надо.

– Вы как-то быстро решаете, – Виктор лихорадочно искал аргументы, – даже дочь не спрашиваете...

Но лучше бы он этого не говорил. Вдруг Виктор услышал сильный, грубый, мужицкий голос невесты. А слова ее, будто гвозди, вколачивали в доску:

– А что, я согласна. Мужик, хоть и невзрачный, худой, но лучше, чем Васька из Бянкино. От этого вкусно воняет.

«Приехал, – екнуло сердце, – ну почему именно эта, а не другая машина остановилась». Впрочем, он понимал, что счастья много не бывает, нужно дорожить тем, что есть. Короче, приехал он в Шилку почти женихом. Пир пошел на весь мир: самогон, жареная печень, котлеты, пельмени, сало с прожилками, бигус, даже сальтисон. Уже стали подтягиваться соседи, затеяли кричать «Горько!» Виктор не хотел, начал сопротивляться, но ручищи девахи сомкнулись за его спиной, тело растворилось, словно масло на горячей сковородке, а поцелуй оказался вечным, непревзойденным по страсти и накалу девичьего рвения выйти замуж...

Виктор отдышался нескоро и понял – надо бежать. Так и сбежал без вещей, только с цветами, которые лежали в сенцах. Поймал попутку и уже в половине шестого, проехав соседний с родным поселком Гаур, он понял, что успеет на юбилей. Несмотря на снег, природа вновь расцветала, слева бежала река Куэнга, заросшая с обеих сторон ивой, боярышником, дикой яблоней, черемухой и шиповником. Сопки зеленели, там набирали соки травы, некоторые из них уже цвели, а гравийная дорога уверенно указывала дорогу домой. Подъехав, Виктор попросил водителя, подвезшего его, на

обратном пути зайти к Геннадия и извиниться за бегство, а подарки из оставленной сумки подарить названной невесте и Фекле...

Дома Виктора не ждали, поэтому мама бросилась ему навстречу. Она смеялась и плакала и все повторяла:

– Ну как же, Витя, в такой одежде поехал?!

А потом он вручил розы.

– Милая мамочка, я люблю тебя очень! Будь счастлива и здорова! Цвети, как эти розы, только дольше, намного дольше!

Розы, немного уставшие от длинной дороги, стали оживать. А за столом уже пели любимую мамину песню: «Вот кто-то с горочки спустился...» Через три дня он уезжал, и розы опустили свои красные головки, слыша тихие слезы матери. Не так часто ему удавалось дарить после этого случая цветы маме, а вот другим получалось чаще...

Через месяц он был в командировке в Питере, жил у старушки, маленькой, худенькой, шустрой, с живыми глазками, в общем – божьего одуванчика. Она обитала в двухкомнатной квартире, и одну комнату сдавала ему. В более просторной стояли стол, три стула, диван, а на стене висел портрет красивой женщины. Виктор долго смотрел на портрет, и ему показалось, что женщина очень похожа на Любовь Орлову: ее фотографию он видел у своих сестер, коллекционировавших открытки актеров.

Он спросил Веру Павловну:

– Чей это портрет?

Та рассмеялась:

– Вот что делают годы! Меня, голубчик, не узнал!.. Хороша была, правда?

– Я думал, это Орлова...

– Нет, я красивее была. Поклонники засыпали меня цветами, я вышла замуж за военного, а он, бедный, погиб в 1968 году во время «пражской весны» в Чехословакии.

– Жалко... А дети есть?

– Есть, сын, но его не дождешься. Может, завтра приедет, мне семьдесят лет исполняется. А так три года не видела, только по телефону с ним говорю иногда.

Женщина замолчала. Виктор не понимал таких детей. Сам он каждую неделю писал домой по два письма. Ему стало неудобно продолжать разговор на эту тему. Но в голову пришла идея. Вечером он сел на диван, якобы посмотреть телевизор, а когда хозяйка ушла на кухню, стал листать блокнот, в котором записаны номера телефонов. Номер сына нашел сразу, напротив него большими буквами было обозначено «СЫНОК». Наутро, будучи по делам на заводе «Ломо», позвонил сыну Веры Павловны.

Ответил раздраженный голос:

– Что надо?

– Извините, я снимаю комнату у вашей мамы. Сегодня ей исполняется семьдесят лет. Я подарю ей букет цветов, а вы скажете, что это от вас, если она будет благодарить.

– А тебе зачем это? Может, в квартирку хочешь прописаться? – голос стал грубым.

– Мне ничего не надо, вы просто подтвердите, ей будет приятно.

– Да пошел ты! – в трубке запикали короткие гудки.

Сделав свои дела, он купил семь роз, красных, как маме, бутылочку вина и фруктов. Подойдя к дому, зашел на спортивную площадку, где ребяташки играли в футбол. Попросил их занести цветы Вере Павловне и сказать, что цветы от сына, а за услугу дал рубль. Через пару минут, когда ребяташки вернулись, стал подниматься на пятый этаж. Старушка открыла дверь с цветами. Лицо ее сияло так, что Виктору стало страшно – вдруг сын не подтвердит.

– Сынок прислал... Какие шикарные розы, не забыл!.. Зря я, старая, наговорила вчера.

– И я поздравляю вас с днем рождения! Сейчас и отметим это дело, – постоялец достал бутылку вина и фрукты.

– Подожди, сейчас поставлю и позвоню сыну, поблагодарить надо.

– Да сам позвонит. Давайте лучше за стол.

– Нет, я быстро. Возьми цветы, – и она исчезла в комнате.

На ее звонок никто не ответил, и на душе у Виктора отлегло. Потом они сидели и пили вино, он говорил красивые и душевные слова, а она время от времени бегала к телефону. Но вскоре стала беспокоиться, что сын не берет трубку. Стала собираться ехать к нему. И тут раздался звонок. Сын все же позвонил. Вера Павловна пришла тихая, словно испуганная.

Когда уже пили чай, она промолвила, не глядя Виктору в глаза:

– Извини, Витя, но сын против того, чтобы я квартирантов принимала. Просил меня сильно. Может, к моей подруге устроишься? А я деньги тебе верну...

Виктор согласился, не стал он говорить правду. Праздник закончился, и он перекочевал к другой старушке. Но не закончилась эта история. Чувство беспокойства не покидало его – даже усилилось со временем, он не выдержал и позвонил Вере Павловне.

Ему ответил знакомый грубый голос ее сына:

– Кого надо?

– Веру Павловну.

– Она здесь не живет, – на том конце бросили трубку.

Вечером он попросил друга позвонить еще раз, якобы от имени судебного пристава – дескать, долг за ней. Так он узнал адрес коммуналки, где теперь жила Вера Павловна. Приехал к ней через два дня. Обшарпанная комната на Литейном с общими коридором, туалетом и кухней не придавала встрече радости. Они обнялись, она беззвучно заплакала, маленькое тельце вздрагивало. Он осторожно отодвинул ее и хотел рассказать о своих цветах, но Вера Павловна перебила:

– Прости меня, сын сказал мне тогда о цветах, и еще – если я не выгоню тебя, то он не будет считать меня матерью... Это же мой сын, моя боль, мой грех...

Он возвращался по Литейному проспекту, вокруг сновали люди, машины, автобусы, все спешили, а у него ноги волочились,

словно на них висели гири. Он не замечал броских вывесок магазинов и фирм, только один раз остановился напротив киоска «Цветы», долго смотрел на красные розы, а потом купил семь роз и вернулся в коммуналку... Они сидели за столом, пили чай, и она снова плакала, а он успокаивал ее, как мог.

А на следующий год ушли в иной мир вместе мама и Вера Павловна. Ушли, не увидев больше его цветов...

Целый год он никому не покупал цветы, словно боялся их. Как огня в лиственничном лесу. Часто подходил к киоскам с цветами, смотрел на красные розы, и слезы наполняли глаза... Через год Виктор женился. Молодые любили друг друга, и он каждый день дарил жене цветы. Тонкие лилии, белые розы, скромные гвоздики, шикарные орхидеи, пушистые астры. Они благоухали, были прекрасны и свежи, но красных роз среди них не было никогда.

Однажды она не получила нового цветка и с грустной улыбкой поблагодарила за вчерашний, а как-то при гостях обронила фразу:

– Вчера мне муж подарил орхидею.

Хотя он тогда купил ей голландскую розу. На следующий день он опять забыл купить цветы. И постепенно стал приносить домой их реже и реже, так постепенно цветы исчезли из дома.

Но она заметила это не сразу, через какое-то время игриво спросив мужа:

– Дорогой, ты меня разлюбил?

– Нет, что ты, милая, – поспешил ответить он и отправился в цветочный киоск.

Увидев его, девушка обрадовалась:

– А я думала, вы заболели!

– Нет, все хорошо, – меланхолично пробормотал он и купил букет роз.

На следующий день он обнаружил, что цветы быстро увяли. Он смотрел на них и не мог понять – почему?..

Подошла жена и, обняв, прошептала в ухо:

– Я еще любима тобой, дорогой.

Он смотрел на цветы и молчал, чувствуя холодноватые руки жены. Потом отстранился, внимательно посмотрел на расплывшуюся жену в шелковом китайском халате и вздохнул. Через пару минут вышел на улицу, зашагал по аллее между рядами пушистых елей, бросил взгляд на свой дом со шпилем и башенкой, внимательно разглядывал сидящих на лавочках молодых людей, наткнулся на цветочный киоск, в котором купил три красные розы, и медленно направился домой. Внезапно он остановился, увидев одинокую девушку, внимание которой было поглощено смартфоном. Подойдя к ней, протянул цветы.

– Дарю.

– Мне? За что?

– Просто захотелось. Берите, – и положил красные розы на скамейку.

Отойдя на пару шагов, он услышал звонкий голос девушки:

– Мама, мне какой-то мужчина красивые розы подарил!

Но он, не оглядываясь, быстро направился к дому. Открыв дверь, с порога бросил супруге:

– Марина, я срочно улетаю в командировку. С работы позвонили.

– Какая работа? Мы же завтра идем на юбилей?!

– Сходишь одна. Мне пора собираться, говорю тебе – срочное дело.

Через три часа он уже сидел в самолете и летел в Читу. По прилете в аэропорту купил семь красных роз, взял такси и поехал на кладбище, по дороге наломав уже распустившихся веток багульника... Было два часа дня, май, солнце. На этот раз Забайкалье его встречало хорошей погодой. На деревьях распускались молодые листочки, окрестности переполнял гомон птиц, а воздух пьянил. Памятник матери он нашел сразу, его белый мрамор выделялся на фоне других. Положив розы и багульник на столик рядом, погла-

дил фотографию мамы, долго всматривался в ее смеющееся, такое родное лицо.

– Прости, мама, давно не был. Не плачь только, прости, – тихо произнес, помолчал и продолжил: – Я вот твой любимый багульник принес и красные розы... Такие же, как были у тебя на юбилее... У меня все хорошо, ты не волнуйся.

Он опустился коленями на мраморную плитку и стал раскладывать свои букеты.

– Сейчас будет порядок, чистота, так, как ты любила, мамочка, – прошептал тихо.

Внезапно почувствовал нежное прикосновение к голове, поднял руку вверх и поймал ветку еще молодой листвянки, которая склонилась над памятником. Он поднялся, непрерывно глядя на фотографию, и машинально погладил рукой мягкие, нежные, зеленые иголочки лесной красавицы, наклонившейся к нему.

Спасительница

*Посвящается простой сибирской женщине,
отдавшей все самое дорогое каждому из нас*

Баба Клава заболела, вдруг пропали силы, хворь свалила ее с ног. Она лежала на большой железной кровати на перине под отсыревшим пуховым одеялом, но тело била неприятная дрожь. Она болела уже второй день.

«Что удивительного, – рассуждала она, – откуда быть силам, у меня постоянное недоедание. В этом году картошка не уродилась, посадила ростки, практически очистки, да ещё жара стояла без дождей, вот и не уродился второй хлеб. А на супе из сушеной крапивы с одной картофелиной далеко не уедешь, а здесь ещё трагедия – карточки на хлеб куда-то так запрятала, что найти не могу, да и сил нет никаких искать. Найдутся. Подумать не на кого, Соседи хорошие». Невесёлые мысли двигались тяжело, медленно в голове, но постоянно всплывали лица мужа и сына – то одно, то второе, то вместе, но всегда в военной форме... Внезапно она вспомнила про Ваську, кота, который где-то гулял на улице. Она медленно стала выбираться из-под тяжёлого одеяла. «Вот, старая карга, – кряхтя и ругая себя, она открыла дверь и прохрипела: – Вася! Иди, мой хороший котик!»

Непонятно – услышал ли голос хозяйки или увидел ее, но кот появился сразу из открытой двери сарая, неся в зубах крысу. Медленно прошагал мимо бабушки в дом и положил добычу на полковик, лежащий у порога.

Это был сибирский кот – пушистый, тигрового окраса, с прищуренными глазками и добродушной широкой мордой. Он присел и глянул в лицо хозяйки. Та склонилась к нему и погладила его мягкую шёрстку. Кот закрыл глаза от удовольствия, а бабушка уже пошла, чтобы выбросить крысу в яму в огороде. Вернувшись до-

мой, хозяйка потихоньку забралась на кровать. Васька одним прыжком запрыгнул на перину и прилег рядом.

Клавдия Алексеевна работала в библиотеке и брала Ваську с собой, а тот наводил шорох на крыс, то и дело появляющихся в архиве, который находился в полуподвальном помещении. Часто они грызли книги и портили твердые переплётыв. После посещения Васькой библиотеки они исчезали надолго, так как на своей шкуре испытывали удушающие объятия крысолова и острые, как ножи, клыки. Надо сказать, что кота Ваську уважали не только местные сородичи, но и собаки. Соседская овчарка отходила от пищи, когда кот медленно подходил к миске. Он шел важно, как боярин в хорошей шубе, и вел себя как хозяин.

Когда овчарка появилась у соседей, то в первый день она бросилась на кота, встретив его на своей дороге, но была атакована мощными лапами. В итоге её глаз долго не открывался и сильно болел нос. Больше овчарка не хотела связываться с местным авторитетом.

На перине, рядом с хозяйкой, Васька был тихим и пушистым, он закрыл глаза и сладко спал, когда в дом вошла заведующая библиотекой Мария Петровна.

– Как вы ладненько устроились, – с порога заулыбалась она, созерцая картину умиротворения. – Как самочувствие? Вот принесла тебе картошку и немного хлеба, поешь, тебе силы нужны.

– Зачем, Маша? У тебя маленькие дети, не надо бы.

– Ешь-ешь, мы все-таки оба работаем, мой муж, хоть и после контузии, но устроился на работу. От сына нет известий? – тихо спросила она.

– Нет, – слезы сами покатались по щекам бабы Клавы.

– Живой значит, скоро и война закончится, дай-то бог! А я к тебе по делу. Но даже не знаю, как и сказать. Васька нужен в Ленинград, письмо пришло – просят котов прислать. Там за время блокады всех съели, а теперь крысы развелись так, что не только книги редкие уничтожают, но и картины в Эрмитаже и других музеях.

– Ты что – отдать живое существо?! – баба Клава опустила руку на пушистую шерсть кота, а тот поднял голову и свои маленькие треугольные уши, а открывшиеся глаза будто заблестели, как у бабы Клавы, слезами.

– Нет, проси что хочешь, но Ваську отдать? Нет, не могу! Одна живая душа в доме.

– Да, я понимаю. Я бы своего бестолкового не отдала, а твоего красавца ещё жальче. Но коты-крысоловы, ой, как там нужны. Государственное дело все же. Извини, что я сказала о твоём питомце.

– А вернут хотя бы назад? – Клавдия дала слабину.

– Наверное, вернут, но точно никто не скажет. Говорили, что их кормить хорошо будут в дороге, клетки хорошие из досок сделают.

Мария хотела погладить кота, но он лапой отстранился от ее руки. Встал и спрыгнул с кровати, медленно двинулся из комнаты. В дверном проёме оглянулся и посмотрел на женщин укоризненным взглядом.

– Клава, милая, мы мужиков отправляли на фронт со слезами, но отправляли. Пусть и Васька послужит Ленинграду. Люди во время блокады замерзали, умирали, но сохранили книги, картины, а теперь это все может погибнуть.

Все-таки согласилась баба Клава, но всю ночь проплакала. Впервые во сне разговаривала не с сыном, а с котом, просила прощения.

Наутро приехали два дядьки на подводе, на которой стояли наспех сколоченные ящики с дверками из обрезков досок, в которых беговались коты, они ходили взад и вперёд, высовывали лапы за решетки – просились на волю. Зашли в дом. Один из них увидел кота и схватил за лапу, но кот перевернулся на спину и зубами укусил так, что кровь брызнула из его руки. Мужчина отпрянул, выпустил ногу, ахнул, а кот бросился на улицу.

– Вы что же так с ним плохо обращаетесь?! – грозно закричала баба Клава и стала слазить с постели.

С большим трудом ей удалось взять Ваську на руки. Бабушка поцеловала кота в лоб и протянула его мужику. Потом перекрестила его три раза и зарыдала, а кот вдруг съежился и притих. Лишь

когда захлопнулись дверцы клетки, он заплакал и смотрел на хозяйку печально и отрешённо. Он не понимал – чем провинился перед бабушкой. Он вспоминал, как два года назад та болела, а он начал носить ей крыс и клал их на грудь, желая подкормить Клаву, как он ложился с ней рядом, согревая своим теплом. Он не понимал – отчего его лишают дома, которому он служил верой и правдой, но подвода увозила котов все дальше и дальше от родины. Потом клетки с котами грузили в товарняк, где стояла буржуйка, и главной хозяйкой здесь была женщина в тулупе, валенках и шали вместо головного убора. Ваське повезло – его клетка оказалась возле буржуйки.

С левой стороны его соседом был рыжий кот, который всю длинную дорогу спал. А с правой ехала симпатичная молодая кошка, с серой шерстью на спине и белой – на животе. Она почти не спала, сновала по клетке, видимо, ее тоже волновали разные мысли. Кот Васька сутки не спал, пытаясь понять бабу Клаву, но не найдя ответа, уснул. На четвертый день поезд прибыл в Ленинград.

Котов напоили теплой водой с сухим молоком, что было удивительно. Васька ел плохо в дороге, скучал по дому, но здесь молоко выпил с удовольствием. Их первыми из вагона повезли на полуторке. Привезли в огромный прекрасный дворец, побитый во многих местах немецкими бомбами. Клетки стали заносить в какое-то полуподвальное помещение. Коты тревожно задвигались, они почувяли запах грызунов – он был такой сильный, что им хотелось на воздух. Вдруг в их помещение ворвалась стая крыс, их было так много, что, казалось, на котов двигалась одна огромная серая шкура.

– Открывай клетки! – закричал военный и дал автоматную очередь по скоплению крыс.

Но те не убежали, просто рассыпались точно на большие ручейки. Голод не тётка. Ишь как расплодились.

Первую клетку открыли с рыжим котом. Но тот даже не успел выскочить. Три крысы бросились на него и загрызли прямо в клетке. Страшный визг огласил помещение.

Васька с соседкой успели выскочить из клеток. Васька сразу схватил большую крысу за горло и стал душить. Та визжала и извивалась, а две другие крысы вцепились в его лапы. Отпустив уже полумертвую крысу, он резко схватил своей пастью вторую и рванул ее с такой силой, что та улетела в толпу своих сородичей. Затем придушил третью, которая поранила его лапу. Здесь он увидел, что на спине его кошечки-соседки висят две крысы, зубами вцепившись в нежную шкурку. Васька лапой сбил одну, а второй впился зубами в голову. Кошка успела только благодарно глянуть на него, как на них снова напали по три крысы. Расправившись со своими крысами, Васька опять помог кошке отбиться от нападавших и осмотрелся вокруг. Он увидел растерзанное тело рыжего кота, но не успел испугаться, так как кто-то больно схватил его за ухо, часть кончика которого повисла на волоске. Борьба продолжалась, и неизвестно, как бы она закончилась, если бы не привезли ещё две подводы котов. К вечеру установилась тишина, крысы отступили. Весь пол во дворце застилала дохлая крысы с откушенными головами. Валялись и раненые грызуны, кое-кто из них ещё полз, но их добивали коты. Пол, стены были залиты кровью. Стояло жуткое зловоние. Охранники Эрмитажа и женщины собирали трупы грызунов по всему залу. Но много было жертв и среди котов-охотников. Около тридцати сибирских крысоловов стали жертвами крыс, и сорок котов получили травмы. Ваське пришили ухо, а его подружке перевязали даже живот. Вечером всем давали молоко, есть же никому не хотелось. Васька прилёт рядом с кошкой, им страшно хотелось спать, они прижались друг к другу и уснули, вымазанные в крысиной крови.

Проснувшись, крысоловы принялись умываться, но толком не успели. Они слышали мелкую дробь бегущих крысиных лап. На этот раз грызунов было существенно меньше. Впереди шли две огромные крысы величиной с небольшую кошку. Васька сразу бросился на главарей. Но сейчас он действовал умнее – прокусил горло одной и, не дожимая ее до конвульсий, сразу придушил зубами

другую, придавив ее лапами. Остальные коты бросились на стаю и быстро ее разбили на мелкие группы, часть крыс ликвидировали, а часть крыс ретировалась. Потом коты и кошки долго отмывались от ужасно неприятной, красной, липкой, солёной жидкости, превратившейся в корку. К восьми часам вечера появились люди, они занялись уборкой помещения. А кошка подошла к Ваське и лизнула его в мордочку. И здесь Василию пришла мысль, что бабушка отдала его не потому, что он плохой, видимо, она подумала, что здесь можно вдоволь поохотиться и найти свою судьбу. Стало хорошо и легко на кошачьем сердце. Но бабу Клаву он ещё долго вспоминал. Как она там без него?

Много подвигов совершит ещё Василий, став самым полезным котом не только в битвах с крысиной напастью города Ленинграда. Он станет родоначальником знатного кошачьего рода, приносящего исключительное потомство. Трое из его потомков в седьмом поколении занимают настоящие паспорта работников Эрмитажа, а все живописные картины, которые находятся там по сей день, знают, кому они обязаны своим спасением.

А где-то в сибирском городке умерла бабушка, так и не дождавшись ни своего сына, ни кота Ваську. Дом по улице Карла Маркса 13 снесли, и на его месте построили многоэтажку. О любящей его, доброй и тёплой бабе Клаве вспоминал Васька почитай всю свою недолгую кошачью жизнь. Это был героический кот с незаурядной судьбой, который оставил хорошее потомство. Котам-героям благодарные люди поставили памятники, а вот могила бабы Клавы исчезла после строительства завода по производству стиральных машин. Потом и сам завод сгинул в Перестройку.

А дворец Эрмитажа распахивает свои двери для почитателей искусства, вызывая в них прекрасные и удивительные чувства...

Виорика Пуриче

***

Я забуду тебя, я забуду.
Тусклой осенью, в месяц последний,
Сдав на лом ржавых листьев посуду,
Спрячет осень записки в передник.
На тумане – влюбленность мираж ведь –
На падучих, как астры, созвездьях,
На ненастье под тучной поклажей
Ты писал. Только я не в ответе.
Вышибал журавлиный клин клинья –
Навострённые – взять и уехать,
Всё забыть – что быть может наивней,
Если клинопись веток, как веха?
Достучаться дождём до пространства,
Что похоже на вакуум, только
У него карий взгляд твой и часто
Мы одним пронцаемы током.
Клинописные линии судеб
Разбежались по разным сторонкам.
Разве их, тонкоствольных, забудем?
Разве дланям под силу их скомкать?

***

Ходили раньше в городе трамваи,
По мостовым чечётку отбивали.
Их город не расслышать мог едва ли,
В граните рельсы виделись, как сваи –
Чтоб горизонт не суживался. Купол
Церквушки – на плаву небес держался.
Обжил алыт колокольни звонкий рупор,
На флейтах рельс дудел трамвай контрастом,
Но час пробил, и вымерли трамваи,
Всё меньше очевидцев тех мелодий.
Останки свай в асфальте узнавали:
– Не уж-то тень трамвайная здесь ходит?
Ворваться в старый город мне охота –
По городу зелёный веет шелест.
Там бабушка моя, совсем как с фото.
Но колокол с верёвкой на шее.

***

Сморгни, Всевидящее око,
Окно, в проёме декабря.
В дожде утопшую дорогу,
Похожую на взвесь коряг.
Окно, что вставила вчера лишь,
Закапал из пипеток дождь.
Ты в поле зрения едва ли
На белом фоне попадёшь.
Но поле зренья, в небо тычась,
За око оку не грозит,
Оно выносит за кавычки
По месиву – дождя визит.
Из глины вновь воссоздавая,
Всё, чем кажусь другим извне,
Души не тронь, она живая,
Хоть и невидима в окне.

***

Над моими корнями креста и холма нет,
Только ливень всплакнёт мимоходом – и в путь. – Ишь,
Веху кроет бурьян, – изгаляется верфь вен, –
Бередишь «шито-крыто». По что бередишь тишь?
– Кто кого породил, знать к чему? Открестись, ведь
Порождает зло тот, кто пожрёт его в свой черёд.
Опыт выполз из моря, как мокрый на свет зверь,
Хочет места под солнцем, не яму, он что – крот?
Родом я не из строя – дочь верфи, тяну впрок,
Я её тереблю – колокольный в ответ стон.
Я – бурлак, подвязавшая к прошлому верфь строк,
Или висельник – ведь у корней меня ждёт бронь.
А вокруг синева, будто вылакал зверь хлябь,
И такое сияние держит луны гвоздь,
Будто шляпка луны – головной убор всех ям,
Или дум налегке, тех, что с ними живут врозь.

***

– Ты сама украсишь жизнь, словно ёлку.
– Словно ёлку? Но она – в ползарплаты!
Поживёт недели две и что толку?
Вплоть до урны доволочь ель за патлы
Предстоит. А для шаров – есть ячейки.
Не высывайтесь впредь – не побьётесь.
Словно мыльных пузырьков вышла челядь.
Ель лучистая – сама им как солнце,
Как иголка в стоге дня, шьёт безбрежность.
Украшать её к чему чем попало?
Может, шар планетой был чьей-то прежде,
А того, чьим раньше был, вдруг не стало?
Оттиск радости и слёз брезжит с ветки,
Я в «планете» отражусь, мол, близняшки.
Пусть, разинув рты внизу, ждут ячейки,
Но покуда держит ель души наши.

***

Метель над і расставит точки,
Над пунктом Аз и пунктом Были
Едины. Наледь оторочит
Стволов, стеблей хрустальных жилы,
Но что им точки? Башню сносит,
Ошибся номером, случайно,
Птах прозвонил. На склоне осень,
А с клумбы пахнет розой чайной.
Ещё не сорванной тобою,
Не дареной. Дождусь ли, скоро?
Похолодание – к отбою
Всего, что отзвонило в шорох.
А птах, воробышек, быть может
Сам, как над і слепая почка.
Ему что след, что корм подножный,
Он не потерпит проволочку –
Склюёт он точки, точно просо,
И день проклюнется из хмари.
Когда б набрал ты номер просто,
Мой голос в памяти нашарив.

Ольга Хеннинг

Слово к потомкам

Любой конец – это начало нового этапа.

А будущее – это открытые горизонты.

Автор

Дорогие потомки,

Пишу это послание, осознавая, что время разделяет нас больше, чем любые границы. Ваше «сегодня» – это наше «будущее». Наши голоса из прошлого могут стать отголосками ушедших эпох. Пусть эти строки напомнят вам, что мы были, думали, творили, сражались и боролись за жизнь.

Мое послание – это не попытка дать ответы, а желание передать пульс эпохи, в которой я жила. Пусть оно станет для вас не хрупкой артефактной находкой, а мостиком к размышлениям.

Раньше мир казался мне местом, где границы между реальным и цифровым, между человеком и машиной – были четкими и определенными. Но по мере того, как я углублялась в тему, становилось все яснее, что эти границы размываются. Искусственный интеллект, еще недавно считавшийся плодом научной фантазии, теперь стал неотъемлемой частью нашей жизни, меняя то, как мы живем, работаем, учимся и взаимодействуем друг с другом.

Я задаю себе вопрос: что значит быть человеком в мире, где технологии играют такую важную роль? Этот вопрос остается открытым, и, возможно, он никогда не получит окончательного ответа. ИИ, как зеркало, в котором мы видим наше отражение, заставляет нас пересматривать не только отношение к технологиям, но и понимание самих себя.

Одним из главных уроков, которые я извлекла, является осознание того, что технологии – это не просто инструменты, созданные для облегчения жизни. Они – отражение наших ценностей, наших страхов и амбиций. Технологии могут открыть перед нами новые

горизонты, помочь решить сложнейшие задачи и даже преодолеть ограничения человеческого разума. Но в то же время они ставят перед нами вызовы, которые мы не можем игнорировать.

Как мы будем использовать новые технологии? Позволим ли им управлять нами, или сможем направить их на благо общества? ИИ может стать нашим лучшим другом, но может стать и врагом, если мы утратим контроль над ним. Ответ на этот вопрос зависит от нас самих, от наших решений и поступков.

Философия всегда была способом понять смысл жизни, ответить на вечные вопросы о добре и зле, свободе и ответственности. В эпоху ИИ эти вопросы не только не утратили своей актуальности, но и стали ещё более острыми. Мы должны думать о будущем, о том, каким мир станет для наших детей и внуков. И этот мир будет тем, каким мы его создадим.

Возможно, главный вызов, который стоит перед моими современниками, заключается в том, чтобы мы не утратили свою человечность. В мире, где машины становятся все умнее, наша задача – стать более мудрыми. Мы должны научиться использовать технологии так, чтобы они усиливали нашу свободу, а не ограничивали ее; помогали понимать мир, а не уводили от реальности; способствовали развитию, а не уничтожению.

Мы стоим на пороге новой эры, и каким будет этот новый мир – зависит от нас. Возможно, это будет мир, где человек и машина смогут существовать в гармонии, помогая друг другу расти и развиваться. Но для этого мы должны быть готовы не только использовать технологии, но и осмысливать их влияние на нашу жизнь.

Итак, будущее остается неопределенным, и это хорошо. Неопределенность дает нам свободу выбора, возможность ошибаться и учиться на своих ошибках, как это делает ИИ. Но самое главное, она дает нам шанс оставаться людьми даже в мире, который становится все более технологичным. И в этом, пожалуй, заключается самый важный урок, который я извлекла. Мои размышления продолжаются.

Возможно, это и есть самая суть человеческого существования – бесконечный поиск смысла. И пусть этот поиск никогда не закончится.

Учась балансировать между стремлением к прогрессу и уважением к природе, мы поняли, что планета – не просто дом, а живое тело. Если вы все еще пьете чистую воду и дышите свежим воздухом, значит, наши усилия были не напрасны. Если же нет, простите нас за человеческие слабости, из-за которых мы оставили вам обремененное наследие.

Главное, что я хочу передать вам, – это вера в человека и его божественное начало. Мы не идеальны, но именно в нашей уязвимости и скрыта сила. Мир никогда не был простым, но мы любили, творили и находили смыслы даже в самые темные времена. Пусть и для вас это станет ориентиром.

Возможно, вы удивитесь, но в нашем быстро меняющемся мире остаются неизменными простые вещи: доброта, сострадание, любовь, вера, улыбка, рука друга, протянутая в трудную минуту. У вас есть все, чтобы продолжать строить мир, основанный на этих вечных ценностях. Обращайте на это внимание, даже если технологии и знания уводят вас далеко от самой природы человека. Помните, что прогресс без человечности становится пустой оболочкой.

Если у вас есть выбор – быть сильнее или добрее, выбирайте второе. Мы предоставляем вам наш мир – несовершенный, но полный возможностей. Берегите его, как вы бережете свои мечты. В наших ошибках – уроки, в наших надеждах – потенциал, в наших ограничениях – сила двигаться вперед.

Завершаю это послание с верой в вас, тех, кто придет после нас. Пусть ваше время будет лучше, чем наше. Пусть ваши достижения вдохновят тех, кто придет за вами. Живите, творите, верьте. И знайте: в каждом из вас есть частичка нас.

С уважением и любовью,
Ольга Хеннинг

Куриный бульон. Осколки

Марк, казалось, вначале смутился, узнав, что его рыжие, точнее – огненно-красные волосы могут кого-то так очаровать. Его овальные, как маслины, и синие, как море, глаза с любопытством смотрели на меня.

– Так что это было? У тебя такой фетиш? Почему тебе нравятся рыжеволосые? – с недоумением спросил Марк.

– Фетиш? Ну что ты! Просто воспоминания. Был такой рыжий дядя в детстве. Он носил меня на киркосах* в детский сад. Каждое утро. Дядя Сеня – единственный рыжий на весь поселок.

– Скажи еще что-нибудь на русском, пожалуйста! Я слушаю тебя как музыку. Это восхитительно красиво...

Следующие минут десять Марк переспрашивал:

– А ты точно украинка? Не русская?

– Я была только советской и украинской. Если не по крови. Или тебя интересует генетика? – Сказав это, я мысленно подумала: «На чьей он стороне?»

– Я так рад, что ты украинка, а не русская. Иначе я должен был бы прекратить общение с тобой. Понимаешь? Я же на службе.

Все выходные мы провели в чате, с любопытством изучая друг друга. Оказалось, что сразу после рождения Марка биологическая мать от него отказалась. И он до сих пор не знает, кто она.

– Возможно, она была полькой... Но это длинная история. Я хочу поделиться с тобой, но в другой раз.

«А ведь ему нравится все русское, восточное: и язык, и люди... Или его мать русская? Ему повезло со мной. У меня политически корректный статус. – В этот самый момент я вспомнила, что Марк

.....
* Киркосы (верхняя часть спины, плечи, закорки) – слово употребляют в Одесской области, части Молдавии и в некоторых селах западной Украины.

не читает книги, только новости. – Очень хорошо. Ему не нужно будет отвечать за все, о чем я написала или напишу». Своими мыслями я поделилась с Марком, и мы смеялись. Породненные души, в теплый декабрьский адвент* на Северном Рейне, в Вестфалии.

Мобильный принял сообщение: «Доброе утро!» Шесть часов. Можно и до восьми поспать. Но что-то мне подсказывает: теперь каждый день будет открываться этим ритуалом.

Я не могу перестать думать о Марке. Мой понедельник проходит в мыслях о нем.

Дядя Сеня

Дядя Сеня тоже заполняет день. Двухметровый, в грубых, размера сорок пятого, кирзовых сапогах. «Рыжий. Нос довгый**. Такой поганый. И бровы рыжи. Немец. На той молдаванке женился», – шептались о нем.

После войны в этом селе был только один немец – дядя Сеня.

– Депортированные в Казахстан немцы, которые жили здесь до 1944 года, не возвращались. Они уже успели обзавестись хозяйством на новом месте. А скотину-то так не оставишь, чтобы сорваться, – бормотала Мария, которая знала всех односельчан довоенного времени. – Дома их добротные. А вот мастера по дереву на все село теперь не найдешь.

Говорят, пока человека помнят, он жив. Готова с этим согласиться. Вот и жена дяди Сени появилась на пороге дома. Низкого роста, с черными густыми волосами, выбивающимися из-под ко-

.....
* Адвент – (от лат. adventus – «пришествие») – название предрождественского периода, принятое в среде христиан католической церкви и некоторых протестантских деноминаций (например, у лютеран), аналогичное периоду Рождественского поста на Востоке.

** Довгый – длинный, перевод с украинского.

сынки. Смуглое лицо и руки. Она была родом из соседнего молдавского села, того, что хорошо просматривалось за лиманом.

– Бунэ зиуа!* Проходьтэ, Маруся! Заходьтэ у хату. – Виорика приветливо улыбнулась и протянула руку в сторону веранды.

Оставив обувь у входа и взяв бабушку за руку, я с любопытством рассматривала все вокруг. Полосатая цветная рядюшка** вела прямо в гостиную, где мы уже ступали по картине, сложенной из нескольких ковров в одно целое. Необычные оттенки розового, бордового, серого, голубого, оливкового, синего, желтого, кремового и их оттенков – все это было вплетено в ковровые полосы. «Как много здесь всего! – подумала я, пытаясь определить рисунок. – И простые черточки, и какие-то цветы, и веточки. Наверное, каждая рядюшка была соткана разными женщинами, а тетя Виорика сшила их в один большой ковер». – Я не могла отвести любопытного взгляда от этой пестроты.

– Сидайте***. Компот? З груш, винограда и яблук. – Не дожидаясь ответа, она поставила на стол стеклянный кувшин с компотом и целыми фруктами. И граненые стаканы.

Стол находился у окна, из которого виднелись часть сада и огорода. Ветки калины касались рамы. Сразу от подоконника стены были обтянуты одной длинной ковровой дорожкой метровой ширины, и так по всей гостиной. На черном фоне – яркие розовые и красные розы и зеленые листья. Даже лавка, на которой мы сидели, была выстлана ковровой рядюшкой. Я представила, как дядя Сеня приходит с работы, а его встречает тетя Виорика. За этим столом они проводят вечера и о чем-то беседуют. Такие разные и такие красивые!

.....
* Бунэ зиуа – перевод с молдавского языка «Добрый день».

** Рядюшка – половик.

*** Сидайте – садитесь, перевод с украинского.

– О, Рика, у нас гости! – Было слышно, как дядя Сеня, сняв сапоги, ставит их где-то в стороне от входа.

– Та яки гости? Тож Маруся з внучкою пришла. Цэ ж як родына, Семен. – Виорика поспешила к кирпичной плите. – Я борщу наварыла.

– Вместе поужинаем. Маруся хвалит твою стряпню. Говорит, что такого буряка* ни у кого нет, – заходя в гостиную, улыбнулся дядя Сеня.

На столе лежали яблоки.

Яблоки

– Клавка! Бегом, кажи нашим, шо доктор Филатов приехал. Он в яблочных садах! Бегом! – Вера отправила дочь в совхоз, а сама, аккуратно поправив косынку, ладонями пригладила платьё и быстрым шагом направилась в сторону сада.

– Владимир Петрович, яблоко червивое! Берите это, оно хорошее. – Верка протянула красное яблоко доктору.

– Не те черввы, шо мы едим, а те, шо нас едят, – вот что тогда услышали от замечательного ученого.

Жители села вспоминали эту встречу еще многие годы.

В апреле 1944 года, после освобождения Одессы, из села бежали не только немецкие солдаты, но и те, кто боялся наказания за сотрудничество с врагом. Село затихло.

Но недолго пустовали «немецкие» дома. Филатов, светило офтальмологии, получил разрешение на то, чтобы воплотить в этом месте свои идеи. И потому он начал... нет, не с тех, у кого были проблемы с глазами. Он создал в то время единственный на Украине лепрозорий. В соседнем селе. А в добротные дома, оставленные переехавшими немцами, заселил вылечившихся от проказы.

.....
* Буряк – свекла.

– Какой человек! Простых людей не чурался. Институт глазных болезней открыл в Одессе... Истинно народный доктор! – Мария с удовольствием вспоминала те моменты, когда мировая знаменитость представляла перед сельчанами на равных.

В Одессе помнят знаменитую фразу: «Каждый человек должен видеть солнце!»

***

Пройдя вдоль нескольких дворов с настезь открытыми деревянными воротами, дядя Сеня, несший меня на киркосах, повернул и пошел вверх от лимана. Я слышу голоса из детства. «Раньше сюда заезжали на лошадях с подводами», – с сожалением сетовала Мария.

– А як наши з румынами тикалы?! И корив побросалы, и свинив. А Цыхонина дочка! Та вона ж фрыщем аж у Кельн утикла. – Виорика покачивала головой. – Бида для батькив.

– Ой, двадцать лет не было от нее ни слуху ни духу. Все молчат. Отец, мать. Бабка до сих пор ждет письма. Почтальона вечно выглядывает в окне. Потом уходит в зал, Шуберта своего играет. Я слышу, когда обед готовлю. А она шепчет-шепчет под музыку. Не мудрено, ведь шепчет-то на немецком! – Мария задумчиво опустила глаза. Она вспоминала Алекса, своего мужа. Его забрали органы безопасности только в 1956 году.

Солнце. Баден

1962 год. Лето в самом разгаре. Я приехала к дяде на каникулы. Для меня и сегодня это место, притаившееся у лимана, вдали от городской суеты, остается загадочной деревушкой, обитатели которой ревностно скрывают свои тайны. И все же здесь жизнь течет по-своему – спокойно и размеренно.

В детстве я любила пляж у лимана и убегала туда каждое утро после завтрака, оставляя позади белые стены дядино дома. Песок под ногами был теплым и мягким, как верблюжье одеяло. Лиман блестел на солнце огромным зеркалом, в котором отражалось все небо – от края до края. По другую сторону простирались молдавские села. «Это так близко. Почему же никто не плывет сюда к нам на лодках?» – думала я и так же, как и сегодня, не знала ответа.

Только здесь росли абрикосовые деревья на пляже! Их ветви, густо увешанные сладкими плодами, тянулись к земле, приглашая полакомиться. Я выбирала самый спелый абрикос, а затем, сидя на песке, ела его, пока сок не начинал стекать по пальцам. Эти плоды были словно кусочки солнца – теплые, сочные, они растекались во рту оранжево-солнечным вкусом лета. Пляж стал моим королевством, а лиман – моим океаном. Я лежала на берегу, закрыв глаза, и слушала шум ветра в листьях, стрекот кузнечиков, дальний гул пчел, обживавших кроны.

А там, в стороне, где отсутствовали песок и деревья, не доходя до зарослей камышей, лиман образовывал болото. И жизнь здесь кипела. Лягушки прыгали по влажному берегу, ловили насекомых. Ночью их громкое кваканье раздавалось эхом по селу. Над водой кружили стрекозы с прозрачными, переливающимися на солнце крылышками. Я часто следила за их полетом и забывала обо всем на свете.

– Ты пропустила обед! – ворчала, как всегда, моя тетя. – Опять своими лягушками любовалась?! И шо ты в них нашла?

После ужина, когда жара спадала, мы сидели на крыльце дядино дома, и он рассказывал истории о своей молодости, о войне, которая изменила его жизнь, и о том, как вернулся сюда, чтобы снова найти покой в этих местах. Он многое не договаривал, и тайны, которыми делился, мне были не совсем понятны. О Власове, о госпитале в Севастополе, о том, почему кожа на его руках со времен войны всегда покрыта красной корочкой. И даже о более романтических вещах. Однажды я вызвала его на такой разговор.

– А давай о любви? Расскажи, как ты познакомился с моей тетей, как вы начали встречаться? – Заметив, что дядя не собирается мне ничего рассказывать, я предложила ему обмен: – А я тебе о своей расскажу.

– Ух ты, это интересно.

Качели

– Да кого же ты тут знаешь? Семена? – осторожно спросил меня мой дядя.

Я сначала задумалась.

– Получается, их у меня двое. Дядя Сеня и Вася.

– Оба рыжие?

– Нет. Второй – это мальчик, он блондин. А каким был дядя Сеня в детстве?

– Семен? Очень приметным парнем... – начал рассказ дядя.

А я уже представляла этого высокого мальчишку, который выглядел старше своих лет. В селе его нередко называли «великаном». Рыжие волосы пылали под солнцем и неукротимыми вихрами выбивались из-под кепки, которую он носил всегда набок, чтобы выглядеть дерзко и независимо. Узкое лицо с не по-детски угловатыми чертами. Мощный, широкий нос – такие, поговаривают, встречаются у сильных и упрямых людей. Зеленые, с янтарным отливом глаза искрились живым умом и смекалкой, а на скулах играли веснушки. Мальчишка носил гигантские кирзовые сапоги, явно с чужой ноги, но шагал в них уверенно, будто те стали частью его самого.

– А почему он носил такие сапоги?

– Так ботинок у него не было. Сиротой он рос, с бабкой. А родители? Так кто ж его знает, где они. Он не говорил. Даже мне. И откуда кирзовые сапоги он добыл – тоже. Поговаривали, что отцовские. Проходил он в них все время до конца войны. Да и сейчас носит только кирзачи, правда, уже по размеру.

Вижу я мальчишку Семена. Широкие плечи и крепкие руки, обретающие мужскую силу. Односельчане говорили, он рано повзрослел. Но в его улыбке и неуклюжих, порой порывистых движениях еще сквозила детская беззаботность.

Что же такого было в моем дяде Сене? Даже сегодня я вспоминаю о нем с особенной благодарностью. Он ведь так мало говорил! Да и как он говорил? С каким акцентом?

Помню, в этом селе жили разные люди – и те, кого называли «правильными», и те, кого когда-то обвиняли в предательстве. Но никто не указывал пальцем, никто никого не корил. Все осталось в прошлом, как далекий сон. Чувства единства, понимания и сострадания сплетались в одну косу, в одну песню, в одну жизнь на этой земле.

Каждый раз, когда я встречаю рыжего мужчину, мое сердце замирает. Сначала появляется радость, мгновенный восторг, но затем на смену им приходит что-то другое – более глубокое, более личное. Это не просто рыжий цвет волос, и не только воспоминание о дяде Сене. Нет, это память о далекой истории, связавшей город, село и людей, которых я любила. Они подарили мне настоящее. Благодаря им я могу понять события сегодняшнего дня.

Мне очень повезло – я получала только любовь. Любовь скромную, но созидательную; ту, что учила меня любить и помогать. Ненависть? Такого слова в нашем лексиконе не было. Только любовь и сострадание. То, что придавало мне силы.

Прошлое – всегда урок. Но я больше не могу ухватить дядю Сению за рукав и спросить его о той жизни. Пришло мое время отвечать на вопросы. Готова ли я? И вообще – а знаю ли я ответы?

– Кто же второй у тебя? – с неподдельным любопытством поинтересовался дядя. – Мне-то знаком?

– Это Вася. Сундуков. Мы с ним летом в сад ходим. Он не рыжий. У него во дворе качели. Он меня качает.

Кино. Книги. Страхи

В лабиринте событий и вихре времен я даже упустила из виду, что Марк уже несколько дней не желал мне доброго утра и спокойной ночи. Почему? Ему нельзя? Оказался женатым? У него конфиденциальное задание? Не снабженец, а действующий боец британской армии? Я над ним хохотала откровенно и с наслаждением. Он – это не он? Ну и что? Мы же договорились: «Не готовы к отношениям, не ищем, не флиртуем. Попросто дружим онлайн». Какой бы ни оказалась правда, я была рада этому огненно-рыжему другу, появление которого так оживило воспоминания о дяде Сене. Из детства.

– Мария, сегодня к нам приедет кино. Мы с Рикой идем. Бери Олюньчика. Будет интересно.

– А фильм о чем?

– «Неприкасаемая*». Афиша уже висит. Очень красивая... Индийский.

Летний кинотеатр разместили возле высокого здания, в котором до войны была лютеранская церковь. Сейчас – склад. Много раз говорили, что в нем хранят пшеницу. Но мы, детвора, туда не заглядывали. Боялись.

Временный зал – это с два десятка лавок, выстроенных в ряды, и большое плотное полотно, развешанное между высокими деревьями. Скамейки длиной метров в десять ждали своих посетителей. Летней ночи подыгрывал ансамбль из звезд, луны, теплого ветра.

Музыка, звучавшая в фильме, казалась мне неземной. Звуки флейт и барабанов заставляли мое сердце биться в такт. А когда девушка на экране танцевала, мне хотелось повторять ее движения. Танец был красивым, но я чувствовала в этой мелодии скрытую печаль.

.....
* Индийский фильм «Неприкасаемая» (1959).

Маленькую Суджату удочерила семья. «Девочка не только из низшей касты, но еще и неприкасаемая», – шепотом объяснила бабушка. Адхир и Суджата полюбили друг друга. Но неприкасаемым нельзя влюбляться в тех, кто из высших каст. Мне хотелось, чтобы был хороший конец, чтобы героиня не осталась одинокой, и чтобы все вокруг поняли, какая она добрая и красивая. Но на экране Суджата плакала, и я чувствовала, как по моим щекам текут слезы. Я не могла понять, почему мир так несправедлив к ней.

Касты и правила. Слезы, любовь, разочарования. Новые эмоции. «Разве это может быть?» Таким мир я еще не знала.

Через полвека, найдя этот фильм в интернете, я смотрела его уже в цветной версии. Удивительно, но будучи черно-белым, он отчего-то казался более красочным. Что же касается впечатлений, то они остались такими же яркими, как и в моем дошкольном возрасте.

– Зайдем в гости к Никифоровне?

– Ба, а она кто?

– Подруга моя. Она старенькая, уже нигде не работает. Живет одна.

– Совсем не работает? Вообще одна? – И снова для меня открытие. – А так бывает?

– На огороде своем разве что. Да, раньше с сыном жила.

– А где он сейчас?

– Ждет она его. С войны. Но ты ей таких вопросов не задавай. Попроси лучше книжку посмотреть. У нее есть книги. И детские тоже.

Так в моих руках очутилась «Синяя борода». Читать я не умела, но иллюстрации сами рассказывали жуткую историю. На обложке книги был изображен большой и мрачный замок, стены которого казались холодными. Над высокими башнями нависали тяжелые серые облака. А вокруг – густой лес. Окна замка темны, виден лишь

один маленький огонек. А вот и фигура пожилого мужчины с синей бородой. Он одет в длинный темный плащ. Лицо частично скрыто тенью, но я уже разглядела его глаза, которые смотрели прямо на меня, и почувствовала угрозу. «Страшный бородач. Он злой? Почему борода синяя?» По спине пробежал холодок, но я не могла оторваться и разглядывала картинку. Рядом с синебородым стариком стояла девушка в длинном платье. Ее лицо было бледным, почти прозрачным, как у куклы. Она держала в руках связку ключей. Один из них выделялся, и я сразу поняла, что он особенный. Сердце застучало быстрее. Мне хотелось забрать у нее ключи. Спрятать, чтобы она не пошла в те страшные комнаты. Мне уже виделось, как девушка делает шаг вперед, и казалось, что я слышу скрип старых дверей замка.

Что там будет, на следующей странице? Дверь в таинственную каморку, а возможно, подвал, открыта. Девушка держит в руках окровавленный ключ. Ее глаза наполнены ужасом. Она оглядывается через плечо, как будто боится, что ее вот-вот поймают. Старика с синей бородой на этом рисунке не видно. Но он может появиться в любой момент! Скорее вернуться к первой странице! Я листаю дальше и на следующем развороте вижу другую картинку. Мне боязно.

Удивительно, но каждый раз, когда мы приходили в гости к Никифоровне, я просила именно «Синюю бороду». Сердце стучало, пушок на детских руках вставал дыбом. И одна и та же мысль витала в голове: «Зачем такие страшные книжки для детей?»

А что было дальше с Никифоровной? Она по-прежнему ждала возвращения своего Петечки. И хотя жители знали, что он погиб, казалось, все постепенно начинали верить: дождется мать сына.

Великое испытание судьбы. 2024 год

Теплый вечер поздней весны. Человек, лежавший неподалеку от широкой улицы за кустами и высокой травой лимана, стонал. Он прижался к влажной земле, натянув на себя старое, изношенное одеяло, которое уже не защищало от холода, и дрожал. Голова горела. Но все равно это одеяло, похоже, прикипело воспоминаниями к его телу. Воздух, пропитанный запахами земли и соленого лимана, тяжело висел над ним.

Молодые вишневые деревья как бы перешептывались с другими – высохшими, посаженными еще во времена доктора Филатова. Ветви напоминали сгорбленные спины стариков, переживших много бед. Над селом, как и над всей страной, давно нависла тень войны, как некое невидимое существо, которое просачивалось в каждый дом, в каждую душу. Слышались приглушенные разговоры. Задернутые шторы не пропускали на улицу свет. Людей еще сильнее сковывал страх перед тем, что происходило за пределами села.

Старый Семен, над которым всегда смеялись за его приверженность к советским порядкам, сидел на своем крыльце, опершись на посох. Он уже давно перестал ходить по селу, предпочитая только наблюдать за безумством мира, катящегося в пропасть. Вечерами всматривался в горизонт, словно чего-то ожидая. Но ничего нового не происходило – только редкие звуки отдаленной канонады, которые перекатывались, как шары в игре, где ставкой была жизнь людей.

– Семен, а ведь мы снова переживаем похожие времена, – шепотом говорила соседка Марфа. Она, как и он, знала от родителей, что их село едва выжило в те далекие годы.

– Да, милая Марфа, только люди другие, – ответил Семен, тяжело вздыхая.

Марфа, сгорбленная от горестей и времени, прижала к груди платок, словно защищаясь от невидимой угрозы. В ее глазах отражалось небо, темное, как и ее мысли.

Между тем на другом конце села, в доме, где когда-то размещали вылечившихся от проказы, мерцал тусклый свет. Местный фельдшер – молодая женщина с твердой рукой, с глазами, в которых еще теплилась надежда, перевязывала раны очередному пострадавшему. Его привезла тетка Люся на своей бричке. «Неместный», – подумала фельдшер и продолжила рассматривать увечья раненого. Мысли о том, кто этот человек и за кого он, не покидали ее. Словно в бреду, она продолжала работать, не желая поддаваться страхам.

– Как же вы здесь держитесь, Надежда Павловна? – спросил раненый. Его лицо исказилось от боли, но он попытался усмехнуться.

– Так ты из наших краев? – Она подняла на него глаза, полные усталости и решимости. – А как мы можем не держаться? Если не мы, то кто же?

В ее словах звучало эхо времени, то самое, что слышалось в шепоте стариков, в рассказах о Филатове, в истории села, пережившего войны, болезни и человеческие предательства.

Надежда Павловна вспомнила, как однажды, читая дневники своего прадеда, нашла там записку, написанную на пожелтевшей бумаге: «Жизнь продолжается, несмотря ни на что». Эти слова стали для нее своеобразным оберегом от ужаса и отчаяния.

Она уже накладывала последний бинт, как за окном послышался стук. Солдат дернулся, но фельдшер успокоила его движением руки. Вошла Марфа со свечой. Электричество в селе было не всегда, и люди снова привыкли к свету огня.

– Я принесла вам немного еще, Надежда Павловна, – прошептала она, будто боясь нарушить покой ночи.

– Спасибо, Марфа Ивановна, – ответила Надежда, глядя на старушку с благодарностью.

На мгновение показалось, что время замерло. Старое и новое поколение, связанные невидимой нитью истории, слушали тишину, как два сторожа, которые охраняли очень для них важное – то, что никак нельзя потерять.

Тогда ночью, когда луна скрылась за облаками, а небо стало черным, как мысли Семена, над селом снова раздался гул. Но это был не звук войны, а шум от дерева, рухнувшего под собственным весом. Казалось, что само время устало от своих воспоминаний и мыслей о новых тяжких годах. И старое дерево решило стать символической жертвой перед началом мирного времени.

Село продолжало жить несмотря на все тяготы. Люди, словно деревья, корнями впились в эту землю, переживая и войну, и мир, и вновь пришедшие беды. Жизнь шла своим чередом, а в сердцах тех, кто жил здесь, все еще теплилась надежда на лучшее будущее, которое, как и много лет назад, должно было наступить несмотря ни на что.

Дежавю. Куриный бульон

Старик Семен сидел на крыльце, опершись на посох сухими узловатыми руками. Когда-то двухметровый гигант с гривой огненных волос, сейчас он был высохшим и сторбленным под тяжестью лет, человеком с редкими седыми прядями, с осунувшимся лицом и заострившимся носом. В юности он уверенно шагал по земле в своих грубых, сорок пятого размера кирзовых сапогах. Они были ему больше не нужны. Теперь хозяину верно служили старые растоптанные тапочки. Легкие и уютные.

Ветер приносил с собой запахи лимана, влажной земли и словно шептал в ухо, пробуждая воспоминания. Люди и события виделись Семену, как тени, и все же они оживали и напоминали о себе. Семен потер глаза и тяжело вздохнул. Его скрюченные пальцы, напоминающие корни старого дерева, крепко сжимали посох, как последнюю в жизни опору. Старик закрыл глаза, позволяя образам прошлого всплыть на поверхность его памяти.

Время вернуло его в те далекие годы, когда война уже входила в завершающую стадию, но все еще держала в своих лапах это се-

ло. Тогда, как и сейчас, здесь царила тревожная тишина. Солнце уже пряталось за горизонтом. Он, еще молодой парнишка, бегал по улицам, пытаясь добыть хоть какую-то еду.

Семен вспомнил, как он обнаружил у лимана незнакомца. Увидев его, солдат поднял руку, будто молил о помощи, но не мог вымолвить ни слова. Изможденный, он едва держался на ногах, а лицо его было покрыто грязью. Раненый и усталый румынский солдат, не знавший, куда идти. Одежда его превратилась в клочья, его согревало старое одеяло, которое он нашел в одном из покинутых домов.

Мальчишку охватил страх. Но что-то в глазах этого человека, полных боли и отчаяния, заставило его остановиться. Не долго думая, Семен подвел раненого к старому сараю у дома, где никто не жил уже несколько лет, и помог ему укрыться. Румын лишь шептал что-то на своем языке – слова, которые Семен не понимал, но смысл их был ясен и без перевода: он искал спасение.

Этим же вечером, стараясь не привлекать внимания, сельские привезли на телеге советского раненого солдата, местного парня. Было опасно, ведь не все немцы покинули село. В одном из домов располагался небольшой госпиталь. Семен вспомнил, как бежал к фельдшеру, чтобы рассказать о чужаке, которого спрятал в сарае. И в госпитале увидел мать раненого солдата – она плакала. Но глаза ее светились – сын жив.

Вскоре принесли из сарая и другого солдата. Семен вспомнил, как оба мужчины лежали на старых соломенных матрасах, разделенные лишь тонкой занавеской. Фельдшер, не делая различий между ними, аккуратно перевязывал раны, словно пытаясь залечить не только физическую боль, но и ту глубокую душевную, которую нанесла война.

Прошло несколько дней, и между двумя мужчинами, лежавшими бок о бок, неожиданно возникло странное понимание. Несмотря на то, что их разделяло все: язык, культура, идеология. Враги.

Но каждый из них осознавал, что в этот момент они одинаково уязвимы перед лицом смерти, и их спасение зависит от тех, кто рядом.

Сельский фельдшер был, хоть и молодым, но опытным. Он с максимальной самоотдачей выполнял долг медика. И здесь, в больнице, схватка на мгновение прекратила свое разрушительное действие и позволила солдатам увидеть друг в друге просто людей, страдающих от ужасов войны.

Когда румынскому солдату стало лучше, он покинул село и направился в сторону границы. А его «сосед» остался на лечении, был еще слишком слабым. Этот момент особенно запомнился Семену. Он видел в глазах двух солдат не только страдание, но и некое примирение.

Семен вздохнул и посмотрел в сторону лимана. История повторялась. Война снова пришла на эти земли. Снова солдаты, снова раненые и измученные, снова убегающие и просящие помощи. Неожиданно лицо старика будто засияло. Он прошептал: «Куриный бульон», и его сухие и тонкие губы широко растянулись в улыбке. Старик опять закрыл глаза.

Перед ним стояла внучка Марии.

– Дядя Сеня, это правда, что вы немец? – Она все спрашивала и спрашивала. – Так ты враг? – осторожно уточнила девочка.

– Бог уберет, молод я был. Пацаном малым. Немецкие солдаты и в нашем селе находились.

Рассказал дядя Сеня эту историю о двух раненых солдатах. И как только дошел до места, где советский солдат остался на лечении, поскольку был еще слишком слаб, девочка оживилась.

– Дядя Сеня, вы что, не знаете, нужно идти на базар, купить курицу и сварить бульон! В Одессе все дети знают, куриный бульон лечит!

Осколки

30 августа 2024 года

Северо-запад Германии. Я читаю новость о том, что уже запущена программа, предоставляющая ученым доступ к биокомпьютерам, сделанным из клеток человеческого мозга. Эти органоиды, созданные из стволовых клеток, в сто тысяч раз эффективнее обычных компьютеров и помогают обучать искусственный интеллект экономно и энергосберегающе. Но органоиды живут недолго, и я задумываюсь: «Возможно, ученые найдут способ продлить их жизнь и, как следствие, случайно изобретут эликсир бессмертия?»

На одной из улиц немецкого города Кельн в уютном кафе две подруги, попивая горячий кофе, вспоминают владелицу этой кофейни:

- Детей так у них и не было. Весь квартал принадлежал ее мужу.
- Не помнишь, откуда он ее привез?
- Точно не знаю. Говорили, что она убежала с ним во время войны. Кажется, с юга Украины.

В это время на юге Украины, в селе, которое мы в детстве называли Баден, возле старого сада, принадлежавшего ранее главврачу, работает подросток Виктор. Рыжие волосы пылают под солнцем, и неукротимые вихры выбиваются из-под бейсболки, которую он носит козырьком назад, чтобы выглядеть дерзко и независимо. Его руки заняты медовыми сотами, и он с любовью наблюдает за пчелами.

В том же селе, на другом конце улицы, Елена, внучка Марфы, готовится к встрече со своими учениками. Сейчас она открывает старую карту села, которую нашла в библиотеке. В ее голове крутятся мысли о прошлом и о том, как пройдет первый урок этого учебного года.

В старом доме на краю села сидит у окна Татьяна, дочь дяди Сени, и вспоминает, как в 1979 году она поехала в Тирасполь. Была на рынке. Пирожок с яблочным повидлом стоил восемь копеек, а ста-

кан кофе с молоком – двенадцать. «Двадцать копеек», – подытоживает она. В окно, напоминая о себе, отвечает солнечными бликами зеркало лимана.

А я вспоминаю Надежду, которая вечно стояла у своего дома и сердилась на детей, которые гоняли по улице гусей. Наверное, в это время она, потомок одной из самых древних семей, сокрушенно смотрит в окно, сидя на диване. И думает о тех, кто был рядом с ней в молодости. Ее дети разъехались. Как быстро летит время! Сколь многое изменилось с тех пор! Она не понимает, почему опять все повторяется. Почему опять стреляют, почему танки проезжают по дороге? Но она верит, что главное останется – любовь и желание жить в мире.

Здесь и сейчас, 30 августа 2024 года, жизнь в селе продолжается, как и десятилетия назад. Где-то близко слышен взрыв, и столб дыма грибом появляется в небе. В Одесской больнице Оксана, внучка Надежды, смотрит в окно на поднимающийся дым и качает головой. Но ей некогда размышлять о взрыве. Она заканчивает подготовку к операции. На столе – раненый. А ей хочется оказаться в селе, где жил и работал ее дед. Она мечтает снова пройтись по тем же тропам, сорвать абрикосы, посидеть на берегу лимана. Но сейчас нужно спасать парня, который уже лежит на операционном столе. В его ногах много осколков.

О знаменитом деде помнит не только внучка Оксана. В Риге молодой писатель Сергей читает последние страницы своей рукописи. Он написал книгу о селе, его истории, о людях, которые жили там до него, и, конечно, о местном главвраче, который когда-то начинал работать с Филатовым. Сегодня Сергей отправит свою работу в издательство и, возможно, вечером выпьет бокал вина, чтобы отпраздновать событие.

В этот самый момент, здесь и сейчас, люди живут своими жизнями, соединенные невидимыми нитями прошлого. Каждый из них

несет в себе осколок той истории, которая когда-то объединила их предков. И хотя времена изменились, память о прошлом делает их сильнее, помогает жить, несмотря на все трудности. Здесь и сейчас они работают, мечтают, страдают, переживают и любят.

Осколки складываются в единый узор, образуя целое полотно, на котором каждая деталь играет свою незаменимую роль.

Илана Городисская Каждому свое время

В истории мировой литературы ни одно поколение писателей не могло посетовать на то, что оно творит в таком же цейтноте, как сегодняшнее поколение. Интернет и социальные сети как будто обесценивают все, что было опубликовано буквально накануне, а количество авторов просто неисчислимо. В таком потоке легко утонуть или ощутить себя бессильным привлечь внимание к своему творчеству. С каждым годом темп публикаций ускоряется и, наверное, тем, кто будут писать после нас, придется бороться не только с рейтингом в социальных сетях, но и с самими собой. Осмелюсь сказать им несколько слов поддержки и напутствия.

Литература была живым потоком во все века. Просто из-за нехватки печатных изданий, средств массовой информации и из-за цензуры, установленной в девятнадцатом веке, мало кто в народе об этом знал. Однако творческие люди всегда были и всегда искали способы самовыражения. Как правило, они находили их. Практически все известные нам классики начинали свой путь к славе не в качестве писателей, а как журналисты, драматурги, собиратели фольклора, а то и публиковались под мужскими псевдонимами, если речь о женщинах. Сегодняшняя доступность любой информации и свобода слова снимает с творческих людей необходимость искать лазейки. Поэтому сейчас мы видим в интернете – и не только – тот поток публикаций, какой мог бы быть и в прошлых поколениях. В этом отношении ничего изменилось.

Почему же тогда некоторые произведения литературы дошли до наших дней и переживут нас, о других мы забыли, а о третьих узнали недавно? Например, о потрясающей «Французской сюите» Ирэн Немировской, по которой был снят фильм? Для этого есть другой фактор – время.

В жизни все динамично. Каждое произведение пишется в контексте своей эпохи, своих нравов. Когда одна эпоха сменяет другую, многие тексты устаревают и становятся нечитабельными. Они словно выполнили свою сиюминутную функцию и больше неактуальны. Сегодня это не произведения литературы, а литературно-исторические документы, представляющие интерес исключительно для исследователей, хотя в свое время они, конечно, были популярными. Ярким примером таких текстов являются труды советских диссидентов. Много можно сказать об их политической и социальной значимости, но они были именно вещью в себе, продуктом своего времени, которое уже не вернется.

Вместе с этим большой блок текстов был утрачен из-за смены эпох и всех военно-политических катаклизмов. Поэтому творения некоторых авторов дошли до нас – и не всегда в первоизданном виде! – лишь по прошествии десятилетий. Такова была участь вышеупомянутой «Французской сюиты», а также «Брачных уз» Давида Фогеля, знаменитых «Мастера и Маргариты» Булгакова и вообще всех текстов, которые были отвергнуты цензурой или читателями в момент их первой публикации, и которые мы заново открыли для себя тогда, когда созрели до их понимания. Ведь взросление читателя – это тоже динамика жизни, и особые произведения просто ждут «своей» эпохи. Возможно, несмотря на теперешнюю информационную свободу, мы откроем для себя некоторые недавно написанные тексты лишь спустя десять-двадцать лет. Ибо это уже функция не эпохи, а читательской подготовленности.

Что же касается «вечных» романов, стихов и пьес, то и на их счет не стоит питать иллюзий. Все они были отсеяны временем, и не везде пользуются одинаковой популярностью. Кроме того, не все они равнозначны и равноценны, особенно для последующих поколений. Шекспир для нас уже совсем не тот Шекспир, а Толстой уже совсем не тот Толстой. То, что сделало этих писателей великими, а их творения – классическими, это то, что они рассу-ж-

дают о ценностях, которые существовали всегда, но о которых до них не рассуждал ни один писатель, и ставят те вопросы, о которых раньше не задумывались. Сегодня сложно себе представить, что есть еще хоть какая-то тема, которая осталась бы за полями страницы, но это не верно. Шедевры пишут, и будут писать и впредь. Существует даже понятие «современная классика», не имеющая ничего общего с коммерческой раскруткой автора. Это лишь результат испытания временем.

Каждому свое время. Неважно, закопали ли вы тетрадь со своим произведением в саду, как Давид Фогель, или выложили его на литературном сайте. Неважно, работали ли вы над ним год или всю жизнь. Неважно, начали ли вы писать в пятнадцать или в сорок лет. Если произведение настоящее, талантливое и цепляющее, если в нем есть авторский посыл и слепок вашей души, то рано или поздно оно вынырнет из всеобщего потока и получит признание. Конечно, если таково ваше писательское предназначение. Если же ваша цель находиться в тренде, то вслед за быстрой популярностью вас, скорей всего, забудут. При этом вам придется нестись вместе с потоком и действительно испытывать цейтнот, ибо темп жизни и смены актуальных событий сейчас велик как никогда, а жажда популярности – это функция эго.

Целью литературы является сама литература. Каждое поколение писателей привносит в нее что-то свое. На этом поприще последнее слово всегда за теми, кто приходит нам на смену, ибо лишь те произведения, что не потонули во временном потоке, или были раскрыты тогда, когда пробил их час, скорей всего войдут в историю. Поэтому нет никакого смысла торопиться и бороться за внимание читателей наперегонки с интернетом и соцсетями. Главное – всеми фибрами души ощущать в себе творческую личность и быть верными своей писательской миссии.

«Золушка» новый взгляд на старый добрый фильм

На Новый год мне очень захотелось сказку. Поэтому, когда по телевидению транслировали советский фильм «Золушка», я набросилась на него, как голодный – на ломоть хлеба. Заодно показала его дочке, знакомой с образом Золушки из диснеевского мультика.

Как та, что выросла на советском варианте «Золушки» и впитала его всеми фибрами души, я, конечно, получила удовольствие от просмотра этого старого доброго фильма. Но как литератору и критику мне показалось интересным проанализировать картину. Однако речь пойдет не об ее художественных качествах, ибо нельзя не принимать во внимание тот факт, что она была снята в нищее послевоенное время, а о психологии героев. Точнее, об одной из вариаций этого затертого до дыр сюжета. Какова же она?

Начну с того, что «Золушка» 1947 года – это пьеса, написанная Евгением Шварцем на основе классической сказки Шарля Перро. Созданная в жанре музыкальной комедии, эта пьеса, несомненно, стала эталонным вариантом сказки о Золушке для бывших советских зрителей. Но важно и то, что она выделяет несколько архетипов, которые уже тогда существовали в нашем коллективном бессознательном.

Возьмем главную героиню. У Евгения Шварца, Золушка – это несчастная девочка, одинокая и наивная, с расплывчатой предысторией. Ее условия существования и труда невыносимы. Невзирая на то, что она не одна, ибо отец ее с ней, и, невзирая на то, что дом, в котором она живет, достаточно обеспечен, она является по факту бесплатной рабочей силой в этом доме и не получает за свой бесконечный труд даже благодарности. Выглядит она бедно и жалко. При этом, как говорила сама режиссер картины, Надежда Кошеверова, «в глазах у нее – сказка». Она верит в высшую справедливость, ставит интересы других выше собственных интересов, и ждет, что-

бы счастье пришло к ней само. А еще у Золушки золотые руки, которыми она в состоянии бескорыстно выполнить самую тонкую работу. Это умение создало ей громкую славу.

Если суммировать все вышесказанное, мы поймем, что перед нами – идеальная героиня в глазах патриархального зрителя. Она – трогательная, возвышенная идеалистка с непорочной душой, исполнительная и пассивная. Вначале за нее все решает мачеха, затем – фея и напоследок – сам король. Сильный она человек или слабый? Сложно сказать. Очевидно одно: она человек с сильной верой в добро. В силу своего мягкого характера она не способна дурно относиться к своим недругам. Даже в самые сложные моменты Золушка никогда не проявляет недовольства и непокорности, а единственная эмоция, которая ею движет, – это страх за отца. Она – Ребенок, поневоле взявший на себя роль ответственного Взрослого.

Присмотревшись, несложно узреть в образе Золушки черты, присущие подавленным властью жителям СССР, особенно женщинам. Вспоминается знаменитое выражение: «лошадь в колхозе работала больше всех, но председателем так и не стала». И это – то, что, если судить по фильму, поощряется открыто. Словно скрытым лозунгом проходит через весь фильм следующий посыл: юные девушки, будьте прилежны, скромны, покладисты, трудолюбивы, и вам воздастся. Всем известно, чем в итоге воздалось Золушке, но о том, насколько этот приз действительно хорош, я поговорю немного позже.

Кстати, актрису Янину Жеймо, брошенную мужем и оставшуюся без средств к существованию, Кошеверова случайно встретила на вокзале и, словно пришедшая на выручку фея, предложила ей главную роль в этом фильме. То есть Золушку сыграла... Золушка во плоти. Наверно, поэтому произошло стопроцентное попадание в образ.

Совершенно естественно напрашивается вопрос: а куда смотрит отец героини? Неужели его не возмущают условия, в которых живет его дочь? Что это, в принципе, за персонаж? Пьеса Шварца рисует его вдовцом, по роду занятий – лесничим, женившимся вторично и панически боящимся свою сильную и властную супругу. Подобно дочери, он точно так же исполняет всю тяжелую работу для дома, не принимает никаких решений и не смеет высказать свое мнение, если оно разнится с мнением мачехи. К тому же всякий раз, когда мачеха хочет чего-то добиться от Золушки, она угрожает ей тем, что выживет ее отца из его собственного дома. Я подчеркиваю: его собственного дома. Лишь в конце фильма, в окружении власть предержащих, он осмеливается подать голос и восстановить справедливость, в которую свято верит его дочь.

Сексуальная составляющая отношений лесничего с мачехой абсолютно не показана, равно как умалчиваются и мотивы его женьитьбы на ней. Доказательством этому служит один из эпизодов фильма. В нем действие происходит в комнате, в которой стоят три кровати – для мачехи и ее двух дочек, воспринимающихся нами как единое целое. Неужели во всем большом доме не нашлось места для супружеской спальни? Можно подумать, что мачеха с лесничим – это два соседа, ведущих совместное хозяйство. В СССР секса не было?..

Когда я думаю о лесничем, мне вспоминается статья Людмилы Петрановской «Травмы поколений», в которой подробно описан такой типаж, бывший особенно распространенным в послевоенное время. Время приученных к независимости доминантных женщин, взявших бразды правления бытом в свои руки. Какой он муж? Тряпка. Какой он мужчина? Образно говоря, кастрированный. Какой он родитель? Не функционирующий. Да, он любит и жалеет свою дочь, но... на вытянутых руках. Это человек, сам живущий в страхе, и транслирующий свои страхи своей дочери. Возможно, в этом заключается причина угнетенного положения Золушки: отсутствие ре-

альных родительских фигур и ощущение, что она не является хозяйкой в своем доме и своей жизни. Каждому человеку для нормального развития необходим корень, чувство принадлежности. В советской картине Золушка оторвана от собственных корней и не принадлежит своей семье и родному дому. Она – сирота при живом отце. Что ей остается? Витать в облаках.

Главной антагонисткой картины, конечно же, является мачеха в бесподобном воплощении Раневской. Можно было бы подумать, что образ мачехи в пьесе Шварца противостоит образу Золушки. Это не верно. По моему мнению, Золушка как личность не интересуется мачеху вообще. В этой грубой, жестокой, амбициозной, неженственной и лживой мегере скрывается типично материнский интерес: выгодно выдать замуж двух родных дочерей – старых дев и Синих чулков. Она живет своими «крошками». Их успех – это и ее личный успех. В этом отношении мачеха – очень хорошая мать. Однако на пути к достижению своей цели она готова на все, ибо в ее представлении цель оправдывает средства. Ее главная задача – устранить с дороги Золушку только лишь потому, что она женщина, а значит – конкурентка ее родным дочерям.

То, что характерно для мачехи, это подход, который она внушает своим дочерям по ходу попыток устройства их личной жизни, и который бросается в глаза особенно ярко во время сцены на балу. Я говорю о потребительском отношении к мужчинам. Для мачехи мужчины, и даже ее собственный муж, которого она, разумеется, не любит, – это не люди, а функции. Самое главное для нее, откровенно говоря – заветный штамп. Видимость важнее всего, лишь бы не быть одинокой. Мало ли мы встречаем в нашей повседневной жизни девушек, до сих пор исповедующих этот стереотип? Возможно, их метод достижения цели выйти замуж за успешного и состоятельного человека несколько изменился, но суть остается той же.

Единственной настоящей материнской фигурой в фильме является для Золушки фея. По двум причинам. Первая – техническая.

Сказано, что фея – это крестная Золушки. В христианской традиции крестный родитель – это тот, кто в ходе крещения принимает ответственность перед Богом за духовное воспитание крестника или крестницы. Часто духовное взросление человека важнее, чем физиологическое. Впрочем, в случае потери биологических родителей именно крестный брал на себя роль матери или отца. Шварц открыто говорит о том, что Золушка и фея знают друг друга давно и иногда встречаются. Но поскольку в стране «непуганых атеистов» многие религиозные традиции были упразднены, он предпочел представить крестную Золушки вот таким нечеловеческим, волшебным персонажем. Вторая причина – существенная. Именно фея дает Золушке «путевку в жизнь», снабжая ее необходимыми советами и инструментами. При этом она не одна – ее сопровождает паж. Отсюда вывод, что опыта правильного воспитания детей у феи не занимать. Она – и заботливая мать, и спасатель, и учитель. И поэтому именно она является контрастным персонажем мачехе.

Немного режет слух фраза, которой фея описывает своего пажа: что он хороший мальчик, учащийся на одни пятерки. В этой фразе откровенно проскальзывает еще одна советская установка для достижения успеха: учиться, учиться и учиться. Образование и культура всегда являлись высшей ценностью в стране, где практически все население было «Золушками». Лично я ничего плохого в стремлении к образованию не вижу, но считаю эту фразу просто данью советской цензуре и одной из поучительных задач картины.

Плавно подбираясь к главному мужскому персонажу фильма – к принцу, я должна упомянуть о более ведущей и важной фигуре, предшествующей ему, – о короле. Этого персонажа я рассмотрю и как символ власти, и как родителя.

С самых первых кадров нам настойчиво напоминают о том, что страна, в которой происходит действие, – сказочная. То есть, несуществующая в реальности. И это неспроста. В тяжелое послевоенное время жителям СССР была необходима этакая иллюзия госу-

дарства, живущего по законам добра и справедливости. Эту иллюзию воплощает на экране персонаж Гарина. Он – гротескный король с гротескным двором, где все, по определению, должны любить друг друга, и только и делают, что веселятся. Видали ли вы когда-нибудь высшее общество без интриг и забот? Я – нет. Но в сказке все возможно.

И вместе с тем этот правитель – абсолютный. Под его видимой демократичностью кроется железная хватка. Ему беспрекословно подчиняются и стража, и придворные, и волшебник, готовый исполнить любое его желание. При этом желания короля выливаются в истерические выходки, в крики: «почему мне не доложили?», и в угрозу уйти от дел. Сглаживание королевских истерик падает всегда на плечи его окружающих. Чем не прямой намек на паранойю некоторых известных политиков прошлого века? Следует отметить, что именно король первый встречает Золушку во дворце и вводит ее в свой ближний круг в прямом смысле слова за руку. Именно он знакомит ее со своим сыном, фактически устраивает им свидание и впоследствии принимает решение о ее поисках. В этом отношении он аналогичен мачехе, стремящейся найти достойные партии своим «крошкам». В последнем эпизоде фильма нам становится понятно, что у короля готов уже целый план по продолжению его династии, не предусматривающий никаких человеческих факторов. Он – не просто король, а Бог и вершитель судеб своего сказочного королевства, пусть даже мы, зрители, воспринимаем его деспотизм как благо.

Можно было бы сказать, что принцу с фигурой отца повезло. Король – заботливый родитель, принимающий активное участие в судьбе сына. Но свою активность он его подавляет. В представлении отца-короля принц – это вечный ребенок, о котором он будет заботиться всегда, а значит – контролировать. Лучше всего на это указывает его реакция на откровение принца, что он влюблен: «почему мне не доложили, что ты уже вырос?». Известно, что ини-

циация человека связана напрямую с его половым взрослением, и что этот этап каждый должен проходить в одиночку. Этот же этап обозначает и психологическое отдаление человека от родителей. Видимо, принц свою инициацию прошел, но частично, так как от отца он так и не отделился.

Таким образом, главным жизненным призом Золушки оказывается инфантильный папенькин сынок, такой же безынициативный и пассивный, как она, не способный к борьбе и к принятию решений. В момент их знакомства он не знает, что делать и что говорить, не скрывает своей неопытности и растерянности. Во всем полагается на своего властного и деятельного родителя. И, хотя принц пытается произвести на Золушку сильное впечатление во время их встречи в лесу, он не в состоянии ее удержать. Безусловно, как персонаж он положительный, но отнюдь не мужественный и не уверенный в себе.

Сказка заканчивается тем, что король объявляет о венчании Золушки и принца. О том, как сложится их совместная жизнь, история умалчивает. У меня нет никакого сомнения, что принц так и останется вечным принцем, а Золушка – вечной Золушкой. Оба этих типажа описал Михаил Литвак в своей книге «Психологический вампиризм». Именно такими они будут до тех пор, пока оберегающий их правитель будет жив. Когда же его не станет, обоим придется быстро взрослеть и учиться самостоятельности. К сожалению, это достаточно распространенная картина молодых людей послевоенного поколения, которых слишком сильно опекали, и которые жили как будто в тени своих героических родителей и их родителей.

Любопытно, что любовь между ними двумя возникает из ничего, с первого взгляда, невзирая на разделяющую их пропасть, и сразу же – со всеми вытекающими обязательствами и возвышенными клятвами. Является ли это данью русской романтической традиции? Затрудняюсь сказать. Однако такая любовь неправдоподобна. Самое большее – речь идет о влюбленности. О физическом влече-

нии. Но никак не об отношениях, способных связать двух людей на всю жизнь. Впрочем, на то это и сказка, чтоб заставить нас лишний раз поверить в чудо. И лишний раз принять как догму знакомый многим бывшим советским жителям посыл, что личную жизнь следует устраивать смолоду, практически с первым встречным, желательно быстро, и ставить во главу угла Любовь, а не реальное партнерство. Жаль, что поколения неискушенных зрителей никогда не задумывались о статистике разводов таких вот Золушек и принцев, а просто наслаждались сказкой.

Конечно, обо всем этом я не размышляла, когда смотрела это старое и наивное кино со своей старшей дочерью. Я тоже просто наслаждалась сказкой. По окончании просмотра я спросила дочку – понравился ли ей фильм. Она сказала, что понравился. Когда же я спросила, что она из него поняла, ответа не последовало. И тогда я поймала себя на том, что, когда я была в ее возрасте, то и сама ничего в этом сюжете не понимала. Для меня он был самым собою разумеющимся сценарием жизни одной бедной девушки.

Тома Блюм
Дневник одной души
Избранное

...Есть вещи, ради которых стоит жить, а есть люди, которых следует забыть. И чем раньше ты это сделаешь, тем быстрее вспомнишь – ради чего живёшь.

...Только переключив мысли, оставив в покое мятущуюся душу, перебирающую по крупичкам прошедшее и не случившееся, можно поймать то, что называется ТВОИМ... Оно придёт непременно, потому что пространство вовне и внутри так или иначе должно быть заполнено. Не бывает, что человек пуст абсолютно. Но на смену тоске, боли и разочарованию придёт вдохновение и желание изменений, грандиозных свершений, а это – НОВАЯ ЖИЗНЬ. Может быть, она и не будет заметна чужому глазу, и о своём изменённом состоянии будешь знать только ты сам... а и надо ли кому-то что-то рассказывать...

Боль – это порог в новое, главное вовремя осознать и не испугаться перешагнуть через него...

Пессимистичное

Можно ли сломаться за пару дней, часов?..

Да что там... можно сломаться за пару мгновений. Только что ты был весел и беззаботен, но одно не так сказанное или недосказанное слово, намёк, тон... полутон – и над тобой нависает сонм противоречивых чувств.

Ты видел, как рушится мир?.. Нет? Повезло. Замечу, мир превращается в ничто не снаружи, а внутри тебя. И вместе с тем приходят боль и очередное разочарование. Начинаешь думать, что это естественное курсирование души – от плюса к минусу, с юга на север, сверху вниз: от взлёта до падения всего лишь миг...

Ты забираешься в горячую воду, горячую настолько, насколько может вытерпеть тело. Единственное желание, довлеющее над тобой: ОТМЫТЬСЯ... И ты трёшь грубой мочалкой... с неистовой силой, оставляя рубцы на нежной коже. Но что они в сравнении с теми, которые спрятаны от посторонних глаз... о которых знаешь только ты...

Жизнь, как она есть

Приходят день и час, когда ты понимаешь, что всё имеет свойство кончаться. Плохо ли, хорошо ли, со сделанными выводами, с выученными уроками, со знаком качества или с клеймом «брак!».

Дни, месяцы, а может быть, годы ты проживал в непонимании, в неприятии ситуации, старался, выворачивался наизнанку – думал: оценят, заметят, полюбят, но... но! Трижды «Но!»

Ты же видел, чувствовал... ты всё читал по глазам... надо было сделать всего лишь шаг навстречу...

...

Как всё-таки несвоевременно мы ценим те минуты, когда вместе, душа с душой в унисон, когда на одной волне, когда сливаются реки и наперекор ветрам устремляются в море...

Мы могли бы стать частью моря, а может быть, океана или даже частичкой Вселенной...

Но... тот самый не сделанный шаг...

и мы – две лодки у противоположных причалов...

Уйти прежде, чем кто-то другой перед тобой хлопнет дверью

Что это? Негативный опыт? Страх перед возможностью подобного? Болезнь, паранойя?.. И ты уходишь – от чувств, от людей, из отношений. Ты стремишься к единственному себе, лелея желание: сохранить... сберечь статус-кво.

Сколько раз ты бесследно исчезал, бросал, разрывал, сталкивал в пучину непонимания, в душе насмехаясь – над... или над собой?.. В отместку, просто так, из недомыслия, из-за... перечисли сам...

А в этот раз?..

Тайное влечение готово было перерасти в явное. Ты давил, душил, топил в себе чувства, но можно ли утопить душу и то, что рвётся из её глубин на поверхность?..

Между вами ничего не было... или было?..

Вопрос ставит в тупик. Было или нет?..

Можно ли на это дать вразумительный ответ?..

...

Отстранённость – лучшая защита.

А то, что в мыслях, мечтах, сновидениях –
разве этому можно доверять?..

Нужно.

...

Ты её испытывал и бежал от неё – внезапно нагрянувшей страсти, помноженной на изучение, исследование, познание той, что зовётся родственной душой.

Ты нашел её... и так бездумно потерял...

Снова один...

**Как всё просто – ты не «пуп земли»,
и мир не крутится вокруг тебя...**

В большинстве своём мы обособленные эгоисты. Важно только то, что с тобой. Существенно то, что затрагивает собственные интересы. Остальное – постольку-поскольку.

Говорят: друг познается в беде – актуально!

Мы научились коммуницировать на расстоянии, общаться, не глядя в глаза, расточать комплименты и флиртовать, прячась за никами, где-то в глубине души надеясь на взаимность, а может быть, даже и на любовь, а если не любовь, то хотя бы на секс, а если не реальный, то, по крайней мере, виртуальный...

Мы теперь умеем писать высокопарные слова – сколько мудрости разбросано по сети, не ленись, собирай. Мы порываемся вступить в полемику, отстаивая свою уникальную точку зрения. Ведь недаром говорят: мозг – эрогенная зона, авось сработает.

Мы скрываем свои теневые стороны, но вместе с тем пририсовываем рыцарские доспехи, в фотошопе отбеливаем улыбку, подтягиваем морщины и приподнимаем отвисший зад. Мы создаём себе новый образ – пусть не настоящий, но ведь так хочется... глупое слово «ПОНРАВИТЬСЯ»... Кому? Всем и каждому.

И вот мы уже кажемся себе красивыми, стройными, умными, смелыми, бравыми, просто хорошими – ведь суть никто не видит... а виртуальный имидж создать несложно...

Мы – гении, супергерои, тургеневские барышни – снаружи...
а внутри?..

О, сколько комплексов таится за «фасадом»...

Но если ты решился: приоткрыл забрало и оголил душу... ведь ты поверил: мир – твой друг, не жди пощады. Ты интересен, пока ты нужен, а потом... потом снова наедине с собой. И твои проблемы – это твои проблемы.

Виртуальный мир – не настоящий...

**Хотелось бы верить,
что с годами становишься мудрее...**

Однако... как научиться разбираться в людях не тогда, когда поздно, а в начале пути?.. Как не страдать от разочарований, умом постигая истину: не тешить себя иллюзиями, не придумывать, не додумывать, всего лишь наблюдать и анализировать.

Но Душа?!..

Душа рвётся навстречу неизведанному, в поисках понимания, отклика, доброты, нужности и... любви.

А Ум?..

Ум, подобно строгому, но заботливому отцу, пытается оградить неразумное дитя: там, «за стенами», – боль, отчаяние, отторжение, нет спасения... Он прочит новые страдания.

Как же поступить? Где найти компромисс между тем и этим?..

Ты выглядываешь из собственной «скорлупы» и словно сквозь замочную скважину пытаешься разглядеть: что же там – по ту сторону «стен»...

А там – заманчиво и пугающе, светло и туманно, лик незнакомца и пленительная улыбка, а за ней... адская машина, со скрежетом проворачивающая шестерни механизма, расставляющего «силки для пуганой лани».

Да, ты стала старше... но мудрее?..

Жанна Наварр, Яна Карпова

Закон бумеранга

Не спроста существует в народе немало идентичных пословиц:

«Не плюй в колодец, пригодится воды напиться»;

«Не рой другому яму – сам в неё можешь попасть»;

«Не мути водою – случится черпать»;

«С тем не бранись, кому будешь кланяться»;

«Не сжигай мосты»...

Все они в той или иной степени о законе бумеранга. Суть-то понятна: что делаешь, как делаешь – в том же виде и получаешь обратно. Только почему же мы забываем об этой истине и лишь задним числом вспоминаем?..

Как нередко мы сетуем на несправедливость по отношению к нам сторонних сил. Действительно – несправедливость в обществе существует, и это больно, это обидно. Мы уже понимаем саму структуру общества и то, к кому принадлежим – тем, кто правит миром и бывает (*кажется нам*) безнаказанными за причиняемые окружающим беззакония, или к тем, на кого направлен перст узурпатора. Простых людей среди второй категории, естественно, больше.

Но так ли уж безнаказанны остаются те, кто творят зло? Причем все равно в каких его масштабах – больших или малых. На частном бытовом уровне – это одно и попроще (*здесь хотя бы можно проследить как причину, так и следствие, – цепочки событий не столь запутаны*), в глобальном... чтобы понять – требуется довольно хорошо разбираться во всех нюансах происходящих мировых событий. А вокруг слишком много противоречивой информации, и войны ведутся в современном мире не только оружием массового уничтожения, но ныне мы имеем понятие войны гибридной – когда информация также становится оружием.

Что такое гибридная война?

Она характеризует собой вид враждебных действий, при которых нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, в том числе кибервойны, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника. При этом военные действия могут вообще не вестись, и с формальной точки зрения гибридная война может протекать в мирное время. Нападающая сторона осуществляет стратегическую координацию указанных действий, сохраняя при этом возможность правдоподобного отрицания своей вовлечённости в конфликт. Классическими примерами гибридных военных действий в конце XX – начале XXI веков называют действия СССР в начальный период афганской войны (1979–1989 гг.), а также действия США, Пакистана, КНР и других государств по поддержке афганских моджахедов.

Гибридной войне может предшествовать и так называемая асимметричная война, которая может перерасти в гибридную по мере роста навыков повстанцев. Так, в 2000 году действия «Хезболлы» против израильской армии уже были вариантом гибридной войны. Встречается и другое её определение, как войны, сочетающей регулярные («симметричные») боевые действия с элементами асимметричных войн. В гибридных войнах асимметричная компонента может иметь решающее оперативное значение на поле боя, в отличие от обычных войн, где роль асимметричных игроков (например, партизан) состоит в отвлечении сил противника на поддержание безопасности вдали от поля боя.

Таким образом, фактически под определением «гибридная война» могут подразумеваться любые недружественные действия одной страны по отношению к другой без явных действий вооружённых сил. К тому же природа гибридных войн позволяет нападающему растягивать враждебные действия на длительное время, ис-

пытывая стратегическое терпение противника – обычно время играет в пользу стороны, использующей методы гибридной войны. На самом деле гибридные войны известны с глубокой древности, хотя технологии были другими, как то отравление колодцев и подкуп обороняющихся с тем, чтобы они открыли крепостные ворота.

Резонно задаться вопросом: так неужели те, кто развязывают войны – любого толка, те, кто ставят во главу угла собственные интересы, игнорируя не только интересы других, но определяя на грань выживания или даже уничтожая целые народы и страны, не получают возмездия по закону, который в общем-то един для всех?..

Да – сопротивление, да кого-то также убьют на поле брани, но ведь это все равно не коснется персон, что скрываются за действительно сражающимися и умирающими за идеи порой даже не известных им личностей... Просто к тому обязывает долг... Просто потому, что кто-то когда-то избрал своей стезей военную специальность.

Когда к тебе возвращается «ответка» – реагируешь быстро и болезненно. Вопрос в том, чтобы понять подоплеку, хотя, да, это дано не каждому, и не каждый желает заниматься самоанализом. Здесь уместно вспомнить Омара Хайяма, персидского философа, математика, астронома и поэта, жившего на рубеже XI и XII веков:

*Не делай зла – вернется бумерангом,
Не плюй в колодец – будешь воду пить,
Не оскорбляй того, кто ниже рангом,
А вдруг придется что-нибудь просить.
Не предавай друзей, их не заменишь,
И не теряй любимых – не вернешь,
Не лги себе – со временем проверишь,
Что этой ложью сам себя ты предаёшь.*

Многие могут подтвердить – мысли материальны. Но часто люди не хотят видеть связь не только между поступками и событиями, но также мыслями и поступками. А ведь любое действие совершается лишь после того, как к человеку пришла та или иная мысль – пусть даже мелькнула невзрачной тенью и унеслась, но все же мелькнула. Человек обязательно получит то, что отдал. Если это была злоба, агрессия, то же можно ждать и взамен. В случае с добром – оно возвращается двукратно и более.

Возникает вопрос: если всё так просто, то почему столько добрых людей живут несчастливо?

Ответ кроется в мотивах.

Совершаешь благой поступок неискренне, с негативными эмоциями, они и возвращаются вместо добра. Кстати, закон бумеранга в большинстве случаев касается нематериальных ценностей. Хотя их и не исключает. Отдавая добрые эмоции, мы их получаем обратно, обстоятельства складываются как можно лучше для нас. По мнению успешных людей, успех – это следствие того, что когда-то они оказали помощь тем, кто отчаянно в ней нуждался, и заключалась она не в деньгах, то были знания или жизненный опыт. Так же и с негативом.

Почему же люди сомневаются в законе бумеранга?

Поверить в «отдачу» мешают:

- завышенная самооценка;
- излишняя самоуверенность;
- необоснованный оптимизм;
- честолюбие;
- трусость;
- злоба;
- высокомерие;
- мстительность;
- инфантильность.

Как же защититься от бумеранга?

...Мне не раз приходилось уворачиваться во время провокаций, сначала недоумевая, почему вроде бы близкий человек провоцирует на обсуждение и осуждение третьего лица, почему подобострастно втирается в доверие, как кот на мягких лапах подкрадываясь почти незаметно. И ты открываешься – потому что веришь в доброе начало и заинтересованность в тебе как в друге. Осознание приходит позднее – когда открытость оборачивается против тебя самого. Сбор информации – каким методом не важно – служит для чего-то, и, как любое ружье, которое висит на стене, должно однажды выстрелить, так и излишняя откровенность неизменно будет обращена против – сколько тому примеров.

*А судьба испытывает – насколько усвоен **данный урок**.*

Второй урок – закрепление материала: твое отношение, можешь абстрагироваться от обид и ответных действий – экзамен пройден. (Жанна)

Итак, что важно:

Не сплетничать, не критиковать и не осуждать поступки людей. Никому достоверно неизвестно, какие обстоятельства подтолкнули сделать так, а не иначе.

Даже в мыслях не желать никому плохого. Это касается и тех случаев, когда кто-то уже причинил обиду. Его поступки и негативная энергия все равно вернуться к нему. А ваши пожелания, пусть и частично, придут к вам. Об этом позаботятся Свыше. А вы в противовес походатайствуйте о не слишком суровом наказании для обидчика.

Не делайте окружающим больно. Не завидуйте. Направьте силы и энергию на собственное развитие. Зависть не даст добиться успеха.

Закон бумеранга в отношении сильных мира сего.

Если вернуться к началу разговора: почему иные, наплевав на всё, идут напролом – неужели на них этот закон не действует?

Не всё мы знаем, и не всё видим...

Сегодня большинством чиновников, управителей разных мастей и прочих с ними владеет страх. Страх настолько силен, что не оставляет шанса на добрые поступки и помыслы, тем более на альтруизм. Животный страх и понимание того, что для кого-то уже не будет просвета ни в этой жизни, ни в иной, заставляет идти до конца – своего или противника/оппонента, второе продлевает жизнь здесь, хоть какую... но все-таки жизнь.

Содержание

Надежда Фурзенко

Люди будущих поколений!	5
Континуум	8
Законы Вечности	9
«Стихи – моё спасение, уход от суеты...»	9
«В октябре оглянусь я на лето...»	10
Рондель	11
«Я – дрозд. Меня не сразу ты заметишь...»	11
«Далёкое вдруг станет близким, а близкое уходит вдаль...»	12
Душевное	12

Татьяна Бугаец

Есть только миг	13
-----------------	----

Валентина Бендерская

Полиптих	19
Приговор	24

Леонид Колганов

Птенец дракона	26
Тени рукопашной	27
Братский бой	28

Александр Василенко

XX век. Вторая половина	30
-------------------------	----

Елена Ханина

Голос разума	38
Время спрессовано	39
Наш мир	40
Одумайтесь	42

Татьяна Бадакова

Мой Пушкин	43
------------	----

Научил жить «во имя»	46
Письмо маме в 43-й год	49
Сад моего детства	53
Сентябрь	54
Пустота	56
Душа	57
Елена Петрова-Бауэр	
Слово к потомкам	58
Зацепилась за осень Душа...	60
Что наша Жизнь?	61
Размеренная Жизнь течёт у наших ног...	62
Я знаю точно, что Ты есть...	63
Бездомный пёс...	64
Как тоскливо бывает очень...	65
Надежда Волынкина	
Наше детство в посёлке	66
Ольга Труба	
Разговор с Ангелом-хранителем	73
Мама, erzähl mal!	73
Старый учитель	75
«Кабыла»	77
Сергей Лушников	
Жизнь прекрасна!	78
Исключительная благодать	79
Неприкаянный	93
Елена Тарасова-Райн	
Ностальгия	100
Осенний поцелуй	101
Помазана	102

Шарфик	103
Можешь ревновать	104
Умеют любить души	105
Татьяна Богомолова	
Слово к потомкам	106
Люди в футлярах	109
Людмила Ларкина	
Там день и ночь горит «Лампада»	114
Сергей Лушников	
Гуманитарная помощь	133
Красные розы	139
Спасительница	150
Виорика Пуриче	
«Я забуду тебя, я забуду...»	156
«Ходили раньше в городе трамваи...»	157
«Сморгни, Всевидящее око...»	158
«Над моими корнями креста и холма нет...»	159
«– Ты сама украсишь жизнь, словно ёлку...»	160
«Метель над і расставит точки...»	161
Ольга Хеннинг	
Слово к потомкам	162
Куриный бульон. Осколки	165
Илана Городисская	
Каждому свое время	184
«Золушка»: новый взгляд на старый добрый фильм	187
Тома Блюм	
Дневник одной души	195
Жанна Наварр, Яна Карпова	
Закон бумеранга	201

